

*Южный федеральный университет
Институт социологии и регионоведения ЮФУ
Ростовский областной музей краеведения
Ростовская региональная общественная организация
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Администрация Мясниковского района Ростовской области*



**Мариэтта Сергеевна Шагинян
(1888–1982)**

**М.С. ШАГИНЯН И ЕЕ СОВРЕМЕННОКИ
О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ**

**Материалы
IX Шагиняновских чтений –
региональной научно-практической конференции
13-14 мая 2022 года**

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2022

ББК 63.3(2)634-38

М 117

Редколлегия сборника:

Матвеев Г.А. – председатель,
Белов А.В., Осипова Т.О., Самарина Н.В.,
Соколова М.Ю., Тикиджьян Р.Г.

М 117 **М.С. Шагинян и ее современники о времени и о себе** : Материалы IX Шагиняновских чтений. 13 – 14 мая 2022 г. Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования. – 200 с.

ISBN 978-5-907559-42-4

В сборнике публикуются доклады и сообщения участников IX Шагиняновских чтений, которые посвящены актуальным вопросам изучения богатейшего литературного наследия М.С.Шагинян и ее современников- М.А.Шолохова, А.В.Калинина, В.А.Закруткина, поэтов Серебряного века З.Н.Гиппиус, С.Я.Парнок, писателей А.П.Бибика, Т.М.Керашева, украинских поэтов О.Вишня, П.Тычины, М.Рыльского, Н.Бажана, творческого пути С.Ю. Гершановой, скульптора Н.В.Можаева.

Книга может быть интересной для специалистов в области истории российской, советской литературы прошлого столетия, историков, краеведов, аспирантов, студентов, всех тех, кто интересуется проблемами отечественной культуры XX века.

ISBN 978-5-907559-42-4

© Авторы, 2022

© Оформление «Фонд науки и образования», 2022

ПРИВЕТСТВИЯ

От имени коллектива сотрудников Ростовского областного музея краеведения сердечно приветствую вас с началом работы IX Шагиняновских чтений. Ежегодные Шагиняновские чтения проводятся девятый раз. Это свидетельствует о том, что они отвечают актуальным потребностям нашего времени. Я должна отметить большую организационную работу Оргкомитета Чтений, без которой они не могли бы состояться. В нем – профессора и преподаватели ЮФУ, других ростовских вузов, краеведы, учителя. Они – настоящие подвижники, вкладывающие душу в это благородное дело.

Второй год, как к ним присоединились единомышленники из Москвы, Старой Руссы Новгородской области, других городов нашей страны. Таким образом, наша Шагиняновская научная конференция обретает общероссийский характер.

Девятые Шагиняновские чтения проводятся в год 50-летия Музея русско-армянской дружбы, сотрудники которого также вкладывают много сил в организацию и проведение Шагиняновских чтений, проводят большую работу по популяризации литературного наследия М.С. Шагинян, собирают материалы, связанные с ее жизнью и творчеством, проводят выставки и презентации. Желаю участникам конференции плодотворной работы.

Куликова Галина Николаевна,
директор ГБКУК Ростовской области
«Ростовский областной музей краеведения»

По поручению Председателя «Нахичеванской-на-Дону армянской общины» А.А. Сурмаляна приветствую всех участников IX-ых Шагиняновских чтений. Наша община с самого начала работы Шагиняновских чтений поддерживала это важное начинание, которое в последнее время переросло в широкое Шагиняновское движение по возрождению интереса к литературному наследию замечательной российской, советской писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян, обладающего

большим интеллектуальным, нравственным и патриотическим потенциалом. В это движение ежегодно включаются новые исследователи – краеведы, учителя, школьники не только Ростова-на-Дону и Ростовской области, но и из Москвы и других городов России.

Сегодня резко обострилась международная обстановка вокруг нашей страны. Западные политики пытаются изолировать Россию, которая стала энергично отстаивать свой суверенитет, стремятся исключить русскую культуру из мирового культурного процесса. Тем важнее в этих условиях изучать и пропагандировать нашу культуру, отстаивать ее великие достижения, особенно в молодежной среде. Изучение и пропаганда богатейшего литературного наследия М.С. Шагинян – одно из важных составляющих актуальной задачи формирования патриотизма в молодежной среде, гордости за принадлежность к нашей стране, к великой русской культуре.

Особо должен отметить, что в Институте социологии и регионоведения ЮФУ создается сайт этих Шагиняновских чтений, т.е. разрешается проблема, о которой мы мечтали уже много лет: создать условия для того, чтобы наработанные материалы всех Шагиняновских чтений стали доступны широкой общественности нашей страны и за ее пределами.

Желаю участникам конференции успешной работы, интересных научных дискуссий.

Саядов Сергей Михайлович,
кандидат исторических наук,
исполнительный директор РРОО
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»



ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.В. Белов

ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН

Счет времени у Мариэтты Сергеевны Шагинян всегда был «особенный, антиамериканский». Именно американцы, считала она, придумали формулу: «время – деньги». Но в деньгах нет ничего, кроме условности. А для М.С. Шагинян, «прошедшей через «зажиточность» детства, нищету молодости, безденежье зрелой поры, хорошие гонорары на склоне жизни, деньги никогда ничего не значили», кроме клочка бумаги или кусочка металла. Она их «легко теряла, отдавала, транжирила.» Деньгам вели счет цифры. А в формуле «время – деньги» и тому и другому счет велся цифрами: час, два часа, день, неделя, месяц, год... Или один, пятьдесят, сто долларов...

Но Мариэтта Сергеевна вела счет времени совсем по-другому, по-гегелевски, когда с мыслями автора «Философии природы» впервые познакомилась в начале XX столетия, часами просиживая над чтением Г. Гегеля в оригинале в Публичной библиотеке. Вот что на сей счет писал немецкий мыслитель: «Во времени, говорят, всё возникает и преходит». Но это не так, а, наоборот, «само время есть это становление, возникновение и прехождение... Время не ... ящик, в котором все помещено, как в потоке... Вещи исчезают не потому, что они находятся во времени, а потому, что сами они представляют собой временное, их объективным определением является то, что они таковы. Процесс самих действительных вещей составляет, следовательно, время» [1, с. 53-54]. Исходя из этой мысли, как одного «из самых глубоких мест у Гегеля», ей удалось сформировать у себя убеждение, что «время – это мы сами. Я чувствовала время как собственную жизнь, как дыхание». Мы «живем сделанным, созданным, почувствованным, переживаемым, а не часами и годами. Мы можем удерживать, удлинять и укорачивать свое время, можем его терять, но потерянное время – это наше самоубийство» [2, с. 370].

Если Запад отрекается от своего начала, «не хочет знать преемственности и великой, ведущей силы жизни, именуемой Временем (с большой буквы)», то в нашей культуре «эта сила жизни проступает, как связующее дыхание, во всем», нами создаваемом, «и она животворит наш взгляд на прошедшее. Вот с этим живым, направляющим несением времени в себе, Времени с большой буквы» [2, с. 7], Мариэтта Сергеевна, которая на протяжении всей своей сознательной жизни вела дневниковые записи и, пересматривая их уже в почтенном возрасте, приступила к их осмыслению в своей последней книге собственных воспоминаний, названных ею «Человек и Время. История человеческого становления».

Совершенно ясное впечатление от бытия своего первого пятилетия М.С. Шагинян называла «ощущением времени», которое тянулось очень медленно, было весьма устойчиво и даже почти неподвижно. «Счастливейшее переживание раннего детства – это медленность времени, протяженность в нем, не ведающая конца; это скупое, как счет без подведения итогов, сложение без суммы, движение в бесконечность» [2, с. 8], когда и день, и лето, и зима долго тянутся, а ребенок пребывает в них. Позднее у нее выросло «особое, детское, любовное доверие к течению времени, желание как бы держать его всегда за руку, близко, словно родное нечто, и сознавать его другом, хранителем, устройтелем жизни» [2, с. 51]. Но тогда, в самом начале пути, она даже и не предчувствовала, каким огромным путешествием будет ее жизнь, восклицая: «Как было легко жить в молодости и каким неценимым в те годы было сокровище силы, энергии и здоровья!» [2, с. 9, 16]. И вторично переживая свое прошлое, уже с большим багажом пережитого опыта, в котором главной поклажей был опыт наращивания «крепкой привычки к постоянному, ежедневному, огромному труду», автор «Человека и Времени...» словно видела «перед собой корректуру толстой книги своей Судьбы, положенную на стол мудрой рукой Времени». Тут многое, а особенно характерная шагиняновская черта – «постоянная тяга к творчеству» – «заново продумывается, впервые понимается по-настоящему. Нуждается, как и всякая корректура, в остановке, пояснении, правке» [2, с. 460]. И, будучи «творческим тружеником»,

М.С. Шагинян была благодарна потоку своего времени за то, что оно стало драгоценным каждой своей минутой, не оставляя и крупинки для всего того, что «было «посторонним»: расходом сил на болтовню, хождение в гости, прием гостей, увлечение людьми, ненужными сердцу, на все, что связано с богемой, с затратой энергии впустую, отнятой у часов творчества, труда, учебы, мышленья...» [2, с. 479].

Самую страстную заинтересованность в свои молодые годы она проявляла к книгам, которые в разное время были созданы многими людьми. За ними она могла гоняться по библиотекам, вновь и вновь перечитывать. А их авторы, если они были еще живы, становились ей нужны только в тех редких случаях, когда она бралась писать о них монографии. Она страстно и целостно влюблялась в героев своих книг. Они – Гёте, Шевченко, Мысливечек, Низами, Ленин и др. – становились вдруг родными и нужными, а досконально проследить их биографию с полным погружением в собранный и изученный материал теперь казалось для нее «делом всей жизни». Зато она проявляла совершенное равнодушие к литературным «знаменитостям», полное отсутствие интереса к «моде» во всем: «к пьесе», о которой «все говорят», к песне, которую «все поют», к выставке, на которую «все стремятся», «к имени, которое у всех в разговоре...». Так, скажем, М.С. Шагинян-студентка миновала гигантское преклонение перед именем Владимира Маяковского, ни разу не попыталась встретиться с Сергеем Есениным, игнорировала посещение знаменитых «симпозиумов» Вячеслава Иванова [2, с. 370]. «Жизнь, – вспоминала о своей студенческой молодости Мариэтта Сергеевна, – заставляла меня учиться, зарабатывать, ежедневно определенное количество часов иметь дело с книгой. Книжные и учебные занятия, слушанье лекций, подготовка к докладам на семинарах, уроки с ученицами «по всем предметам» и «по трем языкам», впитывание всех умственных веяний и процессов, происходивших в те годы не в замкнутых пространствах обществ и салонов, а как бы в самом воздухе Москвы, передававшихся словно на слух и на глаз, – все это обостряло деятельность жадного молодого мозга, тренировало его на выработке суждений, на схватывании впечатлений» [2, с. 233].

Мариэтта Сергеевна Шагинян гордилась своим трудом, которым она зарабатывала себе на хлеб, потому что «никто другой не заработает его для тебя, – это величайший воспитательный фактор на земле, вырабатывающий в человеке уважение к самому себе, к своим силам». Постепенно, подобно крупинкам в песочных часах, «накапливалась привычка к труду, покуда количество этих песчинок ежедневного многочасового труда не перешло в качество и чувство необходимости не превратилось в потребность» [2, с. 482-483]. Привыкая всегда писать для «живого и конкретного» адресата, а не для массы абстрактных «читателей», писать не «равнодушно», а всегда с бескорыстной любовью, «с пристрастием», она и не заметила, как эта привычка в ее публицистике и литературной прозе приобрела исповедально-дидактический характер, «душевно и мысленно» открывая двери в душу и в умственную жизнь своих адресатов.

Труд тогда становится творческим, т.е. «отрадным, любимым, нужным», – настаивала она, – когда человек привносит в него свою инициативу, нечто новое, индивидуальное; этот труд выступает «шагом вперед», когда человек способен продвинуться от дня сегодняшнего ко дню завтрашнему. Только культурно образованный человек, несущий в себе связь мышления с деятельностью, сознания с нравственностью, умственных способностей со своим поведением, не может быть ни формалистом, ни сухарем, не может превратиться в человека рассудка, действующего по принципу: «от сих – до сих».

Вслед за И. Кантом М.С. Шагинян прекрасно различала в мышлении ступени рассудка и разума. Для нее «разум – это всегда свежесть и зрелость; рассудок – всегда сухость и старчество». Если разум синтетичен, где сплавлены такие элементы, как подсознательное, природный инстинкт и интуиция, то рассудок «бездарно-аналитичен, присущ поверхностному образу жизни, практическому эгоизму, лишен всяких корней цельного человеческого существа – интуиции, инстинкта, сердца». Вот почему «творческим труженикам» (особенно «молодым, начинающим свой собственный век человеческим поколениям»), умеющим управлять своим

временем, нельзя обрести, как корабли под водой, ракушками рассудочного формализма, полной безжизненности и мертвой обязательности. Разумным существам борьба с этими ракушками, которыми они обросли, «восстание против рассудочности всегда полезно. Но не только полезно-необходимо» [2, с. 377-378].

Сформулированное Мариэттой Сергеевной Шагиной убеждение, что «время – это мы сами» опиралось на годами выработанные у нее некоторые принципы отношения ко Времени и правила благоговейного обращения с ним.

Во-первых, время на жизнь человеку отпущено в обрез. Потенциалы слуховой, зрительной и умственной энергии даются каждому из нас отнюдь не безгранично. Известно, что к старости люди слепнут, гложут, а то и впадают в слабоумие. Поэтому с ранних лет столь важно человеку следить за своим здоровьем, попусту не растрачивая его. Начинать надо с малого – с соблюдения режима «по часам», со строгого соблюдения времени завтраков, обедов, ужинов, – это «заложила во мне наша гимназия», – вспоминала М.С. Шагиная, которой всё это «очень нравилось», но тут же она восклицала: « У подруг, у знакомых – какой хаос в распорядке дня, какие исключения для каждого!.. [2, с. 173, 175].

Во-вторых, в молодости с грехом пополам читавшей «Киропедию» («Воспитание Кира») Мариэтте, увлекшейся образом основателя Ахеменидской державы, персидского царя Кира (590-530 до н.э.), понравилась фраза Ксенофонта о нем, что тот никогда не ел с утра, не сделав предварительно какой-либо работы. И она тогда же «приняла на вооружение и десятки лет соблюдала утренний режим: сперва за письменный стол, хорошенько поработать на свежую голову, и только потом, с чудным чувством удовлетворения в руке и в мозгу, сесть завтракать» [2, с. 219].

В-третьих, Время постоянно течет и никогда не останавливается. Если оно довольно долго находится в движении по прямой, но по одной и той же дороге, то его называют монотонным; и порой эта дорога приносит разочарование и боль. А если впереди стена, что же делать Времени, которое всегда течет?! Надобно обойти, обтечь эту

стену с правой или с левой стороны, т.е. повернуть. За этим поворотом хоть и снова дорога до горизонта, но уже не прежняя, монотонная, а новая дорога жизни... «Воды времени «обтекли стену». Раскрылась даль, и в дали этой был свой «вектор», свое направление – труд. И новый человек... Вот что спасает при всех кризисах, вот что высветливает темноту в душе, заставляет забыть любое страдание, снимает любую боль – труд, работа и новая самоотдача» [2, с. 477].

В-четвертых, на своем столе в молодости М.С. Шагинян держала пачку цветных карандашей, а над столом красовался кнопками прикрепленный к стене большой лист бумаги. Он был поделен чертою на две половинки. Над левой половинкой, озаглавленной «Дни и часы», «было записано, сколько надо сделать и чего именно на каждый день и час»; правая половинка «состояла из пустых мест для записи: выполнено или нет. Ежевечерне перед самым сном наступал удивительный, сильно переживаемый миг: «я красным карандашом в квадратике пройденного дня и его часов ставила крестики: выполнено!» И мне «удивительно хорошо спалось! Или – когда ставилось *нет*, изредка, *синим* карандашом», – поднимался со дна души неприятный, горький осадок, скребло что-то внутри. И хотя я старалась утихомирить этот скреб, говоря самой себе: «Доделаю завтра», – но сон не приходил долго и был клочковатым. То была особая бухгалтерия особого «творческого плана!» [2, с. 478-479].

В-пятых, дело касается «доделаю завтра»! С ужасом смотрела М.С. Шагинян, как у части современной ей молодежи выкристаллизовывалось пустое отношение ко времени, т.е. «времяпрепровождение».

Очень сокрушалась Мариэтта Сергеевна о молодых людях, у которых часы, дни, а то и годы проходят в *ничегонеделании*. Таким молодым людям напоминают: «Надо же успеть выучить, надо сделать к такому-то успеть сделать!» – и получают в ответ: «Пустяки, наверстаю! Успеется! Впереди много времени, версты и версты. Еще наверстаю. И время. Материальное время бежит как пустой конвейер, на который ничего не положено. День не положено, месяц не положено, год не не положено. Но когда пришел последний срок «наверстать», оказывается, -

молодой, энергичный человек наверстать не может. Один-два раза выйдет, а вообще – не получается, не выходит, хотя есть еще и время для этого, и силы, и здоровье. Почему не получается?» [2, с. 235-236].

Для ответа на этот вопрос М.С. Шагинян обращается к примеру со скрипачем. Если спросить у хорошего скрипача, который месяцами не брал в руки скрипку: почему у него не выходит знакомый музыкальный пассаж? Да потому, что не было ежедневной тренировки пальцев, не было практики. Пустое время между скрипачем и музыкой – это про-пу-щен-ное *времяпровождение*, и его способности «притупились, декомпенировались, назад пошли! И наоборот,- утверждает М.С. Шагинян,- если б он, этот промежуток времени, заполнялся вами, как на конвейере, практикой и практикой, повторением, изучением...,то ваши способности и ваше умение за этот промежуток времени упрочились бы, приобрели квалификацию, вошли в привычку» [2, с. 236-237]

И чтобы закрепить эту сентенцию, Мариэтта Сергеевна усиливала этот пример: «Но я неверно сказала, что промежуток откладывания своих дел в надежде «наверстать» оказывается для них только пустым и потерянным временем, – продолжала она. – Время никогда не бывает пустым. Оно откладывает на своем конвейере для праздной молодежи по кирпичику «пустоты» и «потерянности», создавая постепенно привычку к ничегонеделанью. И уже эта самая привычка ничегонеделанья и мешает им впоследствии «наверстать» [2, с. 236].

Здесь уместно напомнить еще о неприятии Мариэттой Сергеевной одной небылицы, которая была пущена ей в лицо со страниц центральной газеты одним замечательным советским писателем, которого она ценила. Поздравляя с днем рождения юбиляру, этот автор назвал свою статью в ее честь «Ни дня без строчки!». «Ну можно ли пустить в свет такую несусветную чепуху! – сокрушалась по этому поводу М.С. Шагинян. – Даже робот, если не заводить его, не может, слава богу, «ни дня без строчки». А уж человеку надо быть безнадежным идиотом или чурбаном, чтоб сделать это «ежестрочие» правилом поведенья.... Строчка только тогда сто́ит того, чтоб ее написали, когда эта строчка заслуживает, чтоб ее прочитали. «Строчка не

первичное – она результат работы духа, сердца, ...всего человека, если речь идет о писательской строке. У Гёте, великого трудолюбца, были дни, которые он обозначал для себя словом *vertandelt*, то есть «потрачено попусту». Но время делает свое дело даже тогда, когда человек думает, что он потратил его попусту... Пауза не пустота. Пауза в музыке, пауза в поэзии, в кирпиче, в цементе – строительный материал формы, двигательный нерв ритма... И человеку нужны паузы, «траты попусту», перерыв в действии, а главное – оседание накопленного, минута того не предусмотренного в плане бюджета времени, когда человек говорит: «Дайте подумать!» [2, с. 668-669]. А чтобы писательские строчки родились и их читали благодарные читатели, Мариэтта Сергеевна Шагинян исходила пол-Европы, изъездила полстраны, разговаривала с людьми, записывала эти беседы в записные книжки и дневники, неделями и месяцами просиживала в библиотеках, собирая необходимый и достоверный материал для этой самой публикуемой «строчки».

«Люди, радуйтесь своему богатству, – восклицала советская писательница в год своего 85-летия, – если вы видите и слышите в эти годы, если ноги у вас идут себе не спотыкаясь, колени не дрожат..., и не хнычьте на какие-то старческие пустяки. Вы еще молоды! Я была молода в свои восемьдесят пять лет. И ноги и глаза работали на славу, слух – я к нему привыкла и даже любила свою глуховатость, потому что она, как хорошее кухонное ситечко, пропускает в мои уши только главное, а не разный разговорный хлам, какой не заполняет, а «проводит» драгоценное время. Я была так молода, что казалась самой себе моложе прежних двадцати лет, потому что была охвачена глубоким неутомимым интересом к жизни» [2, с. 692]. А спустя еще пять лет, в год своего 90-летия Мариэтта Сергеевна Шагинян засобиравшись поработать над своей кандидатской диссертацией, незаконченной в годы Первой мировой войны ...в библиотеку Цюриха. И съездила ведь! А ехать пришлось поездом с двумя пересадками – сначала до Парижа, а от него до Берна, а уж потом на легковом автомобиле ее доставили в отель до окончательного места назначения. «Смутно и назойливо беспокоила меня недоконченность начатой работы, так и не

состоявшееся знакомство с неведомым Якобом Фрошаммером, воскрешение которого было мне завещано... профессором моим Николаем Дмитриевичем Виноградовым».[2,с.663]. М.С. Шагинян отправилась в Германию собирать в библиотеках материал о Фрошаммере, но началась Первая мировая война и пришлось вернуться в Россию. Диссертация не была написана. И вот в свои 90 лет, спустя шестьдесят шесть лет она неожиданно почувствовала себя в долгу перед прошлым. «Мне, как это ни странно, отпраздновав свои девяносто лет, захотелось защитить свою заброшенную диссертацию , заплатить старый долг судьбе, не уходить из жизни с непоплатенным счетом» [2, с. 663].

И что же?.. Материал был собран, но писательница... ослепла. Закончить диссертацию она не смогла.

А в заключении хотелось бы процитировать ссылку Мариэтты Сергеевны Шагинян, которую поразило четверостишие тирольского поэта Адольфа Пихлера. «Я о нем раньше никогда не слышала, у нас его, кажется, не переводили, – удручалась автор воспоминаний «Человек и Время». – И этот поэт оставил человечеству гениальнейшее четверостишие, мудрость, которую можно применить как совет, как указание каждому человеку [2, с. 715]:

Jung ist nur der Werdende
Auch mit weissen Haaren!
Wer in seiner Zeit erstarrt –
Mag zum Grabe fahren¹.

«Это стихотворение,- полагала М.С. Шагинян,- имеет себе равными по мудрости и созвучными по смыслу только знаменитые стихи Гёте из «Фауста»: «сера, мой друг, всякая теория, вечно зелено лишь дерево жизни.» Тирольский поэт

¹ Молод только тот, кто находится в процессе становления, в процессе роста, кто продолжает развиваться, хотя бы и с седыми волосами. А тот, кто недвижно пребывает (окопался, окаменел, застоялся) в своем времени, в узком кругу своего времени, тот пусть себе ложится в гроб. – Перевод М.С. Шагинян.

говорит о наличии двух времен: одного с большой буквы, развивающегося из прошлого в будущее, и другого – сейчастного, только сегодняшнего, «своего», узкого, своих узких интересов, узкого видения и понимания жизни, в котором застаивается, окаменевают человек, как муха в клее»[Там же]

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия природы // Г.В.Ф. Гегель Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 2. М., 1975.
2. Шагинян М.С. Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.

Е.А. Паламарчук

М.С. ШАГИНЯН ВСПОМИНАЕТ: АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Несмотря на то, что Мариэтта Сергеевна Шагинян начинала как яркая поэтесса Серебряного века, а затем превратилась в крупное литературное явление Советской эпохи, по окончании последней и до недавнего времени ее имя можно было с полным основанием отнести к незаслуженно полузабытым. Шагиняновские чтения, которые по инициативе недавно ушедшего от нас Николая Степановича Авдулова на протяжении ряда лет проводятся на Донской земле, не позволили пескам времени (заранее приносим извинение за использование этого штампа, но в данном случае считаем его уместным) окончательно поглотить его.

Лишь в последние годы стали появляться новые публикации, посвященные различным граням ее таланта – поэтического (сборники стихотворений «Первые встречи» [1, с. 154-170], «Orientalia» [2, с. 123-130]) и прозаического [3, с. 106-110]. Интерес представляет и исследование, посвященное

сотрудничеству М.С. Шагинян с книжным издательством «Мусагет» и его редактором Эмилием Метнером [4, с. 79-96].

Между тем, Мариэтта Сергеевна Шагинян относится к числу тех творческих личностей, масштаб и круг общения которых позволяет им на протяжении их жизни создать собственную «Вселенную», в которой соседствуют друг с другом многочисленные деятели, составляющие лицо эпохи. В этой связи огромный литературный и исторический интерес, по нашему мнению, представляет итоговая книга воспоминаний М.С. Шагинян «Человек и Время. История человеческого становления» [5].

Будучи российским и советским интеллигентом и оставаясь в этом отношении эталоном на протяжении всей своей жизни, М.С. Шагинян много рассуждала об особенностях отечественной интеллигенции, отличающих ее от представителей этого слоя из других стран. «Ни в одной стране, кроме нашей, – писала она, – я не встретила того особого нравственного качества нашей русской интеллигенции, какое очень трудно описать, но невозможно не почувствовать, когда сравниваешь, наблюдаешь, изучаешь интеллигенцию разных стран в ее жизни или читаешь о ней в книгах». Этим качеством, по мнению писательницы, является совесть. При этом под совестью она понимала осознание собственной вины по отношению к обездоленным. «Вина человеческой совести – чего-то непонятого внутри нас – перед человечеством, перед убожеством жизни, перед тяжким, беспросветным трудом, перед «малыми сими», хотя сам ты устроен, может быть, хуже тех, кого жалеешь сейчас острой, пронизывающей, виноватой жалостью» [5, с. 64-65].

Это понимание интеллигентности в полной мере проявилось в изложенном в мемуарах отношении М.С. Шагинян к тем обитателям дореволюционного российского интеллектуального Олимпа, кого судьба после октябрьских событий 1917 года навсегда разлучила с Родиной, разбросав по чужездальным городам и весям, и кто, в силу указанных обстоятельств, стал *persona non grata* в советском информационном пространстве и, следовательно, в соответствии с вышеприведенной логикой,

отчасти также мог быть отнесен к «обездоленным» соотечественникам.

Предваряя повествование о встречах с ними, М.С. Шагинян писала: «Отсюда, читатель, в рассказ мой будут вторгаться имена людей, ставших в будущем нашими врагами, злостными и активными. Нельзя простить им греха перед Родиной, их тупого непонимания величайшего события в истории нашей страны, значения этого события для человечества. Они бежали за рубеж и оттуда вредили и предавали нас. Но в пору моего рассказа они еще не были предателями. И, погружаясь в прошлое, я должна говорить о них с тогдашней интонацией, чтоб показать отношенья и вещи как они были...» [5, с. 249]. Далее следует крайне уважительное и полное ностальгических эмоций описание встреч и общения с видными деятелями будущей культурной эмигрантской среды, что в условиях советского режима представляло собой более чем мужественный шаг.

О полной драматизма истории знакомства, взаимоотношений Мариэтты Сергеевны Шагинян с Зинаидой Николаевной Гиппиус и Дмитрием Сергеевичем Мережковским, том влиянии, которое на определенном этапе они, в первую очередь, З. Гиппиус, оказали на начинающего литератора, зарождавшейся между ними дружбе и последовавшем разрыве, поставившем их по разные стороны баррикад, мы в свое время подробно писали [6, с. 76-84]. Характерно, что в книге воспоминаний З.Н. Гиппиус для М.С. Шагинян места не нашлось [7]. Однако ее имя встречается в переписке З.Н. Гиппиус и Д.В. Философова. В письме последнему от 29 мая 1916 года из Кисловодска, где тогда находились Мережковские, Зинаида Николаевна сообщала о полученном письме «от Мариэтты» и ожидаемом приезде последней (М.С. Шагинян, направлявшаяся в Ессентуки к Сергею Васильевичу Рахманинову, позднее писала: «...Я узнала, что Мережковские тоже в Кисловодске, и до поездки своей к Рахманинову не удержалась и пошла к ним. Встреча наша была очень тяжела, как бывает у близких когда-то друзей, изживших свои отношения дотла и уже не знающих, что им делать при встрече». З.Н. Гиппиус же 30 мая 1916 года так описала последнюю своему адресату: «...Вчера трагедия.

Явилась вечером Мариэтта... Она рыдала и орала целый вечер, наконец, призналась, что ищет «удобств» и за эволюцию, а не революцию (точно мы иные! Только прикрываемся плащом «верности»). Расстались навек!» [8, с. 791-792].

Помимо С.В. Рахманинова, «раз увидав... и почувствовав» которого, «нельзя было не привязаться к нему всем сердцем» [5, с. 475], особые отношения установились у М.С. Шагинян с одним из «младших символистов» поэтом Андреем Белым (псевдоним Бориса Николаевича Бугаева), которого Марина Цветаева окрестила «пленным духом», а А.А. Жданов в своем печально известном докладе 1946 года отнес к «представителям реакционного мракобесия и ренегатства в политике и искусстве» – наряду с З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским, Михаилом Кузминым и др. [9, с. 7]. Вот как М.С. Шагинян, впервые побывавшая на его публичном выступлении, передала свое впечатление: «Он не был похож на рассказы о нем... Худой, с напряженными плечами, непрерывно менявший место – сидевший, вскакивавший, садившийся на другой стул, он, казалось, весь был на каком-то ветру, обвевавшем его одного, даже волосы поднимал этот ветер, даже голос надламывал и взвивал, когда, встав у кафедры, он начал свое выступление... Я видела на кафедре истерзанного человека с вымученной речью, говоря, он вдруг стал быстро оглядываться, даже себе за спину, словно испугался, что кто-то вражеский его подслушивает. Нервно вели себя его пальцы, сжимаясь, стискивая углы кафедры, прячась в карманы, откидываясь за спину» [5, с. 303]. Приведем для сравнения характеристику А. Белого, данную лидером партии кадетов Павлом Николаевичем Милюковым: «Белый не просто ходил, а порхал в воздухе неземным созданием, едва прикасаясь к полу, производя руками какие-то волнообразные движения, вроде крыльев... Он не просто говорил: он вещал, и слова его были загадочны, как изречения Сивиллы. В них крылась тайна, недоступная профанам». В глазах Милюкова всё это представляло собой «фальшивое ломанье» [10, с. 288]. Впрочем, как следует из мемуаров политика, его предубежденность против А. Белого, которого он знал еще ребенком, бывая в гостях у его отца, известного математика, бывшего одно время деканом в Московском

университете, объяснялась тем, что, став знаменитым литератором, тот изобразил «профессорский круг, в который мы входили, ...так незаслуженно-злобно и карикатурно...» [10, с. 153, 278] (имеется в виду роман-эпопея А. Белого «Москва»). Несмотря на очевидное различие приведенных характеристик, обе они содержат одну характерную черту: Андрей Белый, все части его тела находились в непрерывном движении, что могло оказывать на наблюдавших его завораживающее или раздражающее впечатление, но никого не оставляло равнодушным.

На возникшем у них с поэтом позднее «романе в письмах» Мариэтта Сергеевна, по ее словам, «прошла в первый раз всю трагедию взаимоотношений с полюбившимся человеком, в которых одна сторона хочет общения – глубокой встречи души с душой, духа с духом, а другая сторона, чтобы поддержать потребность такого общения, хочет большего – сильного, захватывающего всего человека плотского чувства» [5, с. 304].

Наряду с указанными выше, в калейдоскопе мелькающих в воспоминаниях М.С. Шагинян имен – поэт Владислав Ходасевич, «изумительно» читавший А.С. Пушкина; видный философ и богослов Сергей Николаевич Булгаков, «удивительно милый и мягкий человек», к которому, к его «мимозовой какой-то недотрагиваемости, травмируемости, когда возникал спор о религии», М.С. Шагинян, по ее собственному признанию, питала слабость; религиозный философ и писатель Василий Васильевич Розанов, чью «сексуальную, старческую болтовню... даже очень большие его поклонники не всегда могли вытерпеть не только на бумаге..., а и в личном с ним общении»; встреченный у Мережковских Петр Бернгардович Струве, «...осмеянный большевиками, опустившийся до кадетов», запомнившийся М.С. Шагинян «с теплым чувством», поскольку единственный с пониманием и сочувствием отнесся к постигшему ее горю – потере любимой собаки [5, с. 250, 287, 294].

Не меньший интерес представляют живые зарисовки об эпизодических встречах со знаменитыми соотечественниками Федором Ивановичем Шаляпиным, наведавшимся в дом, где проживали сестры Шагинян, на предмет его покупки [5, с. 249]

(и глубокий, несмотря на юношеский возраст, анализ исполнения великим певцом партии демона в одноименной опере Антона Рубинштейна: «Шляпин... захотел дать... подлинную страшную фигуру Люцифера,... одаренную всем, что только может быть дано человеку, но – захотевшего стать еще большим. Не Богом, а выше Бога. Потому что быть как Бог значит быть вдвоем. Но демон не хотел делиться. Он хотел полного, абсолютного, неделимого обладания властью, хотел стать одним-единственным – и пал...») [5, с. 203-204]; Иванов Петровичем Павловым, преподавшим М.С. Шагинян-журналистке, которая должна была подготовить для газеты «Правда» серию статей о Пятнадцатом международном конгрессе физиологов, урок внимательного отношения к деталям [5, с. 208-210] и др.

Воспоминания о прошлом органически смешаны с размышлениями М.С. Шагинян о проблемах, стоявших перед советским обществом в различных сферах, таких как образование. При этом она признается, что «на старости многое из прошлого кажется лучше, чем нынешнее, может быть от «дымки времени», стирающей сумрачные пятна вдали» [5, с. 109]. Вспоминая своих учителей, обучавших ее в гимназии Л.Ф. Ржевской, учивших своих подопечных мыслить, знакомивших их с новинками литературы, Мариэтта Сергеевна писала о «больших преимуществах» «старой школы» перед школьными учебными заведениями, в которых обучались ее внуки. К числу главных преимуществ подобного рода она отнесла характерное для уроков ее юности «ощущение «резерва» образованности, зрелой интеллигентности в тех, кто преподавал» им, а также «в ту пору неосознанное, но несомненное добавочное чувство отношения самого учителя к своей науке, над которой он «хозяйствует», расширяя перед ученицами «школьные, «программные» горизонты» этой науки. В итоге такого подхода «интеллигентность класса росла, росла сама собой, независимо от того, что у нас, как и везде, были двоечники и троечники, не приготовившие урока» [5, с. 119-120, 124]. Выступая против казенного подхода, нередко характеризовавшего курсы усовершенствования учителей, М.С. Шагинян с тревогой указывала на то, что «без свободного развязывания творческой

инициативы» учителя, «без внимания к его индивидуальности, характеру, склонностям, одним напихиванием новых и новых «предметов», формирование «типа социалистического педагога» невозможно [5, с. 148]. При этом мемуарист признавалась, что именно период 1908-1914 годов, который в советское время было «принято не совсем точно, потому что не для всех, называть реакционными», стал определяющим для «выковки миросозерцанья» «группы молодежи, выросшей вне политики», к которой М.С. Шагинян с полным основанием относила себя. В качестве важнейшего итога этого развития она указывала «пониманье двух двигателей души человеческой, без которых не создается то целое, что мы называем в жизни одного лица – его «биографией», а в жизни всего человечества – его «историей» [5, с. 217-218, 231].

На протяжении всей своей долгой жизни М.С. Шагинян являла собой пример неиссякаемой энергии – как творческой, так и физической. В публикации, посвященной анализу ее дневника, отмечается: «Поразительна разносторонность Мариэтты Шагинян. Она цитирует Паскаля и Гёте, свободно разбирается в архитектуре и строительных материалах, живо интересуется технологией бездымного сжигания сланца, описывает множество различных машин и процессов..., выращивает мичуринские яблоки у себя на даче, интересуется музыкой и политической экономией, философией и наукой, заседает в ученом совете Института мировой литературы... Кто бы подумал, что Мариэтта Шагинян имеет диплом альпиниста? Между тем она первая женщина, взошедшая на Арагац» [11, с. 129-130].

Справедливость высказанной Мариэттой Сергеевной мысли о том, что хотя «технические революции очень, очень многое меняют в жизни, но «звезды в небе и нравственный закон в человеке» меняются куда медленней машины» [5, с. 141], в полной мере подтверждается ее собственной биографией. М.С. Шагинян представляет собой эпохальное явление, поскольку она всегда находилась в самой гуще событий, определявших характер советской эпохи, на которую пришлось большая часть ее долгой и плодотворной творческой жизни. При этом она сама неукоснительно следовала укоренившемуся в ней

нравственному закону, о чем, помимо прочего, свидетельствует то, что львиную долю своих воспоминаний, пусть и с понятными в подобных случаях подстраховочными оговорками, она посвятила представителям русской культуры, которые либо отказались связать свою судьбу с советским режимом, либо были отринуты этим режимом как ненужный и вредный в политическом отношении балласт, представив их живыми людьми во плоти и крови, что во многом шло вразрез с тогдашним официальным идеологическим дискурсом, в котором указанные исторические персонажи появлялись не часто и не иначе, как «прогнанными сквозь строй».

Литература

1. Зулумян Б.С. Поэтический сборник Мариэтты Шагинян «Первые встречи» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1.

2. Зулумян Б.С. История создания сборника «ORIENTALIA» // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Материалы IV Международной научной конференции. М., 2021.

3. Наприенко А.В. «Месс-Менд» Мариэтты Шагинян как «кинематографический» роман // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 1-2.

4. Глуховская Е.А. «Милые вмешательства в распорядок «Мусажета» Мариэтты Шагинян // Литературный факт. 2018. № 9.

5. Шагинян М.С. Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.

6. Паламарчук Е.А. Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский в творческой судьбе Мариэтты Шагинян // М.С. Шагинян и ее современники: Материалы VI Шагиняновских чтений (5 – 6, 12 апреля 2019 г., Ростов-на-Дону – Чалтырь). Ростов-на-Дону, 2019.

7. Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Кн. 2. Тбилиси, 1991.

8. Переписка З.Н. Гиппиус с Д.В. Философовым (1901–1914) // Литературное наследство. 2018. Т. 106. № 1.

9. Доклад т. А.А. Жданова «О журналах «Звезда» и «Ленинград» // Большевик. 1946. № 17-18.

10. Милюков П.Н. Воспоминания (1859-1917). Т. 1. М., 1990.

11. Лифшиц М.А., Рейнгардт Л.Я., Михайлов А.В. Дневник Мариэтты Шагинян // Контекст: Литературно-теоретические исследования. 1989. М., 1989.

АВТОПОРТРЕТ М.С. ШАГИНЯН
(по материалам книги «Человек и Время»)

Характерные черты личности М.С. Шагинян, выдающегося российского советского писателя, мыслителя, поэта, публициста, литературоведа, литературного критика не раз становились предметом пристального внимания исследователей [см.: 1]. Вместе с тем, многогранность творческой природы М.С. Шагинян, ее более чем семидесятилетний творческий путь в эпоху мировых исторических разломов, неустанный подвижнический идейно-нравственный поиск, мировоззренческие перестройки продолжают являть собой благодарный объект исследовательского анализа. В современную эпоху невиданного прежде ускорения исторического процесса каждое новое поколение россиян сталкивается с множеством новых проблем и одним из надежных путей их разрешения является новое прочтение прошлого, новые вопросы к опыту жизни и творчества его выдающихся представителей.

Выделим характерные черты Мариэтты Сергеевны Шагинян как творческой индивидуальности.

Прежде всего, следует объяснить – почему для анализа этой проблематики в качестве основного источника избрана книга М.С. Шагинян «Человек и Время. История человеческого становления». Эти воспоминания были опубликованы в виде книги в 1982 году, хотя фрагменты их печатались в 1972-1978 гг. в журнале «Новый мир». Мариэтта Сергеевна работала над этими мемуарами в конце своего большого литературного пути. Первую главу она завершила в 1970 г., а последнюю, 8-ю главу – в июле 1978 г., когда ей исполнилось 90 лет и 4 месяца [2, с. 558].

В этой книге М.С. Шагинян поставила цель: проанализировать, обобщить опыт своего жизненного и творческого пути, который был органически связан с жизнью страны, извлечь из этого опыта исповедально-дидактические, нравственные, исторические и культуроведческие уроки [2, с.

255]. Она подчеркивала, что в этих воспоминаниях интерпретирует свой жизненный путь, прошлое страны, опираясь на нажитый опыт «всего пережитого, всей панорамы жизни» [2, с. 351]. При этом М.С. Шагинян опиралась на свои дневниковые записи, которые вела большую часть жизни. Всё это обеспечило воспоминаниям М.С. Шагинян важную ценность как личностного, исторического и литературного источника.

Самая характерная, не часто встречающаяся в среде мастеров художественного слова черта творческой индивидуальности М.С. Шагинян – взаимодействие, взаимопроникновение в ее литературной (и не только литературной) деятельности художественного и научного способов освоения действительности. В книге «Человек и Время» можно найти основные факторы и вехи формирования такой специфической природы художественного творчества М.С. Шагинян. Существенную роль сыграли родительские гены, домашний уклад жизни Мариэтты в детстве и отрочестве. М.С. Шагинян отмечала, что ее отец – врач-исследователь, и «атмосфера в доме была насыщена сообщениями отца о своих опытах...» [2, с. 38]. Она отмечала: «мне нравилось следить за системой мышления, основанной на опытах» [2, с. 33]. Постепенно интерес к логическому мышлению, теоретизированию перерос у М.С. Шагинян в привычку «к теории, отвлеченному мышлению еще с гимназической скамьи» [2, с. 377].

С этим был связан и ее интерес к изучению философии, занятия которой развивали культуру теоретического мышления, получение ею диплома по философии в Высшей школе Герье. Способности М.С. Шагинян к исследовательской работе были замечены профессором Н.Д. Виноградовым, убедившим ее взяться за подготовку диссертации для присвоения первого научного звания – *магистра*. Писательница отмечала: «особенно горячо я занялась метаморфозами терминов» [2, с. 534], «чувствовала великое наслаждение гегельянца, научившегося владеть диалектикой» [2, с. 533]. М.С. Шагинян опубликовала научную статью «О природе времени у Гегеля». Всё это свидетельствовало о том, что у М.С. Шагинян были несомненные способности к научному творчеству. Это направление своего таланта М.С. Шагинян реализовала в работе

над монографией «Тарас Шевченко», которая была защищена на соискание ученой степени доктора филологических наук, в ее литературоведческих трудах, посвященных И. Гёте, Низами, К. Хетагурову.

Вместе с тем, у М.С. Шагинян всё более отчетливо и ярко проявлялся талант художественного постижения действительности, который она называла «даром апперцепции – умением целостно отпечатывать в мозгу сложное явление во всех его взаимосвязях. Тут художественные способности, – отмечала писательница, – начали у меня явственно сталкиваться с умственными склонностями, искусство – с наукой» [2, с. 184]. «Личной моей способностью, укоренившейся в Питере как наилучшая форма трудовой самоотдачи для меня, возрастающей с годами, – полагала она, – становилось *писательство*» [2, с. 377] (*курсив М.С. Шагинян*).

Художественные способности освоения действительности в творчестве писательницы проявились и в том, что, по ее словам, ей необходимо было, «чтобы какое-то видимое зернышко было, надо, чтобы я могла, вернее фантазия могла за что-то видимое, вещественное уцепиться, чтобы начать работу воображения» [2, с. 422]. Этот художественный дар проявился в ее неудержимом стремлении «схватить и передать именно это *неповторимое*, бывшее и оставшееся единичным, – *индивидуальность*» конкретного человека [2, с. 361].

М.С. Шагинян постоянно использовала художественный и научный инструментарий познания и освоения действительности при создании практически всех своих произведений. Эта особенность творческой природы М.С. Шагинян способствовала редкому жанровому разнообразию ее литературного наследия: романы, повести, поэзия, публицистика, очерки, пьесы, детективы, литературоведческие и литературно-критические работы, дневники, мемуары.

Синтез художественного и научного постижения мира, эта «двойная тяга», присущая творческой индивидуальности М.С. Шагинян, обеспечила ее произведениям глубину постижения сложнейших противоречий переломного XX века.

Другая важнейшая черта, присущая творческой индивидуальности М.С. Шагинян, заключалась в том, что ее

жизнь, творчество представляются типичным массовым проявлением культурной сложности, двойственной этнокультурной идентичности людей, исторически сложившихся в нашей стране. М.С. Шагинян одновременно принадлежала к русской и армянской культурам. Она писала свои произведения на русском языке, но всегда помнила о своих армянских корнях, понимала армянскую речь, умела читать и переводить армянские тексты, в том числе на древнеармянском грабаре. Значительная часть ее творческого наследия посвящена истории, культуре как русского, так и армянского народов.

Истоки этой двойственной этнокультурной идентичности М.С. Шагинян коренились в ее происхождении, воспитании и образовании, ее окружении. Вот как она писала о своем происхождении: «И по матери, крымской армянке, и по отцу, измаильцу-григориопольцу, я принадлежу к этой странствующей анийской ветви моего народа» [2, с. 14]. «Я ответвилась от этого народа, поросла его веточкой – и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [2, с. 9]. Вместе с тем, М.С. Шагинян отмечала: «Наша семья была частью московской армянской колонии, но практически жила интересами и жизнью московско-русской интеллигенции. Русское начало проникало во все поры нашего дома...» [2, с. 53].

Выделяясь широтой кругозора, М.С. Шагинян писала: «Ненавижу восхвалять «свое» только потому, что оно «свое» и ругать «чужое» только потому, что оно «чужое»» [2, с. 50]. М.С. Шагинян, посвятив много теплых благодарных слов своим армянским родственникам, друзьям, знакомым, известным современникам [см.: 5, с. 176-178, 480-496, 504, 507-517, 547-550, 557-559 и др.], предельно резко высказывалась о деятельности, например, армянского архиепископа в Кишиневе Григория Захарьяна, который, став предводителем григориопольского духовенства, по документальным данным обложил прихожан такими непомерными церковными поборами, которые собирались с помощью полиции, что некоторые

представители армянской бедноты были вынуждены даже поменять веру. Мариэтта Сергеевна, комментируя это явление, восклицала: «Их ни турки, ни персы, ни монголы, ни римляне не смогли заставить переменить веру», а это умудрился сделать собственный пастырь, армянский архиепископ [2, с. 65].

Интернационализм был стержневой установкой мировоззрения М.С. Шагинян. В своей статье о И. Гёте, которого она считала своим «главным учителем», М.С. Шагинян писала: «Гёте близок к нашему времени своим постоянным напоминанием о необходимости народам земной планеты знать друг друга, жить в мире и взаимном понимании, решать возникающие вопросы и конфликты применением разума, а не оружия» [6, с. 174-175]. Интернационализм М. С. Шагинян очень ярко и творчески продуктивно реализовался не только в ее художественных произведениях, но и в литературно-критических статьях, посвященных творчеству писателей разных национальностей нашей страны и зарубежья, в монографиях о жизни и творческом пути И. Гете, Т. Шевченко, Низами и Мысливечека [7, с. 3-347].

По складу своего характера и темперамента М.С. Шагинян была человеком действенной мысли, постоянно стремилась к реализации гётевской идеи «делания жизни», к активному участию в общественной деятельности [3, с. 22, 74, 75, 79]. Она с воодушевлением восприняла как свою личную задачу цель, поставленную советской властью: преодолеть любые проявления вражды, недоверия народов друг к другу, сформировать отношения доверия, взаимного уважения, сотрудничества и дружбы между ними. Писатель последовательно и целеустремленно стремилась активно участвовать в становлении этих новых отношений между народами нашей страны, опираясь на все жанры своего творчества – художественные произведения, публицистику, литературно-критические работы, монографии, мемуары. М.С. Шагинян побывала практически во всех республиках СССР, изучая жизнь и культуру населявших их народов, неустанно пропагандируя их достижения во всех сферах

общественной жизни, знакомя читателей с их традициями, культурой и литературой. Она выступала не только как писатель, но и как талантливый общественный деятель, успешно утверждавшая отношения доверия, взаимного уважения, сотрудничества, дружбы между народами [8, с. 329-335].

Третья характерная черта творческой индивидуальности М.С. Шагинян – стремление с самого начала своего жизненного и творческого пути обрести прочные нравственные основания жизни. В автобиографии писательница отмечала: «С самого детства у меня были предпосылки к тому, чтобы решать вопросы общественного порядка в плане нравственном» [4, I, с. 20-21]. Книга воспоминаний «Человек и Время» свидетельствует о том, что М.С. Шагинян, анализируя опыт своего жизненного пути, процессы формирования своих нравственных устоев, преодолевая в детстве, отрочестве, юности, зрелые годы искушения, слабости, податливость чужим нравственным влияниям, всю жизнь пристально, критически оценивала свои поступки, учась у тех людей, с которыми сталкивала ее жизнь, исходя из этого, четко определяла свои представления о нравственном поведении.

Нравственная высота любого человека зависит от того, каковы его идеалы, устремления, основные жизненные установки. М.С. Шагинян писала о своих жизненных устремлениях, характерных для нее уже в отрочестве: «Характер, который хотелось воспитать в себе, должен был быть стойким, правдивым, верным данному слову, жертвующим собой для ближнего, идущим на смерть за истину» [2, с. 140]. Она определила главную страсть своей молодости: «*найти истину*, справедливую жизнь, равенство для всех, чувство самоуважения для каждого живого существа и чтоб не было больших и малых, любимчиков Бога, фаворитов, чтоб всем людям было хорошо и никому не было неловко в обществе других людей» [2, с. 295]. В книге воспоминаний М.С. Шагинян выделила другую важнейшую нравственную норму, следовать которой стремилась всю жизнь: «Никогда и ни для чего не делать человека средством» [2, с. 424]. В этих положениях писательницы зафиксированы основные установки, нормы

общечеловеческой морали: стремление к справедливости, к истине, к уважению достоинства других людей.

Стержнем воспитания нравственного человека, по мысли М.С. Шагинян, является его отношение к труду как к нравственной ценности, которое определяет самостояние человека в этой жизни, развитие его творческих способностей, нравственное здоровье и самоуважение. М.С. Шагинян неоднократно обращала внимание на большой воспитательный нравственный эффект трудовой деятельности для каждого человека: «Труд, - подчеркивала она, - свой, своим трудом заработанный хлеб, потому что никто другой не заработает его для тебя, – это величайший воспитательный фактор на земле, вырабатывающий в человеке уважение к самому себе, к своим силам» [2, с. 375].

Главную роль в формировании нравственной личности, как следует из книги М.С. Шагинян, играют, прежде всего, родители, семья, а также школа, опыт общения с другими людьми. Писательница вспоминала о нравственных уроках, кристаллизовавших ее нравственные ценности, которые преподали ей мама, Пепронэ Яковлевна Хлытчиева, и ее отец, Сергей (Саркис) Давыдович Шагинянц. Писательница вспоминала о самом главном свойстве своей матери: «легкость и необременительность добра, которое она делала для других» [2, с. 93]. Ориентируясь на эти нравственные установки, М.С. Шагинян писала о себе, что «всё, что делалось мною хорошего, где я выступала и поступала благородно, я тотчас, полусознательно выбрасывала из памяти, чтоб не копить у себя в мозгу «смягчающих обстоятельств», ...я научила себя сама – смотреть на свое хорошее как на естественное, само собой разумеющееся, свойственное каждому нормальному существу. А вот случаи, где я *уступала* или где подвергалась искушениям, запомнились навеки вечные, и, ставши взрослой, я их много раз ворошила в памяти»... [2, с. 82].

Большое нравственное влияние на М.С. Шагинян оказали поступки ее отца С.Д. Шагинянца. Писательница в своей книге привела характерный эпизод из его жизни: «когда после защиты диссертации он был выдвинут на кафедру диагностики внутренних болезней в Московском университете и ему было

предложено для ускорения дела перейти из армяно-григорианства в православие, он ответил министру: «Я – атеист. Но моя церковь связывает меня с моим народом, и отказаться от нее считаю отступничеством». После этого он долго был под негласным надзором полиции» [2, с. 54], осложнил себе продвижение в профессиональной карьере. Этим поступком отец преподавал дочерям не только урок достойного поведения, но и невозможность поступаться своими убеждениями.

М.С. Шагинян в книге воспоминаний продемонстрировала яркий (и в современной жизни актуальный) пример высоконравственного, уважительного отношения к памяти о своих взаимоотношениях с великим музыкантом С.В. Рахманиновым. Будучи в Лондоне, она узнала, что некий В. Серов издал монографию о С.В. Рахманинове, в которой, ссылаясь на переписку М.С. Шагинян с русским композитором, ее воспоминания о нем, пытался приписать ей «умолченную» ею любовь, и что она «не имела смелости правдиво сказать ему: думаю, что я – женщина для Вас» [2, с. 382-383]. Некоторые современные «героини» телевизионных каналов наверняка с восторгом ухватились бы за подобную версию, чтобы себя «пропиарить». М.С. Шагинян гневно отвергла домыслы автора о якобы ее любовных отношениях с композитором, что, по ее убеждению, важно «не только для меня, но и для памяти великого русского композитора, у которого эта страница нашей дружбы до конца его жизни (а, может быть, и моей) сохранилась едва ли не единственной по своему свету, чистоте, прямоте и бескорыстию человеческого взаимоотношения» [2, с. 383]. Она подчеркнула, что написанное в книге В. Серова «фальшиво, выдуманно на потребу нездорового любопытства западных читателей». «*Не было* никакого романа! – гневно отвергла М.С. Шагинян. - Но зато *было* нечто большее, чем роман, нечто такое, что идет из души в душу в той бескорыстной и человеческой дружбе, которая исходит от «я» к «ты» и в этом предельно выражает общечеловеческое» [2, с. 392-393].

Высокое нравственное чувство, являющееся стержнем авторской позиции М.С. Шагинян во всех ее произведениях, представляет особую актуальность в современных условиях, когда нравственные опоры, помогавшие человечеству сохранить

себя в течение тысячелетий, в эпохи попятных исторических движений и социальных катаклизмов, подвергаются нарастающей агрессивной ревизии.

Итак, характерные черты творческой индивидуальности М.С. Шагинян – редкое, органическое сочетание, синтез двух талантов – художественного и научного постижения действительности; ее двойственная этнокультурная идентичность, интернационализм как важнейшая мировоззренческая установка, определившие глубину ее проникновения в сложный мир межнациональных отношений; высокие нравственные устои, постоянное стремление «к активному деланию жизни» обеспечили литературному наследию писательницы глубину, объемность, творческую убедительность в постижении противоречий переломной эпохи в истории нашей страны, всего мира, обусловили его особое место отечественной литературе XX века.

Литература

1. Творчество Мариэтты Шагинян: сборник статей / Отв. сост. В.А. Ковалев. Л., 1980; Л.И. Скорино Мариэтта Шагинян – художник: жизнь и творчество. 2-е изд., доп. М., 1981; С.В. Лайне Мариэтта Шагинян (100 лет со дня рождения). М., 1988., Н.С. Авдулов, Н.В. Мирзабекова М.С. Шагинян: Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону 2013; Литературное наследие М.С. Шагинян: синтез научного и художественного творчества (круглый стол) // Научная мысль Кавказа. 2015 № 3, с. 138-144; Зулумян Б.С. Творчество Мариэтты Шагинян: современный взгляд // Армяне в истории и культуре России XVIII- XX вв. Материалы Международной научной конференции 26–28 октября 2016 г. Москва – Пушкино, 2016 и др.
2. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
3. Творчество Мариэтты Шагинян. Сборник статей. Л., 1980.
4. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. I. М., 1971.
5. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. VII. Статьи 1917-1973. М., 1974.
6. *Шагинян М.С.* Звезда Гёте // Там же.
7. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. VIII. Монографии. 1941–1973. М., 1975; Т. IX Работы о музыке. М., 1975.

8. См. подробнее об этом: *Матвеев Г.А.* М.С. Шагинян – глашатай дружбы и сотрудничества народов // Армяне в истории и культуре России XVIII-XX вв. Материалы Международной научной конференции. 26-28 октября 2016 г.

Б.С. Зулумян

МАРИЭТТА ШАГИНЯН И ЗИНАИДА ГИППИУС: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

К октябрю 1908 года относится начало истории отношений Мариэтты Шагинян, поэта Серебряного века [4, с. 672-674], с Зинаидой Гиппиус, одной из выдающихся представителей этого периода, которая и сама своей поэтической деятельностью творила эту столь значимую для русской культуры эпоху. Сама жизнь М.С. Шагинян читается сегодня как захватывающий своими перипетиями роман: история взаимоотношений, переписка с многими выдающимися представителями своего времени (Белым, Гиппиус, Рахманиновым, братьями Метнер, Блоком) могут составить материал для отдельного исследования или художественного произведения.

М.С. Шагинян выделила шесть эпизодов своей личной жизни того времени (1907-1909 гг.), которые происходили почти одновременно и по «катастрофичности» вызванных ими переживаний, один не уступал другому: учеба (лекции и семинары М.Д. Виноградова, Г.Г. Шпета, Н.И. Радцига), репетиторство, писание статей в газету «Приазовский край», «Новое слово»; кружок Новосельцева, «вторники» Литературно-художественного кружка, переписка с Зинаидой Гиппиус, переписка с Андреем Белым [7, с. 224]. Время создания первого поэтического сборника было временем и бурного личностного роста, и обретения опыта, и серьезных душевных и мировоззренческих потрясений. М.С. Шагинян проходила суровую жизненную и профессиональную школу.

По приезде в Москву, в 1908 году М.С. Шагинян поступила на философский факультет Высших курсов Герье. В это же время она познакомилась с Михаилом Александровичем Новоселовым, создателем «Религиозно-философской библиотеки». В 1907 году он организовал в Москве православный «Кружок ищущих христианского просвещения», заседания которого проходили на его квартире (так называемые «новоселовские четверги»). В состав кружка входили священники Павел Флоренский и Иосиф Фудель, Ф.Д. Самарин, В.А. Кожевников, С.Н. Булгаков, П.Б. и С.Б. Мансуровы, Н.Д. Кузнецов, Ф.К. Андреев. Активно посещая заседания кружка, М.С. Шагинян нашла там для своих юношеских исканий благодатную почву. Попытки понять мир сквозь призму религиозных представлений стали для нее первым серьезным испытанием. Впоследствии она написала в своих воспоминаниях: «М.А. сыграл в моей жизни большую и страшную роль» [7, с. 250]. Анализируя свое творческое становление, писательница отмечала, что «поиски мирозерцания, дающие положительное чувство мира, ...от остро чувствуемой собственной обездоленности, и социальной, и биологической, заставляли меня постоянно хотеть разрешать на бумаге противоречия, для меня неразрешимые в жизни» [5, с. 18].

В кружке Новоселова М.С. Шагинян познакомилась с Павлом Флоренским, Сергеем Булгаковым, заочно – с несомненным авторитетом для кружковцев – Николаем Бердяевым: общение с интереснейшими людьми времени дало свой результат. Однако со временем, ощутив некоторую фальшь новоселовских мировоззренческих построений, она стала тяготиться атмосферой кружка: живая ее душа противилась всяким ограничениям («больше всего на свете я любила свободу») и в итоге она восприняла теорию как обеднение сознания и души, религиозный максимализм – как препятствие на пути человеческой инициативы.

К периоду жизни в Москве, а затем и в Петербурге, относятся различные знакомства М.С. Шагинян с литературной богемой и художественной интеллигенцией. Раз за разом возникают удивительные отношения с поэтами: дружба с Вячеславом

Ходасевичем, дружба-влюбленность с Андреем Белым, дружба-поклонение с Зинаидой Гиппиус, чуть позже, с композитором Сергеем Рахманиновым, Николаем Метнером и его старшим братом Эмилием, с которым связана драматическая история любви молодой М.С. Шагинян, сотрудничество и переписка с Александром Блоком...

Первое знакомство М.С. Шагинян с творчеством Зинаиды Гиппиус состоялось, когда Владислав Ходасевич в один из своих приходов не застал сестер дома и забыл у них книжку. Это была книга стихов Зинаиды Гиппиус. М.С. Шагинян вспоминала, что ее поэзия «совершенно потрясает и определяет дальнейший путь развития на ближайшие три года» [5, с. 20]. Она написала письмо уже знаменитой к тому времени поэтессе, и, вне всякого ожидания, вскоре, 24 ноября 1908 г., в дом Феррари пришел ответ. Началась переписка (подробнейшие отчеты своего дня, мыслей, переживаний, то, что с сестрой Линой, М.С. Шагинян называла «регламентациями»), длившаяся несколько лет – это интереснейший человеческий и исторический документ. Первое письмо М.С. Шагинян не сохранилось, но его можно воспроизвести по ответу писательницы: вне ожидания она пространно и обстоятельно отвечает, живо откликнувшись на многие вопросы к ней адресованные. З.Н. Гиппиус писала, что письмо «хорошее, умное и трезвое. Знаете, очень важно, что *трезвое*. Так это редко теперь». И далее существенное замечание: «Вы словно подслушали мою душу» [2, с. 95]. Видимо, искренность и способность к рефлексии побудила перегруженную уже тогда и делами, и общением, и вниманием поклонников сорокалетнюю писательницу пойти на сближение и личное знакомство. Оно состоялось вскоре, когда З.Н. Гиппиус приехала в Москву и сама предложила ей встретиться, но предоставила это решать самой Мариэтте. Молодая девушка пошла в указанное место, но, не выдержав эмоционального напряжения, убежала. Переписка продолжалась, их взаимоотношения переходили из одной фазы в другую (от восторга, поклонения и служения – к разочарованию) и продолжалась до того момента, когда пути М. Шагинян и З. Гиппиус окончательно разошлись. Как отмечает Н. Королева, автор публикации писем З. Гиппиус, они представляют интерес

не только для изучения творчества М.С. Шагинян, но и самой З.Н. Гиппиус, так как «"закрытая" для собеседников, избегающая "исповедальности" в лирике и в своих дневниках Зинаида Гиппиус в письмах к Мариэтте, пожалуй, более "открыта", чем в общении с кем бы то ни было другим» [2, с. 94]. К октябрю 1909 г., увлеченная идеями «богоискательства», «соборности» М.С. Шагинян, не найдя духовной опоры в кружке Новоселова, в котором она принимала активное участие, по зову З.Н. Гиппиус, уехала в Петербург. В бесконечном процессе блуждания, искания «истины», «строительства новой церкви», по Д. Мережковскому и З. Гиппиус, обретался духовный опыт. В основе жизнечувствования М.С. Шагинян лежит *нравственное* переживание мира, именно поэтому представления З.Н. Гиппиус о свободе, Боге и мире, о том, что революции без Бога быть не может и она, революция 1905 г., была обречена на провал по этой причине и т.п., были ей близки, будто «спичку бросили в керосин».

Полуголодное существование, изнуряющая работа – репетиторство, переписывание пьес для заработка, писание очерков в газеты (публиковалась она с 14 лет, чем зарабатывала себе на жизнь после смерти отца), служение Мережковским (выполнение их поручений, вербовка рабочих для «церкви»), чтение лекций по античной философии «голгофовцам» (так называли себя члены кружка рабочих, целью которых был поиск новых путей христианского единения) и работа над собственными произведениями – вот неполный перечень того многообразного круга занятий, которыми было полно существование Мариэтты Шагинян в то время.

Три зимы, проведенные в Петербурге, стали для М.С. Шагинян практикой большой самостоятельной жизни, когда рядом не было даже сестры, ее ангела-хранителя и опекуна.

Но в личностном плане М.С. Шагинян была всегда на удивление самостоятельна и имела свое мнение по всем важным для нее вопросам. Подруги завидовали ей, что она в Петербурге имеет возможность познакомиться с кумирами того времени. Однако молодая писательница избегала этого: «Как же это, сидя в центре литературного Петербурга, – писала она, – в интереснейшее время истории русской литературы, так мало еще

у нас изученное, имея возможность своими глазами увидеть все эти туманные фигуры прошлого – автора «Мелкого беса» Федора Соллогуба; маленького «жукольника», «маптышечника», увесившего свою квартиру самодельными игрушками, Ремизова; мистика Вячеслава Иванова с его ореолом рыжеватых волос вокруг греческого лба; прекрасного, как молодой Дионис, Александра Блока, еще свежей памяти философа Владимира Соловьева с его бездонными соловьевскими глазами, переходившими по наследству ко всем Соловьевым, – как это так, почти живя на квартире у Мережковских, не увидеть их, не познакомиться, не описать! Ничему от них не поучиться, ничего не взять! Будучи почти три зимы подряд в центре литературного Петербурга, перевернувшего в нашей профессии писателя взгляд на язык и форму поэтического произведения, я не видела их, не заинтересовалась ими как живыми людьми, избегала всякой встречи с ними – совершенно сознательно и твердо, потому что мне было это ни к чему. Это был бы шаг в сторону, потеря времени, а значит – жизни. Но зато увидела я нечто другое, гораздо более неизвестное, соприкоснулась с этим неизвестным ...» [7, с. 296]. М.С. Шагинян имела в виду общение с простым народом, с рабочими, которые в своей изнуряющей тяжелым трудом жизни не теряли нравственных основ, простых человеческих ценностей и качеств; именно тогда, на мой взгляд, в ее сознании произошел мировоззренческий перелом, послуживший основанием (как и, собственно, ее трудовая жизнь, когда с 14 лет, после смерти отца она была вынуждена зарабатывать) впоследствии полностью и безоговорочно принять идеи большевизма.

Поначалу М.С. Шагинян относилась к З.Н. Гиппиус восторженно, поклонялась ей. Сама известная поэтесса тяготилась этой экзальтацией, призывая свою подопечную (которую называла «безумной»), но тем не менее высоко ценила) перейти на равные взаимоотношения [2, с. 96]. М.С. Шагинян часто бывала у Мережковских, подружилась с сестрой Зинаиды Татьяной. В кругу семьи Мережковских, а бывала она там 2-3 раза в неделю, они имели возможность обсуждать, дискутировать по различным вопросам, проводить по-семейному время, праздновать вместе Новый год. Готовность жертвовать

собой, служить З. Гиппиус – «таскать щепы для костра» – была искренней и побуждалась одним только устремлением – найти истину. Но как только Зинаида попробовала ввести ее в литературные круги, Мариэтта Шагинян замкнулась: внутренняя самостоятельность не позволила ей быть кем-то опекаемой, покровительство кого бы то ни было категорически отвергнуто. И это стало последней каплей в истории разрыва и ухода Мариэтты Шагинян, уже разочаровавшейся к тому времени в поисках «нового религиозного сознания». Двух-трех лет было более чем достаточно, чтобы прийти к определенной реалистической (с точки зрения М.С. Шагинян) оценке образа горячо любимой наставницы. На одном из первых писем она написала: «Люблю Зину на всю жизнь, клянусь в этом своею кровью, которую пишу. СПб, 9-е февраля 1910». Позже без даты стоит надпись: «Какая же я была дура, что не понимала эту старую зазнавшуюся декадентку, выдающую себя за саму простоту» [2, с. 92].

Разочаровавшись в учении Мережковских, в целом не принимая их образа жизни, М.С. Шагинян порвала с ними и в 1911 году возвратилась в Москву. Глубокие переживания этого времени оставили неизгладимый след в ее душе. Впоследствии она так описывала эти события: «...я резко ушла от них, ушла так, как всегда ухожу, порывая с чем-нибудь: с корнем вырвав даже воспоминания о прошлом». Уход Мариэтты Шагинян не оставил Зинаиду Гиппиус равнодушной, в строках ее стихотворения слышится еле скрываемая горечь и даже раздражение:

Не разлучайся, пока ты жив,
Ни ради горя, ни для игры,
Любовь не стерпит, не отомстив,
Любовь отнимет свои дары.

На эти строки М.С. Шагинян ответила:

Испуг и ложь, испуг в твоём укорё,
В бесплодных снах стоят твои года,
Душа ушла – не для игры и горя,
Но от игры и горя – для труда... [2, с. 373]

Прожив в Петербурге три года, М.С. Шагинян глубоко пережила разрыв с Мережковскими, но, повзрослев, на следующем этапе своей жизни, она встретилась с новыми испытаниями.

Первый сборник своих стихов М.С. Шагинян издала на собственные средства (на деньги, вырученные от продажи дедушкиной шубы). В своих воспоминаниях она отмечала, что для нее «школой сделалась поэзия Гиппиус. Я исключала ее из круга символистов. Она с первых стихов открылась мне как религиозно-революционное, нравственное, а вовсе не только литературное явление, и, может быть, поэтому учиться у нее было легко» [6, с. 295].

В пору создания своих поэтических сборников «Первые встречи» (1909) и «Orientalia» (1913), она не декларировала своих взглядов, а затем и пыталась отрицать свою приверженность к направлениям (что, впрочем, свойственно многим художникам), однако влияние ведущего литературного направления эпохи – символизма – неоспоримо. В лекциях по эстетике, прочитанных в консерватории г. Нахичевани-на-Дону в 1918-1919 гг., она сформулировала теоретические положения, основанные на «философии неокантианства, повлиявшего на эстетику русского символизма» [5, с. 205].

В атмосфере 1910-х годов, когда поэтический небосклон был полон звезд, малых и больших, ее скромная книжка могла и вовсе пройти незамеченной. Однако на сборник откликнулась газета «Приазовский край» (1909, 19 января), тогда же на него обратил внимание такой крупный критик, как Иннокентий Анненский. Еще до выхода рецензии Зинаида Гиппиус писала Мариэтте Шагинян: «Вас даже, говорят, *сам* Иннокентий Анненский будет разбирать в "Аполлоне" рядом со мною» [1, с. 12-14].

По поводу сборника Зинаида Николаевна высказалась однозначно: «Излишний трагизм Ваш излечит мудрость жизни. Вернее – она покажет Вам другой, более трагичный облик мира, – но другой... Сбросьте этот кошмар поучений, кастрированных мыслей о православии и русских идеях etc. Ведь над нами простое небо, ведь сначала жизнь, а уж после – смысл ее... Скажу несколько слов о Вашей книге. Она меня ничем не

удивила. Такая именно, как я и думала. Это значит, что я Вас уже немного знаю; по письмам только могу знать – и вот, знаю. Она, конечно, хорошая, а не дурная, но издавать ее все же не следовало. Вам легко далась отличная форма, – ну, и это Вас соблазнило. Впрочем, – зачем я буду Вам писать "рецензию" о Вашей книге? Вы сама знаете, что там есть подражательность, есть и в форме (которая, повторяю, хороша) неудачности. Молодое, нежное, слабое, с невыявленной глубиной, подчас красивое, никогда не пошлое, с большими "возможностями" и с такой же большой опасностью, что эти возможности возможностями и останутся. Вы понимаете, я не обидное что-нибудь говорю, а только точное. От Вашей свободной воли (с сознанием) зависит, двинуть ли данное по пути к должному, или к недолжному, или никуда не двинуть. (0 5.02.1909)» [2, с. 100].

Сборник «Первые встречи» [2, с. 154-171] состоит из циклов: *Небо*, *Картинки*, *Детские портреты*, *Огоньки одинокие*, все стихотворения которых датированы 1906-1908 гг., т.е. до времени знакомства М.С. Шагинян с поэзией З.Н. Гиппиус, и, естественно, они не могли быть написаны под влиянием ее творчества. Сборник заключают циклы *Ynterieurs* и *Заколдованный замок*, созданные после знакомства с З.Н. Гиппиус в 1908 году. Именно эти циклы несут на себе печать поэзии З.Н. Гиппиус.

В следующем сборнике «*Orientalia*», который имел большой успех и переиздавался несколько раз, явных переключек с поэтами эпохи не просматривается. Здесь найдены темы и оригинальный стиль, что позволило критикам и читателям дать высокую оценку поэтическим открытиям М.С. Шагинян.

А закрытая страница взаимоотношений М.С. Шагинян с З.Н. Гиппиус стала достоянием истории и одним из интересных эпизодов многообразного Серебряного века.

Литература

1. Анненский И. О современном лиризме // Журнал «Аполлон», 1909, № 3.
2. Зинаида Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002.

3. Зулумян Б.С. Поэтический сборник М. Шагинян «Первые встречи// Известия ЮФУ. Филологические науки, 2021, № 1.
4. Русская литература 1920-1930 годов. Портреты прозаиков: в 3 кн. Кн. 2. М., 2016.
5. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Т. 3. М., 2005.
6. Шагинян М.С. Вместо предисловия //Собр. соч.: в 9 т. Т. I. М., 1971.
7. Шагинян М.С. Мироззрение и мастерство // Собр. соч. в 9 т. Т. I. М., 1971.С. 9-46.
8. Шагинян М.С. Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.

М.В. Орлова

**МАРИЭТТА ШАГИНЯН И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И СОБЫТИЯ XX ВЕКА
В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН И ЕЕ
СОВРЕМЕННОК НА ВЫСТАВКЕ В МУЗЕЕ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (ГМИРЛИ, г. Москва)²**

Поэтесса, писательница, историограф, журналист, искусствовед, М.С. Шагинян начала свой творческий путь как поклонница символистов, вошедшая в их круг как ученица старших символистов (З. Гиппиус и Д. Мережковский) и единомышленница, собеседница младших (Андрей Белый и его окружение), и с такой же страстью в 1917 г. приняла идеи

² Выставку подготовили: куратор: Моника Орлова; художник: Евгения Ионова; дизайнер: Анна Епанешникова; художники-оформители: Алексей Мозговой, Евгения Ионова; мультимедиа: Павел Князев; консультанты: Бурастан Зулумян, Елена Куранда.

Для доклада использованы материалы из фондов ГМИРЛИ имени В.И. Даля и фотографии Пёрушкина Анастаса Алексеевича (ГМИРЛИ имени В.И. Даля, 23 марта 2022 г., Отдел «Музей Серебряного века» (Дом В.Я. Брюсова)).

Выставка продлится до 30 сентября 2022 года.

советского времени. Она активно включилась в создание новой культуры, в разработку производственного романа и других жанров новейшей литературы. Смена веков, разностороннее образование, количество пережитых переломных событий и полученных ею государственных наград и званий, обширный круг общения с известными людьми, объем художественных и публицистических текстов, написанных за десятки лет – все эти события и факты изумляют воображение. Некоторые из событий и фактов, к которым имеет отношение предметный ряд экспозиции, отражены в «линии жизни»³.

23 марта в 19:00 в Музее Серебряного века (Дом В.Я. Брюсова), отделе Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля, на проспекте Мира, 30, открылась выставка «Мариэтта Шагинян и Серебряный век».

Выставка, организованная в так называемом «желтом зале» экспозиционного пространства на третьем этаже музея, приурочена к сорокалетию памяти писательницы. Тема пути Человека во Времени – основная на представленной экспозиции. Подразумевается внимание писательницы к концепции времени, философское осмысление этого понятия при работе над воспоминаниями, длинный творческий путь, а также биографические сюжеты из жизней тех людей, которые были близки Мариэтте Сергеевне в разные периоды. Среди всего многообразия биографических событий М.С. Шагинян для освещения на выставке выбраны лишь некоторые, с учетом специфики выставочного пространства.

Первый этап: рождение и детство в Москве, начало творческого пути среди поэтов эпохи модернизма до 1917 г. Этот период выделен белым цветом, учитывая текст книги «Человек и Время» – автором упоминаются кипенно-белые шторы, собиравшиеся на шнуре пышными круглыми пуфами, в комнате сестер Мариэтты и Магдалины, в московской квартире Саркиса Шагинянца. Стены, витрины, фон сопроводительного этикетажа на выставке покрашены белой краской. В этом

³ Благодарю за ценные сведения, представленные на выставку, исследователей творчества М.С. Шагинян Елену Куранду (Санкт-Петербург) и Бурастан Зулумян (Москва).

разделе представлены поэтические книги юной Мариэтты Шагинян, две первые книги стихов З.Н. Гиппиус, которые упоминаются в книге «О блаженстве имущего». На авантитуле второго издания книги «Orientalia» (М., 1913) есть дарственная надпись: «Зине, Диме и Дмитрию Сергеевичу в знак любви и памяти от Мариэтты». Экспонируются предметы из рукописного фонда музея: тетрадь Мариэтты Шагинян как студентки курсов Герье, конспекты по истории философии, тетрадь по древнегреческому языку, тетрадь с записями стихов, журнал «Аполлон» (№ 3, 1909, Библиотека кабинета Валерия Брюсова) со статьей Иннокентия Анненского о поэтессах, среди которых рецензируется книга стихов Мариэтты Шагинян «Первые встречи».

Второй этап: деятельность М.С. Шагинян в двадцатые годы: встречи с М. Зощенко, написание «Месс-Менд», переосмысление модернистской литературы начала века, активная деятельность в Армении, работа над очерками и романом «Гидроцентральный». Среди представленных экспонатов интересны черновые записи романа. Обращает на себя внимание экономия бумаги, писательница пишет мелко и убористо, красивым почерком, легко разбираемым при чтении.

Третий этап: Первый съезд советских писателей в 1934 году. В витрине и на стене представлены как фотографии выступавшей на трибуне съезда М.С. Шагинян, так и коллективные снимки людей, принимавших участие в работе съезда. Интересны шаржированные портреты советских писателей – современников М.С. Шагинян, выполненные художником В.П. Беляевым: А. Толстого, Е. Чаренца, И. Бабеля. В 1970-е годы, обладавшая прекрасной памятью, М.С. Шагинян вспоминала при записи советским телевидением речь И. Бабеля, запомнившуюся ей более всего.

Четвертый этап: годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Привлекают внимание фотографии писательницы в танкистском шлеме, позирование для съемки с лошадью – М.С. Шагинян, как известно, прекрасно ездил верхом. Центральный экспонат этого раздела – рукописная справка писательницы о деятельности в годы войны. Сотни выступлений

по радио, участие в многочисленных поездках в тылу, десятки статей, несколько изданных в этот период книг.

Пятый и шестой этапы: советское послевоенное время и, при продолжавшейся бурной деятельности М.С. Шагинян, торжественные празднования ее юбилеев – 60-летие в 1948-м, 80-летие в 1968-м и 90-летие в 1978 годах. Экспонируются первое издание книги «Человек и Время», снимки писательницы с ее первым биографом – Л.И. Скорино, фотографии с дарственными надписями от Народного артиста СССР А.И. Райкина, чьей дружбой дорожила М.С. Шагинян.

Эти шесть этапов, помимо представленного материала в витринах и на стенах, в упорядоченном линейном изложении показаны в так называемой «life line» или «time line» писательницы. Линия жизни Мариэтты Шагинян среди известных долгожителей эпохи Серебряного века, безусловно, самая длинная: родившаяся на год раньше Анны Ахматовой, М.С. Шагинян пережила ее, Бориса Пастернака, Корнея Чуковского и многих других. На склоне лет в мемуарах «Человек и Время» она писала о первых впечатлениях детства: «Тогда, в самом начале пути, я еще не предчувствовала, каким большим путешествием будет моя жизнь».

Посетители музея всегда интересуются представленными на выставке предметами, которыми пользовался главный герой событий.

Музейная коллекция предметов, связанных с М.С. Шагинян, обширна: альбомы коллекционера М.А. Торбин, рукописи, книги, портреты, личные вещи, переданные в музей, главным образом, внучкой, помощницей и наследницей Еленой Викторовной Шагинян. Тема пути и времени связаны с экспонируемыми реликвиями: изящный дорожный чемоданчик, часы. М.С. Шагинян любила, как она рассказывала, писать тексты перьями, а не ручкой. На выставке этой теме посвящена отдельная витрина, в которой представлены металлические перья разных лет и коробочки для хранения.

Мультимедийное наполнение выставки – небольшой сюжет, запись голоса писательницы сотрудниками музея в 1970-е гг. М.С. Шагинян рассказывала о своем пешем путешествии из Гейдельберга в Веймар летом 1914 года. В сюжете

представлены некоторые фотографии из фондов музея: на них лицо М.С. Шагинян изменяется – от юности до преклонных лет, в любом возрасте оставаясь одухотворенным.

Коллекция музея позволяет воссоздать отдельные этапы биографии писательницы, эстетика которой менялась со временем. При этом неизменным оставалось главное – активная жизненная позиция ярко одаренного человека, благодаря которой М.С. Шагинян была включена в историко-литературный процесс целый ряд десятилетий.

М.Ю. Соколова

ДВА ИЗДАНИЯ СКАЗКИ М.С. ШАГИНЯН «Повесть о двух сестрах и о волшебной стране Мерце».

Жизнь и творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян неразрывно связаны с Москвой. Но не менее судьбоносными для нее стали южнорусские торгово-промышленные города-соседи Ростов и Нахичевань-на-Дону. Сюда, в Нахичевань, родной город мамы Пепронэ Яковлевны Шагинян, урожденной Хлытчиевой, Мариэтта Сергеевна приезжала неоднократно и подолгу пребывала здесь.

В детстве она с родителями навещала в Нахичевани-на-Дону многочисленных родственников: «Тетушек у нас было много, сразу не перечесать... Когда называли в те годы фамилии самых именитых «первогильдийных» армян, то наверняка они были дядьями-мужьями маминых сестер: Джамгаров, Хатранов, Чикнаверов, Сагиров, Когбетлиев, Шилтов...» [1, с. 21].

В Нахичевани-на-Дону провел последние дни жизни отец писательницы Сергей Давыдович Шагинянц. После кончины мужа в 1902 году Пепронэ Яковлевна Шагинян приняла решение вернуться с детьми в родной город. Но уже в 1903 году тетя и крестная Ашхен Джамгарова отвезла Мариэтту Шагинян для продолжения образования в гимназию Л.Ф. Ржевской в Москву.

И благодаря сохранившимся письмам, адресованным Пепронэ Яковлевне в Нахичевань-на-Дону, мы узнаем о том, что шестнадцатилетняя гимназистка Мариэтта Шагинян, согласно ее собственным словам, «написала очень красивую поэму-сказку, с оригинальной и прекрасной идеей и посвятила ее папе. Первый сборник стихов будет посвящен ему же» [2].

К сказочному сюжету М.С. Шагинян вновь возвратилась в 1918-1919 годах после рождения дочери Мирель. В 1919 году в Ростове-на-Дону в издательстве «Детский мир» печатается «Повесть о двух сестрах и о волшебной стране Мэрце».

В своей автобиографии М.С. Шагинян писала следующее об этом периоде своей жизни: «В эти же годы мы с мужем выпустили в нахичеванской типографии третий томик моих рассказов, третье издание «Orientalia», курс «Введение в эстетику», читанный мною в Донской консерватории, и брошюрку «Искусство сцены» о театре имени Комиссаржевской, а также детскую мою книжку «Повесть о двух сестрах и о волшебной стране Мэрце», впоследствии переизданную в первом томе собрания моих сочинений от 1935 года» [3].

В фондах ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения» хранятся два экземпляра книги «Повесть о двух сестрах и о волшебной стране Мэрце», изданных в Ростове-на-Дону в 1919 году. Данные экземпляры были переданы в дар музею внучкой писательницы Еленой Викторовной Шагинян. На экземпляре (ОФ26556/36) имеется дарственная надпись, датированная 30 июня 1920 года и адресованная ее мужу, Якову Самсоновичу Хачатрянцу: «Моему милому спутнику в горе и радости, Джиму, от любящей Мариэтты». Официального посвящения данной книги кому-либо из родственников или друзей не было.

Иллюстратором данного издания выступил известный нахичеванский художник Аким Карпович Ованесов, ученик К.А. Савицкого. Его рисунки сделали «Повесть о двух сестрах...» более близкой ростово-нахичеванскому читателю. Трогательная сказка о приключениях двух сестер Маши и Лены, открывших для себя волшебную страну, воспринимается иначе, если взглянуть в иллюстрации к тексту, на которых

изображены героини повести и их родители. В сидящих за столом мужчине и женщине, родителях девочек, угадываются Сергей Давыдович и Пепронэ Яковлевна Шагинян. Да и юные фантазерки, героини книги, напоминают неразлучных сестер Муху (Мариэтту) и Лину (Магдалину).

В опубликованных воспоминаниях художника не упоминаются сведения о совместной работе с Мариэттой Шагинян над данной книгой, но представляется возможным предположить, что Аким Карпович достаточно хорошо был знаком с прототипами героев книги. И интерьеры московской квартиры удивительным образом напоминают нахичеванские.

В первом варианте сказки 14 глав. Произведение написано легким для восприятия языком. Автору так точно удается передать все оттенки эмоций ребенка от радости до горечи утраты (в сцене передаривания куклы), непонимания взрослых, требующих открыть все сокровенные детские тайны, ностальгию взрослого человека по утраченному миру детства, в котором всё воспринимается как маленькое чудо. Детали быта даруют удивительное ощущение «погружения» в атмосферу конца девятнадцатого века.

Отразились в повести и непрощенные подростковые обиды: «Дети очень обрадовались дяде крестному, хотя из этого вы не подумайте, что они его любили. <...> Обе сестры были лакомками и крестный никогда не приезжал без конфет» [4, с. 14]. Развод с тетушкой Ашхен (в данном варианте книги она выступает под именем Ксении), ранее любимому и почитаемому крестному, автор не простила.

В сказке чувствуется особо трепетное отношение М.С. Шагинян к отцу, его понимание и восприятие его таланта. Подаренная девочке Маше отцом тетрадь в «желтом глянцевого переплете» торгового дома «Мюр и Мерелиз» со словами: «Это тебе для твоей Мерцы, – сказал папа, – ты научись, милая, записывать свои стихи. А потом, как запишешь, приходи ко мне и покажешь» [4, с. 54].

Завершается первый вариант «Повести о двух сестрах...» главой «Где засияла Мерца», содержащей описание поездки на дачу, чудесного летнего утра и решением сочинить поэму «Лямет в тюрьме» с первыми строчками поэмы: «Мерце в

золоте сияет, / Край далек и пышен / Колокольня вся сияет, / Звон ее чуть слышен». Автор с легкой грустью отмечает, что дети не смогли больше проникнуть в волшебную страну, но «светлые сестры» наградили Машу «волшебным даром, открывающим все тайные миры и царства: ведь когда она выросла, Маша стала поэтом» [4, с. 67].

К сказочному повествованию о двух сестрах Мариэтта Сергеевна вернулась в 1958 году в возрасте семидесяти лет. Произведение было дополнено, переработано. Сказочная линия сюжета сохранилась с незначительными изменениями. Но главы, рассказывающие о быте семьи, воспитании детей и т.п. меняют смысловую нагрузку в духе времени.

Отдельным изданием сказка была вновь напечатана в 1959 году. М.С. Шагинян посвятила «Повесть о двух сестрах...» своим внукам: «Посвящается внучке Леночке, и внуку Сереже».

Художником-иллюстратором книги стал талантливый Галлей Евгений Михайлович, художник фильмов: «Новые похождения кота в сапогах» (1958), «Марья Искусница» (1959), «Гиперболоид инженера Гарина» (1965), «Дубравка» (1967), «Чиполлино» (1973) и многих других. Как художник по костюмам, он работал в знаменитой фильме-сказке «Морозко» (1964), занимался и мультипликацией. Его иллюстрации к сказке Джанни Родари «Приключения Чиполлино» знает и любит не одно поколение детей.

В тексте произведения появилось предисловие, кратко освещающее произошедшие с конца века изменения в повседневном существовании граждан страны, написанное 26 апреля 1958 г. в Кратово (дачный поселок в Раменском городском округе Московской области). В повести стало 15 глав. Глава седьмая «Принц Эли и змея Эби» была названа «В сияющей стране Мерце». Тетрадка для стихов вручается Маше в той же тринадцатой главе, но со словами: «Это тебе для твоей Мерцы, – сказал папа. – Но ты научись, милая, видеть свою Мерцу не за облаками, а на земле. Писать о живых людях куда труднее, чем выдумывать из головы. Вот ты и наблюдай и записывай, что увидишь, а потом приходи ко мне и читай мне вслух» [5, с. 604].

В главе 14 «Ходынское поле» появилось стихотворение «Богатство». В основу главы были положены реальные события из детства Мариэтты Шагинян: «Помню очень хорошо рассказы о Ходынке, когда мимо нас с Ходынского поля везли на телегах трупы задавленных во время коронации Николая II. Наша няня тоже была на Ходынке и принесла оттуда «царский подарок» – эмалированную жестяную кружку розово-голубого цвета с двуглавым орлом и вензелем нового самодержца, которому народ дал эпитет кровавого, и узорный платок с горстью орехов, пряников и черных сладких стручков – любимое уличное лакомство тех лет» [5, с. 605-610].

В главе 15 «Где засияла Мерце» появляется новое действующее лицо – «незнакомый гость», оказавшийся в дальнейшем редактором Иваном Ивановичем, старым большевиком, лично знавшим В.И. Ленина: «И он помог написать Маше большую книгу о гидростанции» [5, с. 617]. Именно редактору издания отводится дальнейшая роль наставника в написании книги о гидростанции («Гидроцентральный». 1931; переработанная версия 1949, – роман, действие которого происходит на строительстве Дзорогетской ГЭС).

При подготовке второго варианта книги Мариэтта Сергеевна Шагинян использовала издание 1919 года, делая многочисленные пометки карандашом в тексте книги. Безжалостно «просфора» была заменена на булку, няня крестилась не на иконы, а на угол. Из текста исчезли знаковые слова, характеризующие особенности быта конца XIX века. Не стало «сияющих колоколен» и «чудного звона». Папа девочек проникся «передовыми взглядами». И даже виноград для выздоравливающих девочек стал просто виноградом, а не «виноградом от Елисеева» [5, с. 556, 603, 616-617].

История сестер приобрела новые оттенки, утратив особое волшебство детства, став более «социальной», но не менее интересной. Книгу читают.

Невольно вспоминается высказывание Д.С. Лихачева «В любом литературном явлении так или иначе многообразно отражена и преображена реальность: от реальности быта до реальности исторического развития (прошлого и

современности), от реальности жизни автора до реальности самой литературы в ее традициях и противопоставлениях» [6, с. 3].

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
2. ГБУК РО «РОМК» ОФ 26556/36
3. Советские писатели. Автобиографии: в 2 т. М., 1959. Цит. по: http://www.detskiysad.ru/raznlit/avtobiografia_sha-ginyan.html.
Посещение 11.05.2022 г.
4. *Шагинян М.С.* Повесть о двух сестрах и волшебной стране Мэрце. Ростов-на-Дону, 1919.
5. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. 1. М., 1971.
6. *Лихачев Д.С.* От мысли к слову. М., 2017.

Р.Г. Тикиджьян, Ж.А. Кучурян

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР В 1920-1930 гг. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.С. ШАГИНЯН

Проблемы социальной сферы, забота о людях труда и их социальной защите «красной нитью» проходят практически через все произведения М.С. Шагинян 1920-1930-х гг., потом и позднее в ее разноплановом творчестве (дневники, очерки, повести и романы) в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Особый интерес так же представляют ее воспоминания, как важнейший тип литературно-исторического источника, воспроизводящий квинтэссенцию жизненного опыта писательницы в Российской империи и СССР. Анализ наблюдений писательницы после революции 1917 г. и

Гражданской войны в новой сфере свободного творческого и прикладного тяжелого труда, его соцзащиты, о роли женского труда, мы можем наблюдать уже в первых очерках «Как я была инструктором ткацкого дела» (1921), в повести-были «Перемена» (1923) [1, с. 3-23, 78-82].

Именно эти важные оценки М.С. Шагинян точно и четко воспроизводит в своих воспоминаниях «Человек и Время» (1980). Не менее значимым становится ее большая работа по изучению ситуации в период индустриализации в Закавказье и в Армении, раскрытая в серии очерков, а затем в романе «Гидроцентраль». В этом контексте нами изучены тексты данных очерков и произведений, для освещения ее оценок социальных проблем и социальной защиты в Советской России и СССР в 1920-1930 гг.

Особо следует выделить и привести отрывки из ее воспоминаний «Человек и Время», касающиеся первых преобразований Советской власти в сложных условиях перехода от политики военного коммунизма к НЭПу. Вот как сама писательница определяла его значение: «...Очень важно понять, что Октябрь принес утоление тоски по труду. Он утолил тоску по труду, потому что дал новое качество труду, изменил существо труда, сделал его *новым*. Уверена, что не мне одной это ясно, не одна я пережила и поняла это. Для таких, как я, для части интеллигенции, для рабочих новое качество труда – это созидание для справедливого строя жизни, первое в мире *раскрепощенье труда*, свобода инициативы в нем, свобода творчества... И на юге, в белой Вандее, когда пришли туда красные, это новое качество труда вспыхнуло, может быть, ярче и сильнее, проявилось убедительней, захватило сразу, нежели на севере, хотя, казалось бы, пришло с опозданием чуть ли не на два года и еще не было обжито, как там, где уже строился социализм.

Среди моих послеоктябрьских писаний очень нравившихся В.И. Ленину, был очерк «Как я была инструктором ткацкого дела», написанный о свежепережитом сразу по возвращении в Москву и Питер в 1921 году или в конце 1920-го, а напечатанный в сменовеховской «Новой России» № 2 в самом начале 1922 года. Сперва говорится в нем, как ринулась интеллигенция поработать, послужить новому строю вначале обычной своей профессиональной формой труда, потом проектами, докладами, чем можно. На юге у нас, где еще оставались военные постои, гражданская война приучила жителей к особой форме пропитания: размещались по домам красноармейцы, они приносили хозяйкам мясо, военный паек, хозяйки готовили солдатам и сами с ними питались, кормили семью. Жить становилось так интересно, так по-новому, что «шкурный вопрос», так называемая материальная сторона куда-то отодвинулась, не играла роли в поисках работы. Поиск был – *как, чем, где* послужить строительству нового мира. И вот когда я уже совсем отчаялась хоть чем-нибудь послужить революции, мне пришла повестка из губнаробраза. Меня призвали и назначили инструктором текстильного дела при только что образованном Донпрофобре (Донском отделе профессионального образования). Нынче сказали бы, в отдел ПТУ, профессионально-технических училищ, – вот с каких пор я связана с фабричной молодежью, с тремя магическими буквами профессионально-техническое училище, область профессиональных союзов, политехники, завтрашнего дня социализма и его przygotowительного класса в тот год.

Инструктор текстильного дела – это не от слова «текст» и к литературе никакого отношения не имеет. Летом в Анапе, чтоб не бездельничать, я поступила в «дамский кружок», где под эгидой преподавателя из Строгановского

училища курортные дамы учились прясть и ткать, и вышла из этой самодеятельной школы хорошей пряхой. Пряла и на веретенах и на «рукотворной» крестьянской ножной прялке, умела и ткать на ручном ткацком станке.

Из российской энциклопедии Брокгауза и Ефрона в один день я узнала историю ткачества, историю овцеводства, историю Донобласти, обработку льна, обработку конопли, науку о шерстоведении и уже не помню что еще... Уже я знала, какое у нас сырье и куда мы его продавали; знала, что ткачество неведомо донским городам даже в кустарном виде, что станичники не прядут, не обрабатывают коноплю... План, вставший передо мною к закату первого дня, был увлекательно прост. Надо только открыть в Ростове основную прядильно-ткацкую школу для срочной подготовки учителей. А по станицам разбросать отделения, где обучались бы элементарному прядению и ткачеству. Я уже узнала, что ткацкое кустарничество предшествует фабричному производству и далеко не убивается этим последним. Оттого-то мне мерещилось начало кустарничества в Донобласти наряду с широчайшими планами конопляного и льняного промысла, как зарождение будущего производственного центра... С того утра целый год и два месяца я жила только одною мыслью и в реализации ее не знала ни отдыха, ни усталости.

Надо защитить свой план, а с тобой спорят принципиально (мы были в полосе борьбы с кустарями). Надо оборудовать школу, а где взять станки, помещение, прялки, сырье? Надо открывать филиалы, а с кем?

Начало всему положил мандат. Этот мандат я сохраняю как реликвию: никогда ни одна бумага в моей жизни не была более потенциальной. Мандатом мне давалась широкая власть делать всё, что можно сделать доброй волей и голыми руками. Метод реквизиции был всесильен в

провинции тотчас после переворота. Не всегда он применялся правильно. Отобратить и переставить с места на место – дело пустое; однако оно давало иллюзию строительства.

Я очень скоро поняла, что реквизировать – значит разрушать; составила даже табличку, что можно и чего нельзя; можно реквизировать пустое помещение, можно реквизировать сырье, если тотчас же пустишь его в обработку, но никогда нельзя реквизировать машину, орудие производства, там, где она уже действует, – так гласила моя начальная этика. Между тем машина-то и была мне наиболее нужна. В Ростове несколько ткацких станков имелось в ремесленном училище да у немногих кустарей, возникших только с начала войны. Реквизировать их – значило разрушить готовое дело. И вот я отыскала инженера, изготовившего им эти станки, и волшебный мандат мой, как Алладинова лампа из «Тысячи и одной ночи», снабдил инженера заказом. За всё время моей деятельности, открыв основную и ряд сельских школ, я ни разу не реквизировала ни одного инструмента, ни одной прялки, хотя инвентарь, созданный мною для тогдашней школы, был весьма внушителен. С совнархозом мне пришлось вести дамскую политику. В совнархозе сидели спецы, люди воспитанные; они еще целовали женщинам руку и почитывали стихи. Я воевала с Чусоснабармом, райкомводом, реввоенсоветом, штабами всех дивизий, проходивших через Ростов, с телефонно-телеграфной командой, с ревтрибуналом, с курсантами, со всеми, кому не лень было въехать в мое помещение, занятое и отремонтированное под школу.

В донской станице остались одни бабы (всех казаков угнали сперва Деникин, потом Врангель), старики заседали в сельсоветах, а ребята шли за секретарей. Раз в неделю партийный комитет посылал туда ораторов на митинг. Я

было пустилась в путь одна с могущественным мандатом. Но меня чуть не избили на глазах у сельсовета. Агитаторше, посланной от парткома, спастись не удалось – казачки ее избили. С тех пор я ездила по станицам всегда в компании и наслушалась деревенских митингов, в конце которых ораторы выпускали меня как наглядное доказательство заботы города о деревне.

Я садилась на возвышении в огромном зале бывшего волостного управления с весами посередине (шла разверстка, и здесь производили ссыпку). Мне приносили с телеги прялку, чесалку, узелок с мытой шерстью. Я показывала, как надо чесать шерсть, делала кудель, садилась прясть и час-другой пряла под сердитыми, наблюдающими глазами казачек. Потом они подходили, трогали прялку, шерсть, нитку и меня заодно. Я невинно привирала, что платье мое (льняное) выткано мною самой. И тут же говорила о том, как можно и на Дону вырастить лен, годный для пряжи. Эти «сеансы» всегда были самыми интересными частями митинга. Иной раз они курьезно кончались; слушают-слушают казачки, одна скажет:

– «А ведь у нас тамбовцы есть, беженцы, ширинку ткать умеют, и красить умеют, и прядут-то чище тебя».

– «Зови тамбовцев!»

И являются благообразные «расейские», в лаптях, с тонкой усмешечкой. Оглядыт прялку, покритикуют. Беженцев я тотчас же мобилизовывала, делала преподавателями, вносила в ведомости губнаробраза и на месте, запротоколировав это собственноручно в заседании исполкома, открывала филиальное отделение.

Однажды в армянском селе с помощью таких беженцев мы инсценировали сбор, мочку, трепку и ческу дикой конопли; это было так показательно, что вся деревня ходила за нами, и к следующей осени бабы уже делали мешки и веревки.

Возвращаться приходилось чаще всего ночами, при холодной степной луне. Телега прыгает на рытвинах, рядом усталые митинговые ораторы, бледные городские люди. Смотрят на степь, на бегущие волны ковыля, под луной оживающие, как море, и пускаются иной раз в беседу со стариком возницей. Он хитрый – молчит, в бороду смотрит, вожжой пошевеливает: н-но! Старые крестьяне и казаки – консерваторы и оппозиционеры, но не в пример молодым они умеют и любят слушать и отлично разбирают поверхностные речи от глубоких. Я перевидала и переслушала в эти поездки множество людей и бесед.

Первая советская прядильно-ткацкая школа возникла как реальнейшее дело, с шестью станками и чулочными машинами, с пятьюдесятью прялками. Спец-лекторы, молодой и толковый строгановец – заведующий. Учениц и учеников столько, что одних кандидатов составились две очереди. В первые же три месяца мы дали наробразу сукно... Теперь и она ушла в воспоминанье. Я сделала свое дело, соскучилась по перу, вернулась на север.

Но все написанные мной книги и те, что, может быть, еще напишу, кажутся мне ничтожными по сравнению с годом и двумя месяцами, когда я была инструктором текстильного дела на Дону [2, с. 627-633].

Еще одним значимым результатом социально полезной и социозащитной деятельности в 1920-1930 гг. стало участие М.С. Шагинян в решении сложных вопросов социалистической модернизации СССР, проектов электрификации и индустриализации ранее отсталых национальных окраин России.

Осенью 1927 года Мариэтта Шагинян уехала в Армению в Лорипамбакское ущелье, где неподалеку на реке Каменке – Дзорагет – началось, согласно первому пятилетнему плану, строительство крупной гидроэлектростанции. Эта стройка входила важным звеном

в целый комплекс хозяйственных начинаний Армении. С комиссией ездила и М.С. Шагинян на место «будущей плотины на реке Каменке; отсюда по трассе проектируемого деривационного (выводного) канала... к месту постройки гидростанции». О первых своих впечатлениях писательница затем рассказала в статье «Где шумит Дзорагет», напечатанной в «Известиях» 21 мая 1927 года, и наметила узлы проблем, которые затем войдут важным звеном в ее роман «Гидроцентральный». Древний мир на переломе, движение от седой старины к началу новой истории народа, путь «...не от молодости к постарению, а от старости к помолодению».

Однако М.С. Шагинян всегда была не пассивным наблюдателем – она любила находиться в самой гуще событий. Она остро видела и понимала необходимость решения социальных проблем и соцзащиты в ходе решения задач индустриализации. Поселившись на стройке, она лично видела, как пришли в эти горы первые городские люди и стали вымеривать трассу будущего канала, как пошли грузы, как раскинулся деревянный городок второго строительного участка, и, наконец, как потянулись лорийские крестьяне вниз, в рабочие бараки, какова была у них бытовая жизнь и отдых после тяжелых смен. Также она сама участвовала в земляных работах, в работах по прокладке шпал, изучала рабочие чертежи, потом включалась и в борьбу стройки за оборудование.

Странствуя по Закавказью в поисках залежей дешевого местного строительного материала – туфа, писательница заметила, что дороги здесь просто отчаянные, «...то и дело ноги висят над пропастями, а лошади скользят по непролазной липкой грязище», она понимала, что это тоже в будущем техническая и социально значимая проблема, которую предстоит решать.

М.С. Шагинян видела, как люди в окрестностях еще обитают в пещерах, приспособив их под жилье, а рядом остатки поразительной архитектуры – монастыри и крепости. Старина переплеталась с современностью. Она четко выявляла и определяла глобальные проблемы социальных преобразований, которые предстояло еще разрешать молодому Советскому государству. Из этих поездок и наблюдений М.С. Шагинян выделила еще одну, главную для себя проблему – каковы же результаты капитализма в Закавказье. Он был еще жив – в середине 1920-х годов еще существовали концессии, частные заводы и рудники. Какую же пользу они приносили промышленности и способны ли были ее приносить?

Писательница воочию увидела, что заводы частных владельцев (в период НЭПа) отличались чудовищными условиями труда и нищенским оборудованием. В горнодобывающих районах рабочим платили «попудно», а это означало, что рабочие будут копать *где* и *как* попало, на медных рудниках медь добывалась по старинке, из-за чего там скапливалась вода, и рудник просто забрасывали.

Повсюду в своих поездках по Закавказью Мариэтта Сергеевна Шагинян встречала реальные свидетельства привычного хищничества частных владельцев, никудышной организации ими как промышленных, так и горных работ и, конечно, без соответствующих условий труда горнорабочих и их техники безопасности.

Заводы и рудники частновладельцев отличались и чудовищными условиями труда и нищенским оборудованием. Они были малорентабельны. Постоянные обвалы в штольнях, частые сбросы руды, образование тупиков, систематическая остановка работ – всё это видела М.С. Шагинян. В Чиатурах она записала в дневнике: «В этих шахтах очень много участков, испорченных частновладельцами, и работа с ними, систематизация их,

исправление, введение в общий план рудника – страшно трудно».

Подобную же картину тупого хищничества и одновременно поистине нищенского хозяйствования частновладельцев находит она и в Зангезуре, на медных рудниках. Здесь медь добывали по старинке вертикальной выработкой, когда же благодаря этому в рудниках скоплялась вода, выносили ее наверх... в козых мехах. Если же приток воды оказывался большим, просто бросали жилу и переходили на новую.

В итоге М.С. Шагинян самолично начала критику и штурм концессионеров, в Зангезуре она сама спустилась в недра горы, чтобы изучить условия труда рабочих. Там она обнаружила, что дышать было адски тяжело. Это был не только вопрос социальной защиты рабочих, соблюдения техники безопасности их тяжелого труда, но и сохранения их здоровья, что значило сохранение и защиту их семей. *Она немедленно подняла вопрос о том, что работать на такой глубине без вентиляции – преступление. Результатом ее упорной социально-защитной деятельности явилось введение новой системы вентиляции в шахтах и улучшения условий работы быта горнорабочих [см.: 3].*

В этом путешествии у М.С. Шагинян возникла неудержимое желание написать роман. И такой роман под названием «Гидроцентральный» появился в 1930-1931 гг., в котором она высветила столкновение двух взглядов на жизнь – творческого, революционного и старого, собственнического. Главная задача романа показать, что человек, наконец, получает возможность осуществить все свои способности в реальном деле. Становится ясно, что старый мир бессмысленно, преступно расточал труд и силы людей, а социализм одухотворил их труд и его социальную защиту. Революционная новь теснит тех, кто пытается жить по старинке, пафос революционных перемен происходит не только в экономике, но и в социальной сфере и внутреннем мире человека. «Гидроцентральный» одно из первых

произведений, рассказавших о начале индустриализации страны, о проблемах человека созидательного труда и творчества [см.: 4].

В статье «Гидростанция на Гизельдоне» М.С.Шагинян написала: «...вот сейчас перед второй пятилеткой наглядно видишь и чувствуешь, как далеко шагнул наш строительный и экономический опыт». Она предвидела, как СССР вскоре покроется сетью уникальных комбинированных строек, где современному инженеру и рабочему человеку, их семьям будет полностью обеспечено право на творческий созидательный труд и социальную защиту.

Таким образом, нами лишь обозначена социальная и социально-защитная проблематика в публикациях М.С. Шагинян в 1920-1930-х гг. Представляется актуальным продолжение исследований в этом направлении в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Перемена. Повесть-быль. М., 1923.
2. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.
3. *Скорино Л.И.* Мариэтта Шагинян – художник. Жизнь и творчество. М., 1975.
4. *Шагинян М.С.* Гидроцентральный. М., 1931.

Н.В. Самарина

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ЖЕНСКИЙ ВОПРОС НАЧАЛА XX ВЕКА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»

Женское движение как самостоятельное направление самоорганизации общества складывалось в России на рубеже XIX–XX веков. Серьезным стимулом этого процесса стала революция

1905-1907 годов. Факты самоорганизации и развития женского движения отмечались газетой, хотя бы на уровне хроникальных заметок. Его наиболее значимые события: первый Всероссийский женский съезд, начало празднования международного женского дня в странах Европы и в России, – удостаивались более или менее пространных статей. Нередко публиковался и тематический визуальный контент: рисунки, фото, карикатуры. Фотографии показывали появление женщин новых профессий (летчица, адвокат – участница процесса в мировом суде); действия английских суфражисток, женщину на избирательном участке в княжестве Финляндия и т.п. Такие публикации – вполне рутинная работа сотрудников газеты; в основном они носили случайный характер и появлялись на ее страницах как интересные и любопытные факты. В несколько утрированном виде информацию несли и карикатуры. Они обращали внимание читателей газеты то на маскулинизацию женской одежды (см. рис. 1, 3, 4, 5 в приложении к статье), то на распространение мужских форм поведения (рис. 3) или привычек (рис. 2). Встречаются изобразительные материалы в подшивках разных лет, но чаще всего в 1911-первой половине 1914 гг.

Отчетливое разделение терминов «женский вопрос» и «женское движение» на страницах газеты «Приазовский край» появилось в 1911 году в рубрике «Литературный дневник» М.С. Шагинян. С ее точки зрения, словосочетание «женский вопрос» употребляется в журнальном дискурсе всуе и чаще всего неуместно. «Правильнее было бы назвать неутомимую суетню вокруг женских прав делом, устройением, эмансипацией, как угодно. «Женское дело», да; но отнюдь не вопрос. Разве мы назовем вопросом то, в чем, в сущности, нет вопроса, что само по себе ясно, понятно и общедоступно? Женщина хочет учиться, хочет иметь права, хочет иметь работу, – отличное дело. Ей надо терпеливо и остроумно, с неуклонной решимостью добиваться того, что ей нужно. Какой же тут «вопрос»? <...> Всё, что поднято на знамени женского движения, носит характер профессиональный; это спор о профессии, о способностях, а еще вернее – это конкуренция рабочих сил» [1].

Приведенная цитата весьма примечательна как привязка к событиям, актуальным для времени написания эссе. В 1911 г. в

ряде европейских стран митингами и демонстрациями впервые отметили международный женский день 8 марта, причем наибольшая активность была проявлена там, где легально действовали социал-демократические партии: в Германии, Австро-Венгрии и Швеции. В России этот день начали отмечать лишь два года спустя. А вот французская мода на женские шаровары, появившаяся в том же 1911 году, распространилась по всей Европе, включая и Россию, эпатажу обывателя не менее, если не более, нападения английских суфражисток на представителей власти (см. рис. 3 в приложении). Весной-летом 1911 г. сотрудники «Приазовского края» отреагировали на новую моду рядом карикатур и фельетонов.

Возвращаясь к содержанию литературно-философского эссе М. Шагинян, отмечу, что, по мнению автора, женский вопрос относится не к области социологии, а к сфере метафизики как «вопрос о сокровенной, биологической сути женственного». Подчеркнув «наиболее тонкую разработку женской проблемы» О. Вейнингером, она ограничилась этим общим замечанием, не рассматривая его взгляды по существу. М.С. Шагинян считала, что унаследовали тематику О. Вейнингера в размышлениях о сути женственного некоторые беллетристы начала XX в. Именно на оценке их взглядов она и сосредоточилась. С ее точки зрения, художественная литература той или иной эпохи – это «сложный, многообразный, но в итоге верный показатель общественного умо-настроения и даже, в известном смысле, общественного физиологизма» [2].

В эссе «Женский вопрос» анализируются произведения двух писателей начала XX в., чье творчество, по мнению Мариэтты Сергеевны, концентрировалось на осмыслении вопроса о женщине, и которых обычно не сопоставляли в литературной критике эпохи. «Женщина – центр тяжести всех произведений и Бернарда Шоу, и Willy; к ней оттягиваются все соки, все лучшие мысли и лучшие чувства, вкладываемые в повествование. И как по-разному оба они видят женщину!», – восклицала М.С. Шагинян. Это разное видение, отмеченное Мариэттой Сергеевной, заслуживает комментария.

На момент написания ею статьи Б. Шоу – это несомненная литературная величина, драматургия которого была широко

известна и в России. Второго же М.С. Шагинян характеризует противоречиво. В одном контексте Willy – «легкомысленный француз», написавший «Claudine en menage» и «смеющийся над парижскими нравами». В другом же, «не только изящный стилист, не только остроумнейший из французских прозаиков, но и глубокий мыслитель, прячущий в улыбке умное, любящее и влюбленное в свою любовь сердце». В 1911 году ни читатели во Франции, ни литературный критик «Приазовского края» не знали, что под псевдонимом Willy в 1900-е годы публиковались ранние романы Сидони Колетт. Только в середине 1920-х гг. стало известно, что четыре романа о взрослении и разных этапах жизни Клодины, француженки-эмансипе эпохи модерна, написаны женщиной, ставшей самой влиятельной фигурой французской женской прозы первой половины XX в. Возможно, такое неведение для литературного критика оказалось во благо: М.С. Шагинян оценила обоих по единым критериям, без какой-либо скидки на гендерные различия.

М.С. Шагинян отметила объединявшее обоих писателей представление о том, что женщина «вся, в сокровенном бытии своем, создана для любви». Но в вопросе о том, какую роль играет любовь в жизни женщины, они высказывают противоположные суждения: «Женщина хочет быть любимой», – утверждал Б. Шоу. «Женщина хочет любить», – говорила Willy. У Б.Шоу, отмечала М.С. Шагинян, «женщиной руководит жажда материнства, инстинкт человекоствования, который есть своеобразное творчество женщины; она отдается ему, как поэт своим стихам, бессознательно стремится закрепить, обессмертить себя в потомстве». В отличие от Б. Шоу, Willy «находит в женщине глубокую жажду любить, а не только быть любимой, жажду личного действия, а не пассивной самоотдачи. Любовь для женщины – то высшее, одухотворяющее, бессмертное начало, приобщаясь к которому и она творит себя из ничего, из «создания» – в человека».

На вопрос о том, кто из авторов ближе к истине в трактовке женского «сокровенного бытия», Мариэтта Сергеевна без колебаний отвечала, что правы оба. «Невеста и мать – это два аспекта одного и того же, два крыла женственности, направленные в разные стороны, вечное материнство, с одной

стороны, вечное девичество, с другой; бессмертное томление о ребенке, передача себя в род – и бессмертная жажда, религиозна жажда Жениха, который должен прийти, хотя бы и не здесь, на земле, – двумя этими томлениями реализуется в женщине Эрос». И далее она резюмировала собственным пониманием сущности женского вопроса: «Вот истинно женский вопрос, – вопрос, над которым должна бы задуматься каждая женщина: какое томление, какой корень своего бытия выявить в мир: безликое земное материнство или же небесное девичество, запечатанное вечной печатью».

Формулируя свое понимание сути женского вопроса, М.С. Шагинян ограничилась только определением термина, абстрагируясь от тех политико-правовых и социокультурных препятствий, которые громоздились на пути свободного решения его женщиной. Эссе не превратилось в публицистический трактат, возможно, по причине следования канонам жанра, который она только лишь начинала осваивать; возможно, по цензурным соображениям, о которых мы часто забываем, имея дело с газетными публикациями 1900-1910-х годов.

Публикация 1913 года в «Приазовском крае» свидетельствует о том, что в начале XX в. именно так понимаемый «женский вопрос» уже вставал, по крайней мере, перед женщинами с высшим образованием. Появились и первые результаты принимавшихся ими решений. А. Литман, регулярно выступавший в газете с обзорами международной политики, в пространной заметке ознакомил читателей с результатами работы французского статистика-антропометра и социолога Бертильона. Последний, обнаружив факт падения рождаемости во Франции, стал искать вероятные причины этого явления. Значимым достоинством научного поиска Бертильона Литман считал факт обращения его не только к анализу экономических и бытовых факторов, но и к тенденциям, только зарождавшимся, и даже не во Франции, а за океаном, где женское образование получило большее развитие, чем в Европе. Появление в США анкеты о судьбе женщин, получивших высшее образование в конце XIX – начале XX вв., дало Бертильону возможность поставить проблему взаимосвязи женского высшего образования с брачностью и материнством.

Результаты работы социолога над анкетой, на которую ответили более 2800 женщин (из 5000 выпускниц), А. Литман даже не стал комментировать, настолько они оказались красноречивы. Так, две трети выпускниц 1890-1900-х годов американского женского колледжа в Маунт-Голиоки в брак не вступили, будучи «слишком разборчивыми невестами». Выходившие замуж, делали это в возрасте 27-28 лет, избранники их – в основном преподаватели или коммерческие служащие. Женщины прекращали работать, вступив в брак, но семьи их, по Бертильону, «для будущего нации почти не имеют значения». Из ста браков 39 оказались бездетными, в других же слоях населения США таковых браков было 10-12%. В семьях с детьми обозначилась тенденция к снижению количества детей: у матерей, окончивших колледж в 1890-х гг., было в среднем по 2,4 ребенка на семью; у тех, кто получил дипломы в 1900-1909 гг. – по 1,5. По мнению Бертильона, «такая слабая, ничтожная плодовитость ничем не лучше полной бездетности, – в первом, как и во втором случае нации угрожает вымирание, – в первом случае лишь более медленное, но не менее верное» [3]. Для человека XXI в. содержание публикации весьма банально, тенденция, выявленная французским антропометром, за прошедший XX век вполне проявила свое действие. Однако нельзя не отметить эту заметку как факт популяризации актуальных научных исследований, характерный для сотрудников провинциальной ежедневной газеты, выходившей в Ростове-на-Дону более ста лет тому назад.

Факты и события женского движения в крае нашли отражение на страницах «Приазовского края» не ранее времени образования женского клуба в Ростове весной 1907 года. Однако хроникальные заметки в «Приазовском крае» оказались скупы на информацию и разительно отличались от подробных описаний первых собраний ростовского женского клуба в другой большой ростовской ежедневной газете – «Южном телеграфе». Возможно, это объяснялось скептическим отношением сотрудников «Приазовского края» к клубной организации женщин в первые годы ее существования. В публикации 1912 года, посвященной пятилетию городского женского клуба, отмечалось: «В первое время в обществе

существовало ироническое отношение к клубу, и нужно было дирекции клуба затратить массу труда, чтобы уничтожить такое отношение» [4]. Похоже, это был упрек и в свой собственный адрес. В публикациях 1907 года в «Южном телеграфе»: репортаж об организационном собрании клуба [5], отчет об официальном открытии женского клуба, на котором присутствовали ростовский градоначальник И.Н. Зворыкин и ростово-нахичеванский полицмейстер [6], – усмотреть некую иронию в отношении новой организации невозможно. Они достаточно информативны и содержат массу любопытных подробностей о самом процессе организации клуба, его инициаторах, первых директрисах и проч.

Однако отчет о первом Всероссийском женском съезде (декабрь 1908 г.) [7] в «Приазовском крае» был опубликован оперативно, буквально вслед за завершением его заседаний, и значительно ранее появления в Ростове лекторов и докладчиц – популяризаторов этого события. Оценивая женский съезд как важное событие в общественной жизни России и первый шаг к объединению женщин в борьбе за «самоопределение своей личности», автор заметки Н. Георгиевич отмечал, что пока «завоевания в этой области можно считать лишь единичными». Обращение женского съезда к определению и поиску решений чисто практических задач: «об уничтожении опеки мужа, паспортной системы, запрещение труда женщин в опасных для их здоровья условиях, вопросы воспитания детей трудящихся женщин и т.д.», – оценивалось автором как положительный момент в его работе [8].

Более или менее пристальное внимание к работе ростовского женского клуба газета обозначила только в декабре 1911 года, в контексте подготовки его к проведению елки для «детей улицы», кстати, далеко не первой. Елки для детей членов клуба и для детей из малообеспеченных семей устраивались с рождества 1908 года (в отчете за 5 лет клубной работы упомянуто, что проведено 8 рождественских елок для детей, по две ежегодно). Клубные елки для детей членов того или иного клуба были в Ростове обычным явлением под Рождество и Новый год. И только женский клуб на исходе первого года своего существования начал проводить елки для детей городской бедноты.

Пяти лет не прошло как сотрудники «Приазовского края» обратили внимание на это «доброе, хорошее, великое дело». И, обратив на него внимание, сразу же призвали своих читателей и подписчиков к сбору средств для елки. Дело это было для газеты обычное и, как правило, имевшее неплохой эффект. В декабре 1911 года в газете появилось весьма красочное описание праздника, предстоящего «детям улицы»: «Первая елка от 11 до 3 часов дня бывает для младших детей, вторая – от 3 до 7 часов вечера – для старших. В течение этого времени всем детям без исключения дается завтрак (бутерброды из белого хлеба с какой угодно колбасой, ветчиной, сыром, консервами и горячими сосисками). Далее они все получают по мешку со сладостями и подарки в виде чего-либо носильного: платье, шубы, рубахи теплые, теплые платки, чулки, ботинки, галоши и всевозможные учебные пособия... Увеселительная программа состоит из пения, декламации, граммофона, хорового пения всех присутствующих детей и танцев» [9]. Примерно месяц спустя газета поместила отчет о прошедшей елке с длинным перечнем частных лиц и фирм, сделавших пожертвования деньгами, продуктами и вещами для детского праздника. В нем приняли участие 1000 детей разного возраста, получившие мешки со сладостями и подарки. Союз «и» в обоих газетных описаниях очень значим; пакеты со сладостями и подарками с елки в женском клубе, видимо, не считались [10].

Газетные публикации весны 1912 года в связи с пятилетием ростовского женского клуба содержат информацию об этапах и основных направлениях его работы, составе участников, количестве проведенных мероприятий просветительного и развлекательного характера. Таким образом, они служат ценным источником по истории этой организации, поскольку ни устава клуба, ни документов о его работе не выявлено. Так, из пространной информации об общем собрании клуба, узнаем, что накануне пятилетнего юбилея в нем состояло 227 человек, из них 184 (81%) женщины. В 1911 году при клубе открыли детский сад для детей от 4 до 8 лет. В нем работали как воспитательницы, так и учительницы, поскольку была поставлена задача всестороннего развития детей [11].

Из статьи «Пятилетие женского клуба» узнаем, что в клубе было несколько комиссий соответственно основным направлениям его работы: артистическая, общедоступных развлечений, библиотечная, воспитательная и др. Возникнув как организация, преследовавшая чисто феминистские задачи, клуб изменил свой устав в 1909 г., после чего в его составе появились и мужчины, а задачи культурно-просветительные стали доминировать. «Среди посетителей клуба преобладала трудовая интеллигенция, служащие контор и магазинов, а также рабочие». Дирекция клуба избиралась ежегодно. По публикации известно о существовании таких же клубов в Новочеркасске, Таганроге, Армавире, Ставрополе, с которыми поддерживались отношения. Здесь же приведена статистика клубных мероприятий, проведенных за пять лет. Лекций, докладов, чтений рефератов образовательного характера было 225, из них 31 – для детей; разного рода вечеров – 84 (почти треть их – 27 – общедоступные литературно-музыкальные). К этому следует добавить 8 детских елок и 4 так называемых «детских утра». В мероприятиях участвовали более 40 тыс. взрослых посетителей и более 9 тыс. детей [12].

Судя по публикациям газеты, первые пять лет были для клуба относительно благополучными, несмотря на его неоднородный состав и различия в оценке перспектив клубной работы ее участниками. Так, незадолго до пятилетия возникли разногласия между клубной дирекцией и комиссией общедоступных развлечений, закончившиеся выходом членов комиссии из состава клуба. Год спустя в докладе секретаря клуба М.Я. Левитовой отмечались переживаемые клубом материальные затруднения: вынужденный отказ от аренды большого помещения; не удалось открыть электробиограф (кинотеатр) для детей. Кроме того, возникла задолженность клуба банку и частным лицам. Долг достиг 1700 руб., что почти на четверть превышало общую сумму годовых взносов участников клуба [13]. Елку для «детей улицы» на Новый 1913 год, правда, еще удалось провести, о чем сообщалось в газете [14], но уже спустя год информации о подобном мероприятии на ее страницах не отыскивается.

Заметка об общем собрании клуба 20 мая 1913 года констатировала нарастание разногласий внутри организации:

кто-то ратовал за демократизацию его состава и понижение с этой целью членских взносов вдвое, другие заявляли о необходимости изменения устава клуба и превращения его в чисто просветительное учреждение. Однако последнее предложение не поддержало большинство собравшихся, одновременно проголосовавшее за уменьшение годовых взносов до 3 рублей [15]. Эта мера способствовала увеличению числа участников клуба. К осени 1913 года оно, по сведениям дирекции клуба, достигло 400 человек, т.е. почти удвоилось. В обновленном составе клуба преобладали служащие контор, магазинов и рабочие. Происшедшие изменения не улучшили финансовое положение клуба. Аренда большого помещения по-прежнему была не по средствам, а небольшое – не позволяло устраивать ни лекции, ни вечера [16].

Тем не менее, клуб продолжал существовать, о чем свидетельствуют объявления в газете о лекциях и музыкально-литературных вечерах. Летом 1914 г. в хронике отмечалось, что ростовский женский клуб возбудил ходатайство об изменении устава в целях распространения его деятельности на Нахичевань «ввиду того, что в Нахичевани дамский клуб давно ликвидировал свои дела» [17].

Не вполне ясно, участвовал ли женский клуб в подготовке к первому торжеству по поводу международного женского дня, которое в Ростове, как и в других провинциальных городах России, состоялось 23 февраля 1914 г. Год спустя, в 1915 г., в хронике «Приазовского края» отмечалось, что женский клуб планирует устроить «собеседование для членов клуба, посвященное женскому дню» [18]. А вот 23 февраля 1917 года на страницах газеты была опубликована большая, занявшая целый подвал газеты статья «Женский день», написанная М. Левитовой, чуть ли не бессменным секретарем ростовского женского клуба с начала его существования. В статье кратко, но отчетливо описано начало празднования в европейских странах (с 1911 года) и в России (с 1913 года) международного женского дня женщинами-работницами и участницами феминистских организаций. К чести автора, торжества эти она относит исключительно к истории женского движения, не употребляя запутанный ее современниками-публицистами термин «женский

вопрос» [19]. По содержанию статья М. Левитовой оказалась более информативной и интересной, чем публикации 1914 года. Тогда в «Приазовском крае» были напечатаны сразу три статьи разных авторов в связи с первым гласно отмечавшимся в России международным женским днем [20]. Однако ни один из трех авторов не был настолько вовлечен в тематику и проблематику женского движения, как одна из руководителей ростовского женского клуба.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шагинян М.* Женский вопрос // Приазовский край. 1911. 11 июля.
2. *Шагинян М.* Трагедия материнства // Приазовский край. 1912. 23 сентября.
3. *Л-н А.* (А. Литман). Высшее женское образование и материнство // Приазовский край. 1913. 14 сентября.
4. Пятилетие женского клуба // Приазовский край. 1912. 2 апреля.
5. В женском клубе // Южный Телеграф. 1907. 10 апреля.
6. Открытие женского клуба // Южный Телеграф. 1907. 5 ноября.
7. Инициатива проведения и организация женского съезда принадлежала Русскому женскому взаимно-благотворительному обществу, существовавшему в Петербурге с 1898 г. Между разрешением съезда властями и его реальным созывом прошло 6 лет.
8. *Георгиевич Н.* Темы жизни. Равноправие женщин // Приазовский край. 1908. 20 декабря.
9. В женском клубе // Приазовский край. 1911. 29 декабря.
10. Хроника // Приазовский край. 1912. 31 января.
11. В женском клубе // Приазовский край. 1912. 16 марта.
12. Пятилетие женского клуба // Приазовский край. 1912. 2 апреля.
13. В женском клубе // Приазовский край. 1913. 13 мая.
14. Елка для «детей улицы» // Приазовский край. 1913. 5 января.
15. Хроника // Приазовский край. 1913. 22 мая.
16. Хроника // Приазовский край. 1913. 3 октября.
17. Хроника // Приазовский край. 1914. 12 июня.
18. Хроника // Приазовский край. 1915. 24 февраля.
19. *Левитова М.* Женский день // Приазовский край. 1917. 23 февраля.
20. Приазовский край. 1914. 23 февраля: 3. Мезенцева. Женский день / К. Народин. Что же такое женский вопрос? / Пессимист (М. Швейцер) Листочки. О женском дне.

ПРИЛОЖЕНИЕ к статье
Н.В. Самариной

*Рис. 1. Жертва моды, скрывающаяся от насмешек толпы.
Приазовский край. 1911.*



– Видите, Жорж, я научилась курить!..
– Не с тех ли пор, как Вам перестали курить фимиам



Рис. 2. Женская эмансипация у разных народов. Приазовский край. 1911. 17 апреля



Рис. 3. Вопросы пола. Приазовский край. 1911



Рис. 4. Модницы. Приазовский край. 1911



Рис. 5. Приазовский край. 1911



— Вамъ изъ какого матеріала прикажете штаны сдѣлать?

— Гм... Пожалуй, изъ того-же, что у жены. Только помѣйте, пожалуйста, чтобы не перенутать.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ АНАТОЛИЯ КАЛИНИНА

Тема «Шолохов и Калинин» широка и многоаспектна. Она включает в себя и многолетние личные отношения двух писателей-земляков, и вопрос о специфике преломления шолоховских традиций в художественном мире А.В. Калинина, и взгляды писателя на место автора «Тихого Дона» в истории отечественной литературы. И здесь, конечно, невозможно пройти мимо книги, которая занимает особое место в творчестве А.В. Калинина, – «Время «Тихого Дона», имеющей подзаголовок: «Книга о жизни и творчестве М. Шолохова». Однако весьма значительную роль в решении этих вопросов играют и архивные материалы писателя, в частности, – личные письма А.В. Калинина.

В поле внимания авторов находятся несколько писем, любезно переданных в 2016 году дочерью писателя, Натальей Анатольевной Калининой. В них Анатолий Вениаминович касается двух, на наш взгляд, наиболее важных вопросов: 1) что подтолкнуло его к созданию работ о великом писателе (как известно, А.В. Калинин – автор не только книги, но и ряда очерков и статей о М.А. Шолохове); 2) место М.А. Шолохова в истории советской литературы.

13 февраля 1975 года Анатолий Вениаминович Калинин написал письмо Михаилу Степановичу Пенкину, тогдашнему члену редколлегии газеты «Известия», в котором просил ускорить публикацию очерка «Время «Тихого Дона». В качестве основного аргумента он обратил внимание на то, что появился целый отряд «Половцевых-Островных», целью которых является не только дискредитировать великого писателя, но и придать своим утверждениям «всеобщее общественное мнение», на которое они, якобы, опираются, а тем самым «отцедить из самого стремени «Тихого Дона», из стремени нашей литературы его «лазоревого цветок» [1]. Уже слово «стремя» ясно указывает, кого А.В. Калинин определяет в разряд «Половцевых-Островных».

Здесь же А.В. Калинин объяснил, почему, поставив в центре своего очерка роман «Тихий Дон», он обратился и к другим шолоховским произведениям: «Поднятой целине», «Науке ненависти», публицистике писателя, которая «по языку неотделима от его художественных текстов». Главной целью автора статьи являлось, по его словам, раскрыть «творческую родословную, жизненную природу произведений Шолохова, ...показать и то, что не на голом месте возник «Тихий Дон», и то, как развивался сам автор со своими героями, и закономерную связь истоков творчества Шолохова с их устьем» [1]. Таким образом, названная по контрасту с активно продвигаемой А.И. Солженицыным работой «Стремя «Тихого Дона», книга А.В. Калинина внесла существенный вклад в отстаивании имени М.А. Шолохова как автора «Тихого Дона». На это обратил внимание американский славист Г. Ермолаев, выделив в ней обоснованные параллели между главным романом писателя и его ранними рассказами.

В своих размышлениях о роли и месте М.А. Шолохова в мировой культуре А.В. Калинин отметил то, что наиболее близко его представлениям о назначении писателя: знание народной жизни, умение передать движение истории через ее «многоцветье», способность художественно воссоздать судьбу народа через судьбу человека.

В поле авторского внимания попало еще одно письмо от 23 мая 1978 года. Его адресат – некий Олег Петрович, судя по письму, составитель какого-то издания, посвященного творчеству М.А. Шолохова. Можно предположить, что это Олег Петрович Смола, доктор филологических наук, один из редакторов-составителей подготовленного ИМЛИ им. М. Горького и вышедшего в 1980 году в издательстве «Художественная литература» сборника «Михаил Шолохов: Статьи и исследования», в который был включен очерк А.В. Калинина под уже знакомым названием: «Время «Тихого Дона».

Письмо, как вытекает из его содержания, написано в связи с пожеланием составителя сократить очерк, что вызвало категорический отказ писателя. В качестве аргумента он вновь ссылается на появившиеся на Западе клеветнические измышления по поводу авторства «Тихого Дона»,

приуроченные к 70-летию М.А. Шолохова. Правда, уже называет главных авторов этой клеветы: Александр Солженицын и литератор Д (как известно, в те годы имя автора «Стремени «Тихого Дона» Ирины Медведевой-Томашевской было засекречено).

Здесь же А.В. Калинин признавался, что работы о М.А. Шолохове для него не менее важны, чем его собственные повести «Эхо войны», «Возврата нет» и др.

Писатель явно опасался, что его «борьба» за очерк будет расценена как проявление тщеславия и авторского самолюбия. Вот как он сам характеризует свой отказ сокращать его: «...с «незначительными» сокращениями может капля по капле уйти из него, из очерка, и та часть крови, которая то в одном, то в другом месте и придает его стремени пурпурный оттенок» [2].

Кроме этого, А.В. Калинин, признаваясь в своем весьма трепетном отношении ко всему, что касается М.А. Шолохова, категорически отказывался отдавать работу над текстом в чужие, пусть и профессиональные руки. Примечательна в связи с этим приписка: «Если действительно очерк превосходит то, что допустимо объемом сборника, изымите целиком, но, пожалуйста, не сокращайте. А.К.» [2].

Очерк «Время «Тихого Дона» вошел в вышеназванный сборник.

В связи с размышлениями А.В. Калинина о месте М.А. Шолохова в истории отечественной литературы безусловный интерес представляет его письмо А.В. Софронову от 1 ноября 1972 года. Приблизительно 2/3 его посвящены далеко не литературной теме: тяжелому положению сельского хозяйства на Дону. И лишь затем А.В. Калинин перешел к болезненной теме: проблемам современной литературы. При этом он достаточно резко выступил против излишней комплиментарности современной критики. В частности, писатель осуждал излишнюю восторженность критики по отношению к роману А. Чаковского «Блокада», где, по его мнению, совершенно отсутствуют «народные, скульптурно-выразительные характеры». Отсюда достаточно ироничный вывод: «...уж не на страницах «Литгазеты» найдет себе место

этот комплимент, где речь ее редактора печатается рядом с речью автора «Тихого Дона»?» [3].

Не менее острыми являются и размышления А.В. Калинина о шолоховских традициях в творчестве некоторых современных прозаиков. Он призывал к более глубокому проникновению в самую проблему творческого наследования. На деле же, как писал адресант, все оборачивает поверхностным списыванием, попыткой авторов «сварить» характеры своих героев «из осколков шолоховских характеров и успешно соревноваться с Шолоховым». Всё это А.В. Калинин демонстрировал на примере образа Конкина, главного героя достаточно интересного романа донского писателя В. Фоменко «Память земли». При этом он призывал оценить это произведение по его истинному, а не преувеличенному достоинству. И опять в письме звучит горькая ирония: «...уровняем Шолохова с Фоменко., а потом, может быть, и передвинем на место сообразно алфавиту. Все-таки ... «Ф» стоит выше «Ш» [3].

Но наибольший интерес представляет письмо А.В. Калинина В.В. Овечкину от 25 апреля 1956 года. Из текста ясно, что написано оно в ответ на открытое письмо В.В. Овечкина М.А. Шолохову в связи с его речью на XX съезде КПСС. К сожалению, письмо В.В. Овечкина нам найти не удалось, но из текста послания А.В. Калинина становится ясно, что автор «Районных будней» адресует М.А. Шолохову несколько упреков.

Как известно, в своей речи М.А. Шолохов полемизировал с Б.Г. Гафуровым, делегатом от Таджикской партийной организации, упрекнувшим советских писателей в отставании от жизни. В ответ М.А. Шолохов заметил: «Определенное отставание литературы от жизни вполне закономерно, потому что серьезная литература – не кинохроника, и создание больших полотен требует, как говорил Лев Толстой, не только изнурительного труда, но и очень длительного времени» [4, с. 230]. Как видно из письма А.В. Калинина, именно эти слова и вызвали протест В.В. Овечкина, увидевшего в них не только «пропаганду отставания от жизни», но и личное «самооправдание». А.В. Калинин категорически не согласен с этим: «...такой «пропаганды» у него (М.А. Шолохова – Т.О.,

Е.Ч.) нет. Заявление же о том, что для создания *крупных полотен* (курсив А.В. Калинина. – Т.О., Е.Ч.) требуется время, само по себе верно... Есть ли в этом какой-то элемент самооправдания? *Может быть* (внесено в печатный текст от руки – Т.О., Е.Ч.)... я думаю, полемизируя, вообще неправильно пользоваться по отношению к тому, с кем полемизируешь, приемом: «Ты сам такой», этим приемом воспользовался А. Гиндин, но ведь он не профессионал» [5]. Как известно, А. Гиндин прислал в феврале 1956 года в редакцию «Литературной газеты» письмо, в котором упрекнул М.А. Шолохова «в снижении творческой активности» [6]. Примечательно, что письмо А. Гиндина передал в редакцию тот самый делегат съезда Б.Г. Гафуров. Так что сомнение писателя К. Воробьева в том, что оно написано именно А. Гиндиным [7, с. 262], небезосновательно.

Судя по реакции А.В. Калинина, В.В. Овечкин посетовал на то, что М.А. Шолохов не выступает с публицистическими статьями о проблемах сельского хозяйства. Вот ответ А.В. Калинина: «Наболит у него – выступит... Ведь не как автор статей, как бы важны они ни были, он вошел в сердце читателя... не «семечковыми и косточковыми» он прославился. Разве *склонность* (курсив А.В. Калинина. – Т.О., Е.Ч.) таланта так уже не заслуживающее внимания дело? Талант же М.А. Шолохова настолько самобытен, что... подсказывать ему жанр и т.д. – неверно. Я бы сказал, расточительно» [5].

И, наконец, та часть письма А.В. Калинина, причиной возникновения которой стало «потрясшее его место» в послании В.В. Овечкина. Вот что писал сам А.В. Калинин: «... ты пишешь о Шолохове, который в то время, когда присуждались премии, полеживал на «укушетке» (так в тексте. – Т.О., Е.Ч.), покуривая трубку, подобно казачьему атаману Платову» [5].

В своей речи на XX съезде КПСС М.А. Шолохов вопроса о Сталинских премиях не касался. Проблема эта, как известна ставилась на Втором съезде советских писателей в 1954 году, в выступлениях и М.А. Шолохова, и В.В. Овечкина. В частности, В.В. Овечкин заявил: «Ежегодное присуждение Сталинских премий по литературе проходило в спешке, что приводило к поверхностному рассмотрению и обсуждению выдвинутых

произведений. Не было необходимой проверки временем» [8]. М.А. Шолохов же в связи с этим заметил: «...мы обязаны ходатайствовать перед правительством о коренном пересмотре системы присуждения премий работникам искусства и литературы, потому что так дальше продолжаться не может» [9, с. 217].

И вот, спустя два года, такое неожиданное обвинение, поразившее А.В. Калинина. Причем, начинает он свою отповедь В.В. Овечкину с самого, на наш сегодняшний взгляд, безобидного: со сравнения с атаманом Платовым. Впрочем, не будем забывать время переписки: 1956 год. Вот что писал А.В. Калинин по этому поводу: «Ты, конечно, совсем забыл при этом, что находились критики, которые в свое время искали корни творчества Шолохова в «атаманщине». И вдруг этот образ... может быть подхвачен «совсем наоборот», совсем не теми, на кого ты рассчитываешь» [5].

А затем А.В. Калинин предложил В.В. Овечкину вспомнить, что в 1937-1938 годах, когда молчали многие, именно «Шолохов вызволял из тюрьмы людей и не молчал, м.б. единственный – не молчал» [5]. Он вспоминает имена людей – Лугового, Логачева, – которые именно благодаря ему, Шолохову, выходили на свободу. И все это, по словам Калинина, «не дает нам права вводить непосвященного человека в дом к Шолохову и указывать на него: «Смотри, он лежит на кушетке» [5].

Понимая громадный талант М.А. Шолохова, подлинную народную природу его творчества, А.В. Калинин последовательно отстаивал его право (как и любого настоящего творца) на личностную позицию, на свою «правду жизни», на самобытность творчества, не вмещающегося в любые формальные рамки и некомпетентные мнения, пусть даже и разделяемые большинством.

Важно отметить, что именно этот подход, неизменный, но обогащенный последующими размышлениями и находками, мы встретим в более поздних работах А.В. Калинина, посвященных творчеству М.А. Шолохова, во «Времени «Тихого Дона». До конца его жизни тема М.А. Шолохова не уходит из эпицентра его творчества, но занимает всё более и более значительное место.

Литература

1. *Калинин А.В.* Письмо М.С. Пенкину // Личный архив семьи А.В. Калинина.
2. *Калинин А.В.* Письмо О.П. Смоле // Личный архив семьи А.В. Калинина.
3. *Калинин А.В.* Письмо А.В. Софронову // Личный архив семьи А.В. Калинина.
4. *Шолохов М.А.* Речь на XX съезде КПСС // М.А. Шолохов Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1986.
5. *Калинин А.В.* Письмо В.В. Овечкину // Личный архив семьи А.В. Калинина.
6. *Гиндин А.* Письмо в редакцию // Литературная газета. 1956. 28 февраля.
7. Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биографии) / Сост. Н.Т. Кузнецова. М., 2005.
8. *Овечкин В.В.* Речь на Втором съезде советских писателей // Литературная газета. 1954, 23 декабря.
9. *Шолохов М.А.* Речь на Втором съезде советских писателей // М.А. Шолохов. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8. М., 1986.

В.В. Артеменко

ФЕНОМЕН СОФИИ ПАРНОК В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ 1920-1930-х гг.

София Яковлевна Парнок – поэт, литературный критик, либреттист, переводчик с французского языка.

Феноменальны и творческий путь С.Я. Парнок, и ее посмертная литературная судьба. Вступавшая в острую полемику по вопросам искусства с представителями господствующих направлений, изрядно поколебавшая авторитеты В.Я. Брюсова, А. Белого (Б.Н. Бугаева) и М.А. Кузмина, поставившая себя вне эстетических программ символистов и акмеистов, С.Я. Парнок не снискала признания до революции и не смогла войти в рамки коммунистической эстетики и морали. Несмотря на то, что ее вклад в русскую

поэзию XX века весьма значителен и даже уникален в своем роде, она не оказала сколько-нибудь заметного влияния на современников. Творчество С.Я. Парнок так и не проникло в широкую публику и даже в наши дни незаслуженно находится на периферии сознания читателя.

Почему так случилось? Начнем с того, что первое возрождение интереса к личности и творчеству С.Я. Парнок осуществлялось в рамках цветаяведения. В 1965 году в Большой серии «Библиотеки поэта» вышли «Избранные произведения» М.И. Цветаевой. Составителям и комментаторам сборника, А. Эфрон и А. Саакянц, удалось опубликовать в нем три стихотворения из цикла «Подруга», адресатом которых является С.Я. Парнок. И хотя имя «подруги» не было упомянуто даже в примечаниях, публикация вызвала резонанс. В 1970-1980-е годы тема личных и творческих контактов М.И. Цветаевой и С.Я. Парнок рассматривалась такими исследователями, как С. Полякова, В. Лосская, В. Швейцер, И. Кудрова и др. В 1990-е годы в разработку этой темы всё решительнее проникает обывательский и даже скабрёзный элемент, нарушаются нормы научной, да и просто человеческой этики. На наш взгляд, некоторые из публикаций этого ряда повредили репутации поэтов, в особенности, С.Я. Парнок, и немало не способствовали научному изучению ее литературного наследия, которое по-прежнему оставалось в культурном пассиве, так как в период с 1928 по 1998 гг. стихотворения С.Я. Парнок не переиздавались отдельными сборниками на родине поэтессы. Правда, некоторые ее стихи изредка перепечатывались в «тематических» антологиях («Петербург в русской поэзии», «Царицы муз», «Сто одна поэтесса Серебряного века» и др.). Состав таких антологических подборок оставляет желать лучшего, так как републикации подлежали, как правило, стихотворения дооктябрьского периода. И только в трех изданиях С.Я. Парнок представлена достойно: «Русская поэзия Серебряного века. 1890-1917. Антология»: М., Наука, 1993 (подборку предваряет краткая, но очень содержательная статья М.Л. Гаспарова); «Русская поэзия. XX век. Антология»: М.: Олма-Пресс, 1999 (представлены поздние лирические шедевры) и единственная в своем роде

антология «100 русских поэтов. Упражнение в отборе» В.Ф. Маркова с комментарием автора-составителя, обосновавшего выбор стихотворения «Мне снилось: я бреду впотьмах...» таким образом: «Из Парнок трудно выбирать. Почти всё совершенно, разнообразие удивительное» [4, с. 202].

Возвращение творческого наследия С.Я. Парнок в его полном объеме началось еще в 1998 году, когда в петербургском издательстве «ИНАПРЕСС» вышло «Собрание стихотворений» поэтессы со вступительной статьей и примечаниями С.В. Поляковой. В 1999 году увидел свет сборник литературно-критических статей «Сверстники» (реализация авторского замысла, который не удалось воплотить в жизнь в социокультурной ситуации 1920-х гг.). Наконец, в 2010 году появилось избранное «Вполголоса». В период с 2010 по 2022 гг. книги поэта не издавались ни разу. Дефицит печатных книг С.Я. Парнок, несомненно, затрудняет путь поэта к читателю. Значительные препятствия на путях научно-исследовательских поисков создала сама С.Я. Парнок, которая, по свидетельству ее современника Л.В. Горнунга, «не берегла своих рукописей, раздаривая их, не вела дневниковых записей, не хранила писем» [3, с. 27]. Бездомная, как А.А. Ахматова, безбытная, как М.И. Цветаева, она была, как любимый ею Ф.И. Тютчев, вполне равнодушна к своей литературной судьбе, особенно в 1920-е гг., и относилась ко всему написанному ею как к средству общения с людьми и возможности «аукаться» с близкими ей по духу поэтами-современниками.

Первые две книги С.Я. Парнок, изданные в постперестроечной России мизерными тиражами, положили начало научному интересу к ее творчеству – к сожалению, не очень продолжительному. В период с 2002 по 2005 гг. увидели свет два диссертационных исследования: «Литературная критика С.Я. Парнок в контексте ее творчества» Е.А. Романовой и «С.Я. Парнок: Эволюция творчества» Т.С. Карпачевой. Е.А. Романова также является автором монументальной монографии «Опыт творческой биографии Софии Парнок», посвященной творчеству «русской Сафо». Безусловно, научное изучение поэзии С.Я. Парнок продолжается. Одна из последних публикаций – статья Е.А. Ивашевской и М.А. Дубовой

«Стилевые приемы создания картины мира в сборнике С.Я. Парнок «Вполголоса» (2021).

Разрабатывая концепцию нашей работы, мы ориентировались, прежде всего, на специфику «Шагиняновских чтений».

София Яковлевна Парнок (1885–1933) – уроженка Таганрога. В родном городе она провела первые восемнадцать лет своей жизни. Таганрог рубежа веков не был так провинциален, как это может представить себе излишне доверчивый читатель чеховских рассказов. Ф.Г. Раневская вспоминала, что в «городе было множество меломанов», которые «собирались друг у друга, чтобы играть квартеты великих классиков», а в театре гастролировали великие артисты: «И теперь я слышу голос и вижу глаза Павла Самойлова в «Привидениях» Ибсена» [6, с. 344]. Именно в Таганроге С.Я. Парнок, учившаяся в той же Мариинской гимназии, что и Ф.Г. Раневская, серьезно увлеклась театром и музыкой, начала писать стихи. Культурная жизнь родного города, его полиэтничность и южный колорит способствовали формированию интересов начинающей поэтессы. С.Я. Парнок получила консерваторское музыкальное образование, подружилась с М. Гнесиным и А Спендиаровым. Результатом многолетней дружбы и плодотворного сотрудничества с армянским композитором стала опера «Алмаст», имевшая большой успех на многих сценах мира.

Не меньший интерес представляет наличие в литературно-критическом наследии С.Я. Парнок статьи «Два поэта (о Мариэтте Шагинян, Николае Клюеве)», а также тот факт, что имена С.Я. Парнок и М.С. Шагинян нередко оказывались в одном «черном списке» – как литераторов, идейно и эстетически чуждых советскому искусству.

Как поэт С.Я. Парнок начинала «безнадежно и беспомощно» и эволюционировала очень медленно. Период ученичества растянулся на долгие семь лет (1906-1913), однако в жизни начинающего литератора было немало замечательных событий и встреч с людьми. Достаточно назвать дружбу с семьей Плехановых, формировавшей демократические взгляды С.Я. Парнок, и М. Гнесиным, который вводил поэтессу в литературно-музыкальные круги Петербурга, посещение

«Башни» В. Иванова и салона сестер Крандиевских, где состоялось знакомство С.Я. Парнок и М.И. Цветаевой, интенсивное личное и эпистолярное общение с Л.Я. Гуревич – некогда издательницей и редактором «Северного вестника», и многое другое, о чем стало известно благодаря изысканиям С. Поляковой и Е. Романовой.

В 1911 году С.Я. Парнок дебютировала в качестве литературного критика, а начиная с 1913 года, который С. Полякова определяет как «конец ученичества», статьи Андрея Полянина регулярно появляются на страницах неонароднического петербургского журнала «Северные записки». Едва ли мы будем далеки от истины, если скажем, что доминантной характеристикой творческой деятельности С.Я. Парнок в последние предреволюционные годы является преобладание литературно-критической формы самовыражения над лирической, анализа – над поэтическим горением. Несмотря на то, что С.Я. Парнок дебютировала как поэт еще в 1906 г., ее «Стихотворения» увидели свет только в 1916 и успеха не имели. Отсутствие положительных отзывов (рецензии А. Герцык и М. Волошина – крымских друзей автора – не стоит принимать во внимание), тревожное военное время, неоднородный состав сборника, в котором наряду с оригинальными по замыслу и исполнению произведениями нашлось место отголоскам М.А. Кузмина («Мы вошли в театр «Унисон») и А.А. Ахматовой («Чтоб коснуться руки не могла бы я, натянули перчатки Вы») – всё это не могло способствовать признанию С.Я. Парнок как поэта «первого» и даже «второго» ряда. Не будь революции и гражданской войны, возможно, поэтесса так и осталась бы «автором третьеразрядных, хотя и добротных сделанных стихотворений» [1, с. 43].

Всё постоктябрьское творчество С.Я. Парнок можно разделить на три приблизительно равные по протяженности периода: 1. «Крымский ад» (1917-1921). 2. Литературная Москва (1922-1927). 3. Изоляция (1928-1933).

Летом 1917 года по неустановленным причинам С.Я. Парнок отправляется в Судак, где ей, по словам М. Волошина, придется «видеть то, что стоит за пределами ужаса». О крымском аде 1918-1921 гг. красноречиво свидетельствуют стихи и проза

очевидцев и участников событий, например, «Красная Пасха» самого М. Волошина и «Солнце мертвых» Н. Шмелева. Голод и холод, отсутствие элементарных бытовых условий, тиф и холера, смена властей, террор белый и красный... «ЧК сменялась контрразведкой; белые грабежи – красным беспределом; голод – тифом и мертвецами на фонарных столбах» [5, с. 127]. Уже в марте 1920 г. белая гвардия была обречена, Судак, как и другие города Крыма, забит беженцами, а 16 ноября окончательно установилась власть большевиков, которые ввели упрощенное военное правосудие. В декабре начались массовые аресты и расстрелы. Каратели сбрасывали людей со скал, рубили шашками, распинали. Хоронить не разрешалось, и трупы разлагались на улицах. В начале 1921 г. были арестованы А. Герцык и С.Я. Парнок и в течение нескольких недель отбывали заключение в каменном склепе винного подвала. Е. Романовой удалось установить, что женщины были освобождены благодаря усилиям М.И. Цветаевой и Б.К. Зайцева, которые обратились за помощью к Л.Б. Каменеву. 23 марта 1921 г. крымская интеллигенция отправила коллективное письмо А.М. Горькому с просьбой создать условия для спокойной творческой работы: «Все мы находимся на службе в местном отделе народного образования, кроме того я – Спендиаров – занят сочинением четырехактной оперы на сюжет армянского поэта О. Туманяна по либретто, написанному С.Я. Парнок, совместно с которой я веду эту работу...» [5, с. 131]. Через несколько дней А.А. Спендиаров был арестован, а у С.Я. Парнок, уже пережившей арест, вследствие нервного и физического истощения открылся туберкулезный процесс. «Я уже совсем настроилась помереть в Судак», – писала она из Москвы своему постоянному корреспонденту – М. Волошину [5, с. 133].

Несмотря на ужас происходящего, крымская интеллигенция (М. Волошин, А. Цветаева, А. Герцык, А. Спендиаров, Ф. Раневская) переживала необычайный творческий подъем. С.Я. Парнок написала либретто «Алмаст» и детскую пьесу «Танцовщица и солдат» (в пальто и при свете коптилки во флигеле А.А. Спендиарова), участвовала в чтениях Феодосийского литературно-артистического кружка,

публиковалась в альманахе «Ковчег». По возвращении в Москву поэтесса с любовью и благодарностью вспоминала Крым, благодаря судьбу за ни с чем не сравнимый жизненный опыт, за годы интенсивного духовного и творческого роста.

В конце 1921 года С.Я. Парнок удалось отдать в печать книгу «Розы Пиерии. Антологические стихи» (1922), вызвавшую отрицательные оценки критики. Нимало не реабилитируют этот сборник и те характеристики, которые дала ему первая исследовательница творчества С.Я. Парнок – С.В. Полякова: «бескровная и бледная стилизация», «литературная жеманность, чтобы не сказать, безвкусица». Удрученная очередной неудачей, поэтесса пишет М. Волошину, что «этот маленький антологический сборник выглядит как-то «эстетно» и ей это «очень обидно» [1, с. 73].

Однако столь неудачно начавшийся 1922 год завершился составлением новой лирической книги – «Лоза», в работе над которой С.Я. Парнок обрела поэтический дар, равный дару души, давно ею искомое «равенство души и глагола». Это малотиражное издание (700 экземпляров) возвестило о начале совершенно нового периода в творческой эволюции поэтессы – ее позднего и «жестокоего» расцвета. На протяжении последующих десяти лет качество поэзии С.Я. Парнок только повышалось, тем временем как литературная известность и публикации в советской печати сходили на нет. «Расцвет ее творчества, – пишет Е. Романова, – пришелся на годы, когда лирическая поэзия, сделавшись пережитком, была сметена браваурными маршами первых пятилеток» [5, с. 6]. В 1928 году, накануне новых творческих свершений необычайной даже для этого автора лирической высоты и силы, С.Я. Парнок была окончательно вытеснена из литературного процесса в зону литературного гетто и прочно забыта еще до начала Великой Отечественной войны.

Вернувшись в столицу, С.Я. Парнок начала активно участвовать во всех еще дозволенных властью формах литературной жизни. Очевидно, во избежание литературного вакуума, она посещала «Московский цех поэтов» и «Никитинские субботники» – кружок, где, по словам Л. Горнунга, «собирались самые разнородные литературные

лошадки», например, В. Инбер и И. Сельвинский [3, с. 18]. Ничем иным, как стремлением вести социальную жизнь, невозможно, на наш взгляд, объяснить такое недоразумение, как вступление С.Я. Парнок в литературную группу «Лирический круг» и участие в одноименном альманахе. Любая цеховая замкнутость всегда была чужда поэтессе, а теоретическая база, подведенная под расплывчатое понятие «неоклассицизм», оказалась столь слабой и неубедительной, что группа распалась сама собой.

Начиная с 1923 года, С.Я. Парнок предчувствовала грозные перемены в своей судьбе и судьбе страны, готовилась к ним. К этому времени относится написание последней опубликованной ею при жизни статьи «Б. Пастернак и другие». Эта статья знаменательна уже тем, что именно в ней С.Я. Парнок впервые назвала «великую четверку» русской поэзии XX века (А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак, О. Мандельштам), там же она предостерегала Б. Пастернака от «взятки сегодняшнему дню». Статьи об А. Ахматовой и В. Ходасевиче не пропустила цензура. В письмах С.Я. Парнок к Е.К. Герцык уже в 1925 году появляются тревожные и даже отчаянные ноты:

«Состояние у меня крайне напряженное; так всё во мне натянуто, что думаю – достаточно какого-нибудь толчка, испуга, чтобы я окончательно свихнулась. Работать совершенно не могу. Глушу себя бромом с кодеином. Были у меня очень страшные мысли и в связи с этим ночные кошмары».

«Я сама тоже устала какой-то последней усталостью, мне кажется, что смерть – дар Божий, не печальный, а радостный».

«Сейчас ни о чем житейском не пишется и не думается, а оно наступает со всех сторон и угрожает» [2].

На содержании последнего высказывания стоит остановиться, чтобы раскрыть его внутренний, потаенный смысл. «Житейское», т.е. быт, не может «угрожать» С.Я. Парнок – она слишком многое пережила в Крыму. Конечно, в ее письмах 1920-х гг. есть традиционные жалобы литератора-интеллигента того исторического периода на службу, урезание пайков, «катастрофическое безденежье», бездомность, «иго» переводов, но жалуется С.Я. Парнок легко, хочется сказать – просветленно: «Живу я повсюду понемножечку... меня кормят,

поят, снабжают папиросами. Вот уже два месяца, как я «на содержании» у друзей и думаю, что, вероятно, у меня началось вырождение чего-то основного, п.ч. меня мое паразитство совершенно не мучает» [2].

Таким образом, не «житейское» угрожает поэту – угрожает цензурный гнет, «гонение на Бога», «стихийный антисемитизм» – «безумное время», в которое «трудно жить», но легко умереть:

Хочешь умереть? – Ступай за ширму
И тихонько там развоплотись.
Скромно, никого не беспокоя,
Без истерик, – время не такое!..
Так-то! Был сосед за ширмой, был да выбыл...
Не убили, – и за то спасибо! [1, с. 395]

В 1925 г. вышла знаковая для русской культуры «Антология русской лирики первой четверти XX века» И.С. Ежова и Е.И. Шамурина, сопровождаемая вступительными статьями составителей и В. Полянского. «Подведение итогов» обернулось бесчинством, надругательством надо всем лучшим, что было в русской поэтической культуре Серебряного века. От В. Полянского больше всех досталось «всем этим внегрупповикам» за «проповедь беспартийности, отрицание классовой идеологии и психологии, как вредного и аморального явления...» В списке этой «большой группы лиц» значатся имена М.И. Цветаевой, С.Я. Парнок, В.Ф. Ходасевича, М.С. Шагинян, которые, по справедливому замечанию уже другого автора, Е.И. Шамурина, «внутренне далеки от поэзии революционного пролетариата». Далее, осуждая русских поэтов за «пассеизм», Е.И. Шамурин утверждал, что «увлечение «стилизацией» лежит в основе восточной поэзии М.С. Шагинян и сафических строф С.Я. Парнок» [7, с. 33].

В марте 1926 г. в продажу поступила новая книга С.Я. Парнок – «Музыка». В письме к Е. Герцык поэтесса благодарит ее и М. Волошина за добрый отзыв: «Меня волнует, что сейчас, когда такой голос, как мой, официально незаконен, такая книжка является неожиданно желанной». «Беззаконность» голоса С.Я. Парнок декларировалась в рецензиях А. Лежнева,

охарактеризовавшего «Музыку» как «сборник, который мог бы и не появиться без большого ущерба для читателя», и Н. Асеева, исключившего С.Я. Парнок из «общего хора поэтических голосов современья» [5, с. 346]. Это «современье» есть, по определению поэтессы, «страшное, дремучее время», «безумное», когда единственным способом напечатать стихи покойной А. Герцык становится их размещение в некрологе, так как «печатают либо агитационную, либо бульварную литературу; настоящей культурной книги теперь не надо» [2, с. 29].

Несмотря на глубокую убежденность С.Я. Парнок в том, что «лирика обречена если не на смерть, то, во всяком случае, на глубокую летаргию» [2, с. 30], поэтесса с нескрываемой радостью сообщает своей корреспондентке об организации маленького кооперативного издательства «Узел» (1925-1928), а затем из письма в письмо дает подробный отчет о его делах и планах. Помимо самой С.Я. Парнок, членами этого уникального товарищеского кооператива являлись Антокольский, Зенкевич, Лифшиц, Пастернак, Сельвинский, Звягинцева и другие поэты. По-видимому, С.Я. Парнок воспринимала кооператив символически – и как духовное братство, масонскую ложу, и как «фронду» – некую культурную оппозицию авторам «современий» и «промфинпланов», а в роли руководителя издательства чувствовала себя уверенно – было чему научиться у ее наставниц Л.Я. Гуревич и С.И. Чацкиной. Как бы то ни было, именно «Узел» в течение трех скоротечных лет являлся основным жизненным интересом С.Я. Парнок: других у нее в ту пору не было.

Последней книжкой, изданной этим интеллигентским кооперативом, стал сборник С.Я. Парнок «Вполголоса», и это важно и тоже символично. Ликвидация «Узла» означала для поэта литературную смерть.

С.Я. Парнок проживет еще пять лет и обессмертит себя циклами стихотворений «Большая Медведица» и «Ненужное добро».

Литература

1. *Парнок С.Я.* Собрание стихотворений. СПб, 1998.

2. *Парнок С.Я.* Переписка с Е.К. Герцук. De Visu, 1994, № 5-6.
3. *Горнунг Л.В.* Из хроники одной дружбы // Наше наследие, 1989, № 2.
4. *Марков В.Ф.* 100 русских поэтов. Антология. Упражнение в отборе. СПб, 1999.
5. *Романова Е.А.* Опыт творческой биографии Софии Парнок. СПб, 2005.
6. *Скорыходов Г.А.* Разговоры с Раневской. М., 2001.
7. *Ежов И.С., Шамурин Е.И.* Антология русской лирики первой четверти XX века. М., 1925.

Т.А. Шолохова

**Т.М. КЕРАШЕВ – ПИСАТЕЛЬ И СЫН
АДЫГЕЙСКОГО НАРОДА (по материалам семейного
архива Г.Ф. Шолохова-Синявского)**

2022 год объявлен годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. В связи с этим я хочу рассказать об адыгейском просветителе, зачинателе адыгейской литературы и письменности Темботе Магомедовиче Керашеве. Адыги его величают лицом адыгейского народа или сыном Отечества. В 2022 году общественность Адыгеи отмечает 120-летний юбилей со дня рождения писателя (16.08.1902 – 08.02.1988).

Г.Ф. Шолохов-Синявский писал о друге-писателе: «Чудо, которое свершилось после Великой Октябрьской революции в истории адыгейского народа, это чудо – рождение адыгейской национальной культуры, адыгейского искусства и литературы. И первым, кто начал упорную работу по созданию этого чуда был Тембот Керашев».

В 1925 году опубликован первый рассказ «Аркъ», а уже в 1934 году обнародована первая глава романа Т.М. Керашева «Шамбул» под названием «Суд Старейшин» на адыгейском языке (на латинице) и только в 1947 году роман издан на русском языке под названием «Дорога к счастью». За это

произведение писатель стал лауреатом Сталинской премии (1948).

Среди наиболее известных его произведений: «Адыгея – первая национальная», сборник рассказов «Позор Машука» (1934), «Тайны Сариев», сборник рассказов и повестей «Последний выстрел» (1969); повести «Дочь шапсугов», «Месть табунщика», романы «Куко» (1968), «Одинокий всадник» (1973) и другие. В 1923 году Т.М. Керашев перевел на адыгейский язык «Интернационал». Его произведения были переведены на многие языки бывших республик СССР; они издавались за рубежом.

Первое мое знакомство с творчеством Т.М. Керашева произошло в детстве. Бабушка, Елизавета Алексеевна Шолохова, читала мне адыгейские сказки. Запомнилась книга таинственным кавказским пейзажем на обложке, фантазии уносили меня в суровые горы, бурлящие реки, густые леса, герои сказок отличались от привычных персонажей русских сказок. На книге указаны два автора Т.М. Керашев и П.Х. Максимов. Дарственная надпись гласит: «Соседушка мой свет, пожалуйста «откушай» эти сказки! Георгию Филипповичу и его внукам. П. Максимов, 12 марта 1956. Ростов н/Д».

Позднее я узнала, что автор и собиратель сказок Т.М. Керашев был другом моего дедушки – русского, советского писателя Г.Ф. Шолохова-Синяевского. О создании сказок он писал: «Я впервые встретился с Темботом Керашевым в 1934 году на I-м съезде советских писателей в Москве и знаю его 30 лет. Это честнейший и скромнейший из всех писателей. Помню, с каким энтузиазмом он подхватил мысль А.М. Горького о собирании и публикации национального фольклора. Вернувшись домой, в Майкоп, он со всей страстью, первый, по собственной инициативе принялся за организацию сбора адыгейских сказок, за отбор самых лучших из них и составление сборника. Это было нелегкой работой, если принять во внимание только начавшую распространяться грамотность адыгейского населения. Тембот Керашев был душой совместной работы с ростовским писателем П. Максимовым, как знаток особенных свойств, колорита и лада адыгейского языка, деталей быта и разговорной речи адыгейцев. Павел Максимов выполнял

не менее трудную работу по литературной обработке сказок в соответствии с правилами русской орфографии и синтаксиса» (06.05.1963).

Мне запомнились семейные истории о поездках в прекрасную Адыгею, в г. Майкоп, где жил писатель с семьей. С удивлением я узнавала, что до середины XX века в Адыгее сохранялись восточные обычаи. За стол садились только мужчины, бабушке как госте делалось исключение. При посещении кинотеатра женщинам брали билеты отдельно от мужчин. Принятие важных решений и даже поездки на съезды Т.М. Керашев совершал с одобрения совета старейшин.

Передо мной фотографии: два писателя увлеченно ловят форель на реке Фарз, уставшие путники отдыхают под огромным стволом многолетнего дерева с детьми Т.М. Керашева, а вот фото с молодым дагестанским поэтом Расулом Гамзатовым, писатели нежатся на лужайке у горной речки. Не забуду первую поездку в Адыгею, наполненную романтикой произведений Т.М. Керашева. Воображение рисовало мне на склонах гор героев повести «Абрек» Каймета и Василя, а вглядываясь в лица адыгейских девушек, я видела Зару – возлюбленную Каймета.

Дружба с Г.Ф. Шолоховым-Синявским была не только личной, но и творческой, деловой. Т.М. Керашев доверял другу редактировать свои рукописи. Такое право может получить писатель, высоко почитаемый автором, но как эту работу сделать аккуратно, не обидев автора, это мы узнаем из переписки.

Г.Ф. Шолохов-Синявский во время редактирования романа «Умной матери дочь» писал: «Главы перечитывал по два раза, чтобы не поддаваться первому впечатлению, причем отбрасывал всякое пристрастие – ведь ты личность для меня особенная, ты – мой друг, а дружба может кое-что заслонить, иногда смягчить суровую правду. Но ты сам с возмущением отверг бы такую дружбу, если бы допустил, твой друг, скрыть бы от тебя правду, подсластил бы лестью. Это походило бы на предательство, на обман, особенно опасный в искусстве и литературе». А далее следовало достаточно принципиальное суждение на 10 страницах, критические комментарии сменялись

положительными, о герое романа, старике Нану, сказано: «Новелла о том, как человек в течение всей жизни отстаивал свое человеческое достоинство и право, как нашел свое место в новой жизни, самое сильное и художественное место в книге. Написана она в твоём стиле, в Керашевском, столь милым моему сердцу, так она вся насыщена народной адыгейской мудростью, его чистыми нравственными понятиями о человечности, о мужестве, о честности, о труде, о дружбе, о любви... Дорогой Тембот, я исчеркал твой роман карандашом вдоль и поперек» (17.05.1962).

Последовал темпераментный ответ истинного кавказца: «Ах ты, старый ворчун! Ведь ты чуть-чуть меня не уколошил. Твое и мое счастье, что я сам-то не в таком восторге от своей новой вещи, сам чувствую, что это – «не то», и если бы не это сознание своей погрешности, я б проклял тебя и себя, в тот час же заколол предлинным кинжалом. Вот тогда почувствовал бы ты, что значит давать такие отзывы авторам...». Тембот Магомедович переработал рукопись. Роман «Умной матери дочь» не раз переиздавался и пользовался заслуженным успехом у читателей.

У меня в библиотеке хранится книга «Состязание с мечтой» с дарственной надписью Т.М. Керашева: «Милому старому другу – с невыразимой словами, признательностью за ту помощь, которую оказал в завершении этого труда...» 15.10.1955.

Мне гордо осознавать, что мой дедушка отдал частицу души и труда на благо адыгейской литературы, помогал с литературной обработкой произведений Т.М. Керашева и популяризацией его творчества в России. Так, в письме от 23.05.1957 года Г.Ф. Шолохов-Синявский писал: «Дорогой Темботище! Сейчас закончил литературную правку «Абрека», очень взволнован многими красотами этой вещи и передаю (со страхом, как за свою, собственную) в журнал «Дон». Прошу сохранить этот экземпляр с моей правкой, чтобы ты не возводил поклепа на друга за некоторое мое любовное и необходимое вмешательство в твой язык и стиль. Сейчас, на мой взгляд, повесть стала чище, кристальнее. Можешь судить о скрупулезности моей правки по тому, что я на это дело потратил две недели, вчитывался в каждую строку по несколько раз по

утрам на свежую голову... «Абрек» – это подлинно художественная, глубоко поэтическая вещь. Написана не только разумом, но и сердцем. Сам Каймет, Зара, горы, леса, весь адыгейский колорит обрисован так, что я в некоторых местах вскрикивал про себя: «Ай да Магомедов сын, Тембот. Как здорово написал!»

Адыгейский народ чтит память о своем великом земляке. В городе Майкопе работает литературный музей Тембота Керашева (филиал Национального музея Республики Адыгея), его именем названа улица в Майкопе, в самом центре города установлен памятник Темботу Керашеву.

За заслуги перед Отечеством Т.М. Керашев был награжден правительственными наградами: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Писатель был лауреатом Государственных премий СССР и Республики Адыгея (посмертно) в области литературы и искусства.

Жизнь и творчество Т.М. Керашева являются примером служения Отечеству в деле по сохранению дружественных и культурных связей между народами.

Завершу статью словами Г.Ф. Шолохова-Синяевского о роли Т.М. Керашева в сохранении культурного наследия народа Адыгеи : «...Единственный главный автор сказок – это адыгейский народ, а твоя заслуга, несравнимая ни с чьей – это то, что ты открыл этот живой источник...» (23.04.1963)

Е.Л. Щукина

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК НА ДОНУ В МЕМУАРАХ И РЕЦЕНЗИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Начало XX века характеризовалось взлетом творческой мысли, поиском новых форм и средств самовыражения, модернистскими исканиями, во многом определившими последующие пути развития не только искусства, но и

социальной реальности, попытками ее конструирования. «Художник, – писал М. Каган, – представляет в своем творчестве не только самого себя, но и общество, в котором живет и глашатаем мыслей и чувств которого является (независимо от того, сознает он это или не сознает). Поэтому все изменения, протекающие в общественном сознании, – крупные и мелкие, устойчивые и эпизодические, революционные и эволюционные, – запечатлеваются в его художественном зеркале» [1, с. 165].

Российская общественность пыталась найти ответы на вопросы, поставленные перед ней текущей жизнью. Художественная интеллигенция верила, что средствами литературы, искусства, в том числе театрального и музыкального, удастся изменить жизнь в лучшую сторону, сделать ее чище и прекрасней. Наряду с поиском новых форм в искусстве, всячески старались преодолеть кризисные тенденции театрального искусства, возникала потребность в радикальном обновлении сцены. В это время параллельно существовали различные типы, формы театров, формировался новый музыкальный язык, и каждое направление упрекало в упадке своего антагониста. О творческом процессе, поисках новых форм в искусстве, во многом мы узнаем из мемуарной литературы, программных статей и манифестов, многочисленных рецензий на спектакли, концерты, музыкальные вечера. В эпоху Серебряного века жанр мемуарной литературы получил широкое распространение, что позволяет в настоящее время реконструировать творческие поиски «художников».

Трудно переоценить значение собственных записок актеров и режиссеров, музыкантов о своем творческом пути, о творчестве своих товарищей, свидетельства современников об их восприятии сценических созданий, исполнении музыкальных произведений. В то же время, мемуары требуют особого, вдумчивого анализа, сопоставления с другими источниками и опубликованными данными, поскольку в них чаще встречаются неточности, субъективистские искажения описываемых событий.

Мемуары сценических и музыкальных деятелей, работавших в донских театрах: Н.Н. Синельникова, Н.И. Собољщикова-Самарина, В. Блюменталь-Тамариной, Б.И. Камнева, М.Ф. Гнесина, О.В. Арди-Светловой и др., изданных в сборниках воспоминаний «Русский провинциальный театр» и «На провинциальной сцене» позволяют отчетливее представить отношения между художниками, между артистической интеллигенцией и публикой [2]. Всё это способствует более глубокому анализу проблемы социального бытия провинциального искусства.

Следует выделить творческую деятельность талантливого режиссера и антрепренера Н.И. Собољщикова-Самарина, который с перерывами прослужил в Ростове (немного в Нахичевани) с 1908 по 1916 гг. Считая, что художественное исполнение в театре требует, безусловно, стройного и согласованного ансамбля, а не блестящей игры отдельных исполнителей, Собољщиков назвал свою антрепризу «драматическим ансамблем». После критики в местной прессе, Н.И. Собољщиков вынужден был опубликовать в газете разъяснение по поводу драматического ансамбля, под которым он подразумевал отказ от дебютной системы, где даже премьерам его труппы придется играть вторые и даже третьи роли а, кроме того, участвовать в эпизодах [3]. Все мероприятия нового режиссера, все его замыслы были достаточно необычными, использование техники во время спектаклей вызывало восторги зрителей (изменил освещение сцены, позволившее широко применять электрический фонарь для передачи на полотно солнца, облаков, туч, луны, молний и т.д.).

Провинциальный театр никогда не был вполне изолирован от столичной сцены, но всё же жил своей жизнью и своими законами. Столичная сцена была императорской, государственной, привилегированной. Провинциальный театр всегда, еще с крепостнической поры был частным. Отсюда его своеобразие и многие трудности, беды. Особенностью провинциальных театров была репертуарная гонка, когда наряду с высокохудожественными произведениями ставились низкопробные фарсы, гораздо большая, нежели у столичных театров, зависимость от зрительских запросов. Здесь четко

прослеживалась определяющая роль любителей искусства, преимущественно из местной купеческой знати, в материальной поддержке и организации культурной жизни. На провинциальной сцене сосуществовали различные жанры – драма, опера, оперетта, их взаимодействие привело к образованию такого феномена провинциальной культуры, как театральный симбиоз.

Особенностью развития театральной и музыкальной жизни столиц и российской провинции начала века являлось широкое распространение художественных объединений, обществ, клубов, театров-миниатюр. В целом, особенно сильный импульс развитию провинциальной культурной жизни дала первая российская революция, что было связано с приобщением к театральному и музыкальному искусству новых категорий зрителей, слушателей.

Богатейший материал для исследования культуры провинциальных городов Дона представлен на страницах общественно-политической газеты «Приазовский край» (1905-1917), входившей в пятерку крупнейших провинциальных газет страны, к 1914 г. ее тираж составлял свыше 30 тыс. экземпляров. Практически ежедневно в ней помещались статьи и заметки о театрах, клубах, музыкальных вечерах в Ростове-на-Дону и других городах области – Нахичевани-на-Дону, Новочеркасске, Таганроге. Рецензии критиков, помещенные в данной газете, оказывали существенное влияние на характер и содержание театрального и музыкального репертуара, качество режиссерских постановок, благотворно влияли на вкусы, запросы публики. Подобного рода публикации, но с меньшей периодичностью, осуществлялись и в других общественно-политических газетах области: «Донские областные ведомости» (1907-1917); «Таганрогский вестник» (1907-1917).

Кроме того, существовал целый ряд специализированных местных изданий, посвященных художественной жизни крупных городов области: «Сцена и жизнь» (1907-1908), «Театр и жизнь» (1910), «Экран и сцена» (1910), «Кулисы» (1912), «К свету» (1908), «Молодые порывы» (1908-1909), «Наша жизнь» (1912), «Вестник литературы» (1911-1912), «Театральный корреспондент» (1915). Эти издания, в силу кратковременности

своего существования, не успевали, подобно заметкам газеты «Приазовский край», существенно повлиять на культурную жизнь Области войска Донского. В качестве же исторического источника, материалы, помещенные в них, важны для получения более полной, объективной картины художественной жизни провинциального города в эпоху Серебряного века.

М.С. Шагинян работала в газете донского региона «Приазовский край», вела еженедельную рубрику «Литературный дневник», где публиковала свои замечательные статьи, в которых, помимо рецензий, остро ставились вопросы о назначении литературы и искусства, о роли художника в обществе. «17 марта 1914 г. в Ростове-на-Дону, во время своего первого турне выступали футуристы, где в это время находилась М.С. Шагинян. Естественно, что одно из самых эпатажных и масштабных мероприятий футуристов активно обсуждалось в провинциальной прессе и будоражило умы местного населения. Вероятно, такой интерес столичных литераторов к провинциальной публике был по достоинству оценен М.С. Шагинян и применен с соответствующими корректировками» к ее работе [4, с. 86].

Культурному прогрессу в донском регионе также способствовала деятельность театральных и музыкальных критиков. По традиции того времени авторы газетных материалов не всегда подписывались подлинными именами, чаще – псевдонимами. Некоторые статьи анонимны, под другими стоят либо инициалы: А.В., А.К.А., В.А., В.Х-нь, Г.К., Е.Ш-ъ, Е.С., К., С.П., Х., либо псевдонимы: Лознгрин, Пессимист, Свежий, И.П. Чужой, Allegro, lolo, Sandro, либо такие подписи, которые внешне напоминают фамилии: Вольм, Г. Кеч. Архив редакции не сохранился, поэтому расшифровать удалось только некоторые из них, благодаря специальным словарям [5].

Под псевдонимом Аз писал Арсений Михайлович Авраамов (1886-1955), уроженец Дона (х. Малый Несветай). В 1910 году, будучи еще учеником музыкального училища Московского филармонического общества, начал выступать с лекциями и статьями о музыке. В «Приазовском крае» сотрудничал примерно с 1910 по 1914 года, так как с началом войны

отказался от воинской повинности, бежал за границу, работал кочегаром на пароходе, артистом цирка и т.д. В 1917-1918 гг. он был правительственным комиссаром искусств в Наркомпросе, участвовал в организации Пролеткульта. В 1920-1921 он преподавал теоретические предметы по собственной 48-тоновой системе в Ростовской-на-Дону консерватории. Человек исключительно разносторонних интересов, А.М. Авраамов занимался музыкально-теоретическими изысканиями, работал над оформлением первых звуковых фильмов, руководил хоровым коллективом, сочинял музыку, сотрудничал с органами периодической печати многих городов. Его рецензии в «Приазовском крае» отличались продуманностью содержания.

Под псевдонимом В.Х-нъ писал Владимир Александрович Хавкин (ум. 1935). С газетой «Приазовский край» он сотрудничал с 1897 по 1910 гг.

С.П. – псевдоним Сергея Викторовича Потресова, работавшего в газете с 1894 года.

Лоэнгрин – это Петр Титович Герцо-Виноградский (1867-1921). В 1905 году за «вольнодумные» выступления в печати он был выслан из Одессы. Впоследствии, помимо Ростова, выступал как театральный и музыкальный критик в Петербурге и Москве. В своих рецензиях, публиковавшихся в «Приазовском крае», П.Т. Герцо-Виноградский много внимания уделял отношению публики к спектаклю или музыкальному произведению. Давал рациональные советы артистам по совершенствованию исполнительского уровня произведений.

Александр Васильевич Карагичев (ум. 1948), псевдоним К. или Sandro, с 1914 по 1918 гг. – музыкальный рецензент «Приазовского края». С тех пор, как он начал сотрудничать в газете, публикации других авторов в рубрике «Театр и музыка» стали появляться крайне редко. В них фактически отпала необходимость, ибо статьи А.В. Карагичева печатались порой ежедневно. Для статей А.В. Карагичева характерен интересный ракурс рассмотрения проблем исполнительства, зрительского восприятия, язык его всегда отличался поэтичностью и художественностью.

Особенно выделяются статьи новочеркасского корреспондента И.П. Чужого – Ивана Ивановича Печковского

(1858-1924). Он родился в семье потомственных дворян Могилевской губернии, окончил гимназию, затем Императорскую медико-хирургическую академию. В Новочеркасске И.И. Печковский был уполномоченным представителем ИРТО (Императорского русского театрального общества). Его работы относятся к жанру корреспонденции только по месту написания, по остальным же признакам это скорее рецензии, так как содержат подробный анализ и определенную авторскую оценку описываемых театральных и музыкальных явлений.

Статьи местных критиков сохранили имена преподавателей музыкальных училищ, классов, которые часто выступали с концертами, поднимали своими силами музыкальную культуру донского региона – Гартмут, Калинин, Попов, Старжи, Стернад, Озилинский, Цейтлин, Зелихман, Образцов, Герц, Кириллов, Бриг, Федоров, Хлебников, Маршадт, Бибчук.

В целом, творческая деятельность музыкальной интеллигенции в этот период значительно активизируется, музыкальное искусство начинает играть довольно заметную роль в культурной жизни провинциальных городов донского региона. Просветительская и художественно-воспитательная деятельность представителей музыкальной интеллигенции способствовала расширению аудитории слушателей, привлечению к занятиям музыкой гораздо большего количества учащихся [6]. К 1907 году количество учащихся Ростовского музыкального училища достигло 2692 человек и затем увеличивалось. Рост кадров профессиональных музыкантов-исполнителей, в свою очередь, обогащал музыкальную жизнь Дона, ее развитие шло в тесном контакте деятельности любителей с профессионалами. Частые гастроли выдающихся русских и зарубежных исполнителей и композиторов, премьеров столичных сцен, создавали такой уровень духовных запросов общества, удовлетворение которого было бы невозможно или малоэффективно в отсутствие профессионалов.

В дооктябрьский период были широко распространены краеведческие исследования. Под редакцией А.М. Ильина были выпущены в двух томах «Записки Ростовского-на-Дону

общества истории, древностей и природы». Здесь опубликованы записки М.Б. Краснянского и С.Г. Сватикова о культурной жизни начала XX века, истории театральных зданий и театральной антрепризе. Записки М.Б. Краснянского знакомят нас с хронологией строительства театральных зданий в г. Ростове-на-Дону, вкладом городского головы А. Байкова в устройство городского театра, с деятельностью писателей, уроженцев Дона – А. Чехова, Н. Кукольника, Д. Мордовцева [7].

Вклад представителей местной художественной интеллигенции в театральную и музыкальную жизнь Дона был весьма велик. Эти люди впитали в себя характерные черты российской интеллигенции: демократизм убеждений, желание служить народу, интернационализм, идейность, высокие нравственные качества, бескорыстное служение, связанное с ментальностью старой русской интеллигенции. Российская провинция находилась как бы «в тени» культурной жизни России и тем не менее внесла решающий вклад в развитие культуры, науки, искусства. Провинция являлась крайне плодотворной для творческой личности почвой, своеобразной «кузницей» духовного потенциала нации. Она дала миру несметное количество звезд во всех сферах интеллектуальной деятельности.

Литература

1. *Каган М.С.* Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991.
2. *Синельников Н.Н.* Шестьдесят лет на сцене. Записки. Харьков, 1935; *Собольщиков-Самарин Н.И.* Записки. Горький, 1962; *Блюменталь-Тамарин В. М.М.* Блюменталь-Тамарина и ее время // Театр. 1939. № 9-10; *Камнев Б.И.* Театральные воспоминания (из ростовской старины). Ростов-на-Дону, 1895. Вып. 1; *Гнесин М.Ф.* Воспоминания о Ростове // М.Ф. Гнесин. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1961, с.154-167; Русский провинциальный театр. Воспоминания. Л.-М., 1937; На провинциальной сцене. М., 1938.
3. «Приазовский край», 1908, сентябрь; «Южный телеграф», 1908, сентябрь.
4. *Глуховская Е.А.* «Милые вмешательства в распорядок "Мусажета"» Мариэтты Шагинян // Литературный факт. 2018. № 9.

5. Бернандт Т., Ямпольский И. Кто писал о музыке. Библиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. Т. I – М., 1971; Т. II – М., 1974; Т. III – М., 1979; Масанов И. Словарь псевдонимов. Т. 1–4. – М., 1956–1958, 1960.

6. Отчет РО ИРМО за 1906/07 учебный год. Ростов-на-Дону, 1907.

7. Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Ростов-на-Дону, 1912. Т. 1; 1914. Т. 2.

А.А. Попова

ГРУСТНАЯ ПРОЗА ПОЭТА

Хочу поведать о параллели двух советских поэтесс и писательниц – о Мариэтте Шагинян и Светлане Гершановой. У М.С. Шагинян – роман-воспоминание «Человек и Время»; у С.Ю. Гершановой – роман «Милостью Божьей».

«Каждый из нас, очевидцев и современников, должен по свежему следу, пока не начала изменять память, записать всё пережитое. Нужды нет, что не получится целого, не будет охвачено всё, одному человеку это и невозможно. Главное – каждый из живых людей в необозримом количестве впечатлений и фактов подметит что-нибудь одно, свое, и вот об этом своем и скажет...» [1] – это цитата из «Дневника москвича» Мариэтты Шагинян.

А вот Светлана Гершанова: «Я смотрю в свое детство, как в разбитое зеркало. Осколки его лежат передо мной, в каждом – свой кусочек света или тьмы, и собрать их воедино невозможно... Мы с мамой вернулись с парада, сегодня День Победы, – подумать, сколько лет прошло! И я скорей прошла к себе, чтобы мама не видела мои дрожащие губы... Я уже поплакала тихонько в подушку и теперь смотрю в потолок... и кружится, кружится передо мной калейдоскоп из осколков детства...» [2].

Неважно сколько лет было человеку. Ведь память хранит каждую мелочь. И именно из этих мелочей, осколков

складывается единая картина нашей истории.

«Я никогда не вела дневников, – сказала мне Светлана Юрьевна, – ими стали тетради стихов, по которым я восстанавливала события, вспоминала поездки, людей, повстречавшихся на жизненном пути, и по стихам писала автобиографические произведения» [4].

Светлана Юрьевна Гершанова. Сегодня это имя, к сожалению, мало кто знает. Хотя писатель продолжает творить, издавать свои книги. Чем же творчество С.Ю. Гершановой может быть интересно? Именно тем, что ее книги современны по содержанию, по образу мыслей и подачи материала сегодняшнему читателю.

А чем Светлана Юрьевна современна Мариэтте Шагинян? Да всё тем же. И моя любимая фраза «Видеть современное в вечном и вечное в современном» работает и в этот раз.

Светлана Гершанова родилась в 1934 году в Ростове-на-Дону, жила на тихой улице Ульяновской. Окончила 45-ю школу, поступила в Радиотехнический институт в Таганроге, несколько лет работала в секретном отделе часового завода. Но любовь к творчеству, желание писать перевесило, и Светлана Юрьевна в 1980 году переехала в Москву с тем, чтобы посвятить свою жизнь поэзии.

В этом же 1980 году Мариэтта Сергеевна опубликовала свой роман-воспоминание «Человек и Время». Еще два года оставалось до ухода Мариэтты Сергеевны Шагинян, и я думаю, что они встречались в Союзе писателей, хотя Светлана Юрьевна этого не утверждает, но и не отрицает.

Великую Отечественную войну обе пережили по-своему из-за разницы в возрасте. Но воспоминания о том нелегком времени есть у каждой. У М.С. Шагинян, например, это очерк «Дневник москвичка» (1942), а у С.Ю. Гершановой – повесть «Осколки детства» (1975).

...Детство закончилось, когда Светланке не исполнилось и семи. Война... Это страшное слово, не доступное пониманию маленького человека, и поэтому не предвещавшее ничего плохого. Но от этого незнания ничуть не лучше. Ведь самые тяжелые испытания падают именно на детей – наивных, слабых, беззащитных. В жизни маленькой девочки было многое –

бомбежки, эвакуация, голод, потеря отца, возвращение в Ростов, лежащий в руинах, в разрушенный холодный дом...

«...Кто-то сказал из древних: «Пусть прошедшее станет прошлым». Сколько раз я повторяла это! Не становится.

Осколки возникают сами собой, не выбирая места и времени. Одни уходят в тень, чтобы больше никогда не возвращаться, другие возвращаются снова и снова, как на киноленте, замкнутой в кольцо.

...Следующий осколок уже война. Наверно, это был не первый день войны. Мы уезжаем, уезжаем! Папа с нами не едет, ему надо везти в эвакуацию свою школу. Не едет и бабушка, отказавшись наотрез с необычной для него твердостью. Не хотел быть обузой, семья сына, семья дочери, бабушка, еще и он.

Папа отвез куда-то приемник. Хороший, с одним веселым зеленым глазом, с ручками, которые можно было крутить и слушать, что хочешь – голоса, музыку, чужую речь.

...Почему нельзя взять с собой игрушки, раз уж мы уезжаем? И книжки нельзя, и шахматы. Хотя бы одну куклу Жанну – ту, что без головы!

Ночь, еще непривычное слово «тревога», мы с бабушкой и Вовкой сидим в подвале. Запах угля, тусклая лампочка под потолком, и я мучительно пытаюсь понять, что происходит.

Опять поворачивается калейдоскоп с моими осколками.

...Мне кажется, мы вернулись в Ростов, когда развалины еще дымились и были теплыми на ощупь. Сколько раз наше возвращение проплывало у меня перед глазами, может, наша память и есть кинолента, замкнутая в круг?

...Мы идем в горку медленно, мама с Вовкой на руках, тачечник с двумя чемоданами на просторной тачке, и я. Идем от вокзала по главной улице, и нет ни одного не разрушенного здания вокруг, обгорелый кирпич, разноцветные стены внутри, голубые, розовые, желтые...

Эта картина и сейчас у меня перед глазами. Наверное, запала глубоко-глубоко в душу и осталась там на всю жизнь, как осколок в коре молодого деревца. Нарастают кольца, год за годом, а он живет там, в глубине, и не дает забыть про войну...

[2]

Подарок

Все универмаги
Это много слишком,
Я и без подарков
Счастлива, поверь...
Хочешь, подари мне
Плюшевого мишку,
В Детстве не купили,
Подари теперь!
С черным-черным носом,
С мягкими ушами,
С капельками солнца
В бусинках-глазах...
Что же ты смеешься
Я уже большая,
О других подарках
Ты хотел сказать?
Видно, повзрослели
Мы внезапно слишком.
Что война прошедшая
Этому виной...
Подари мне мишку,
Плюшевого мишку,
Как кусочек Детства,
Взятого войной [6].

«Меня поэтом сделала война», – сказал как-то ростовский поэт Александр Рогачев. Думаю, то же можно сказать и о Светлане Гершановой. Ведь первое стихотворение она сочинила «в нетопленной комнате в войну» [3].

Много позже Светлана Юрьевна напишет стихотворение «Колесо», которое невозможно читать без слез. В нем отразилась вся боль детей войны, горечь утрат, потеря детства, голод, холод, сиротство...

«Мы были чуть повыше колеса
На той войне.
И души наши помнят
Разбитый дом,
И стены бывших комнат,
И матери безумные глаза...

Мы выросли.
Мы вынесли ее,
Свою судьбу,
И в тяжести – прямую
И жалость запоздала,
Не приму я,
Ни я, ни поколение мое...» [5]

Говорят, что поэзию от прозы отличают краткость и глубина мысли. В произведениях Светланы Юрьевны нет многостраничных описаний переживаний, исторических событий, характеров и образов. Это всё как бы вписано в основное повествование, построенного так, что и старый диван, и одеяло, и заснеженный лес, и дождь за окном, и слезы матери, и веснушки главной героини становятся действующими лицами сюжета, участвуют в нем наряду с главными героями, и оттого текст становится лирическим и легко воспринимаемым:

Проза Светланы Юрьевны – близкая, родная, доступная. Автор пишет о родном Ростове, о родителях, учителях и одноклассниках, первой любви. О том, что окружало и окружает ее. Но ведь всё это происходило и происходит с каждым. И потому, читая, невольно примеряешь «одежку» писательского текста на себя.

У кого не было сложных отношений с учителями? Кого не понимали родители? Кто не рыдал в подушку по ночам из-за несбывшихся надежд? Чьи «гениальные» литературные способности не признавали? Поэтому, погружаясь в чтение, понимаешь, что это не столько автобиография автора, сколько биография целого поколения, да и последующих тоже. Меняются эпохи, мода, совершенствуется техника, шагает вперед прогресс. Вот только человек остается прежним. Со всеми недостатками, комплексами, талантами, понятиями о хорошем и плохом [4].

Писатель в своих интервью, на встречах с читателями отмечает, что хотела написать она веселую книгу. Однако проза у Светланы Юрьевны на самом деле не очень-то смешная. Я бы сказала: совсем не смешная. Лиричность, ироничное отношение

к себе и житейским ситуациям, романтизм, легкая ностальгия по прошлому и несбывшимся мечтам. Всё это навевает грусть, теплую, светлую, но всё же – грусть.

Проза С.Ю. Гершановой – лаконичная, выдержанная, зрелая. Но за краткостью текста кроется огромный смысл, который можно уловить, если хорошенько вчитавшись, а может быть, и перечитав еще раз:

«...Сентябрь – лучшее время в Ростове. Жара спала, но тепло и солнечно, двери и окна распахнуты. Мария Соломоновна сердито кричит из окна:

– Толя, Фаня, опять вы целуетесь у всех на виду! – И я бегу на балкон смотреть, как они целуются.

У нас во дворе поселится Любовь. Толя и Фаня, дочка Марии Соломоновны, поженились, как только вернулись с войны. И теперь ходят вместе в мединститут. Фаня, как и на фронте, работает медсестрой, а Толя учится на врача. Он в военной форме, перетянутой ремнями, блестящих сапогах, высокий, светловолосый, красивый. И Фаня рядом, в единственном своем крепдешиновом платье в цветочек, шикарном, на мой взгляд...»
[2]

Добротой пронизано каждое предложение гершановской прозы. Автор понимает, что многим из нас не хватает в жизни именно Доброты. И она старается дать ее читателю, хотя бы на время.

И еще на что я обратила внимание. В книгах С.Ю. Гершановой нет отрицательных персонажей. Даже если человек поступает в какой-то ситуации некрасиво, автор старается найти этому объяснение, оправдать его. И в этом тоже прослеживается доброта писателя.

«...Один ростовский поэт, у которого, в отличие от меня, каждый год выходили книжки, сказал как-то, что у меня счастливая литературная судьба.

Наверное, если не растягивать счастливые моменты во времени... Если забыть неудачи, предательства друзей, потери, годы, когда невозможно было напечатать ни строчки.

Если брать только счастливые пики, которые вдруг, каким-то непредсказуемым, чудесным образом поднимались из пучины сплошного невезения, вакуума вокруг, когда тебя вытеснили,

оттеснили от интересной творческой работы в отдел, где только тратится время, тратится жизнь на ненужную работу за «вертушкой» от звонка до звонка...

Эти сияющие вершины и меня поднимали из этой пучины, потому я и выжила, и осталась самой собой...» [3]

Литература

1. Шагинян М.С. Дневник москвича. М., 1942.
2. Гершанова С.Ю. Осколки детства. Повесть. М., 2009.
3. Гершанова С.Ю. Биография. Интернет-ресурс: <http://gershanova.ru/>
4. Попова А.А. Всё, что память бережет... Ростов-на-Дону, 2021. Интернет-ресурс: <https://donpisatel.ru/members/131/>
5. Гершанова С.Ю. Волшебное стекло. М., 2011.
6. Гершанова С.Ю. Синие города. Ростов-на-Дону, 1963.

И.В. Савчук (г. Старая Русса)

XX ВЕК В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ М.С. ШАГИНЯН И ЕЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Настоящие писатели – совесть человечества
Л. Фейербах

Мариэтта Шагинян оставила богатое литературное наследие, начав литературную деятельность в 1903 году. Ее творчество – яркое и противоречивое, впрочем, как и она сама. Через всё разнообразное творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян проходит философичность видения и понимания ею действительности. И эта тенденция начала проявляться с ее первых серьезных литературных шагов. Литературное наследие Мариэтты Шагинян обширно: романы, повести, рассказы, очерки, стихи, статьи, рецензии, доклады. Она до конца жизни не выпускала пера из своих рук. Продолжала писать даже тогда, когда из-за слабого зрения уже не могла прочитать написанное: слова наплывали друг на друга, перемешивались строчки.

Мариэтта Шагинян родилась 2 апреля 1888 года в Москве в семье армянских интеллигентов. Мать Пепронэ Яковлевна Шагинян была домохозяйкой, а отец Сергей Давыдович Шагинянц – известным практикующим врачом, доцентом Московского университета. Писательница получила хорошее образование: сначала обучалась дома, потом – в московской частной гимназии Л.Ф. Ржевской, а затем поступила на историко-философский факультет Высших женских курсов им. Герье [1].

Одним из страстных увлечений молодой Мариэтты стала поэзия Зинаиды Гиппиус, которое даже подвигло ее на переезд в Санкт-Петербург. Впрочем, там писательница на долгое время не задержалась и вскоре отправилась в Гейдельбергский университет для работы над магистерской диссертацией по философии.

Мариэтта Шагинян была известной поэтессой Серебряного века. Ее стихотворения пользовались такой популярностью, что не одна образованная девушка дореволюционной России повторяла стихотворные строки из ее *«Девы нет меня благоуханней»*.

М.С. Шагинян – поэтесса Серебряного века, первый советский писатель-фантаст, искусствовед, журналист – десятки лет она публиковалась в газетах «Правда» и «Известия», прозаик, историограф, Герой социалистического труда, член-корреспондент АН Армянской ССР, лауреат Сталинской и Ленинской премий.

Мариэтта Шагинян поражала своей неиссякаемой энергией и работоспособностью. Писательница не искала «легких путей» и стремилась передать не только существующую реальность, но и неповторимую окраску всех происходящих событий, всё своеобразие открывающегося перед ней нового дня истории. К ее мнению прислушивались: ее критиковали, ею восхищались. Шагиняновское литературное творчество наполнено светом, добром, стремлением к переустройству мира на справедливых началах. Творчество Мариэтты Шагинян отличалось политической целеустремленностью, практическим жизненным опытом. Она постоянно училась, как теории, так и на практике. Долгая жизнь, прожитая М.С. Шагинян, была наполнена

большими и малыми историческими событиями, о которых она всегда писала горячо и заинтересованно. Роман «Гидроцентральный» не только производственный, но и мировоззренческий, философский. Строительный участок превращается в поле боя старого с новым. Мир, меняющийся на глазах у современников, новый мир в его непрерывном движении изображен в романе ярким и кипящим. Писательница показывала, как возникают новые формы жизни – бытовые и социальные – и как разрушаются старые. И всё это предстает в противоборстве, в неисчислимых столкновениях мыслей и желаний, привычек и стремлений множества людей.

Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян отмечено постоянными поисками в области художественной формы. Важной вехой на этом пути стал роман-сказка «Месс-Менд», органично соединивший в себе авантюрно-приключенческий, фантастический, социально-нравственный, философский элементы. Подобная многоплановость диктовалась общим замыслом писательницы: в увлекательной форме воспитать в массах «сознание своей силы и непреодолимой охоты к борьбе». М. Слонимский, один из первых критиков романа, писал, что в «Месс-Менд» М.С. Шагинян нашла наиболее убеждающую «форму художественной агитации».

Особое место в творчестве М.С. Шагинян занимают книги на ленинскую тему: романы-хроники «Семья Ульяновых». На протяжении многих лет писала литературные портреты людей, которые были близко знакомы ей (Н.С. Тихонов, В.Ф. Ходасевич, С.В. Рахманинов) или жизнь и творчество которых были ей дороги (Т.Г. Шевченко, И.А. Крылов, И.В. Гёте). До конца своей жизни писательница не переставала работать, оставаясь увлеченной и искренней натурой.

Своеобразным литературным завещанием Мариэтты Сергеевны стала книга «Человек и Время», имеющая подзаголовок: «История человеческого становления». Перед нами действительно история жизни, обретение человеческой и писательской зрелости, осмысление Времени [3]. И еще перед нами книга, которую писал человек, находящийся в конце своего жизненного пути, на пороге, а затем и перешагнувший порог девяностолетия. Но не старостью, не ощущением

неизбежного конца этого пути овеяны ее страницы. Они пронизаны всё той же энергией, всё той же творческой активностью, душевной молодостью, которые всегда были свойственны Мариэтте Сергеевне Шагинян, классику советской литературы. Литературная деятельность ее продолжалась свыше семидесяти лет! Думается, что сама жизнеспособность художника доказывает неисчерпаемые возможности целеустремленных духовных исканий человека. Личность Мариэтты Сергеевны до самого последнего дня ее жизни с творческой энергией побуждает размышлять об этом. Это последнее произведение писательницы «Человек и Время» было издано за два года до ее кончины. Жизнь Мариэтты Шагинян с детства была наполнена различного рода драматичными испытаниями судьбы, но писательница была сильной личностью и, несмотря на все преграды, прожила долгую и счастливую жизнь.

Мариэтта Сергеевна Шагинян умерла в возрасте 93 лет, в 1982 году. 20 марта 2022 года прошло 40 лет со дня ее кончины. Она прошла долгий и интересный путь, прожив с лозунгом: *«Жить, чтоб делать, чтоб познавать, чтоб бороться»*. Ее дарование многогранно: она соединила в себе художника и мыслителя, публициста и ученого. Ее очерки, статьи, тщательные дневниковые записи – это многокрасочная, движущаяся панорама современной жизни. На основе богатых личных наблюдений, пристального исследования действительности, на фактическом документальном материале возникали романы Мариэтты Шагинян, ее повести и рассказы. Это повествование о том, что было ею увидено, пережито, изучено. Это честное свидетельство современника великой эпохи.

Как отрадно, что ежегодно, начиная с апреля 2014 года, в память о Мариэтте Шагинян и ее творческом наследии в отделе Ростовского областного музея краеведения Музее русско-армянской дружбы проходят научно-практические конференции «Шагиняновские чтения». Всё, о чем бы ни писала М.С. Шагинян, привлекает своей гуманистической направленностью, постоянным утверждением высокой роли человека на земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гиппиус З.Н.* Письма к М.С. Шагинян М., 2001.
2. Творчество Мариэтты Шагинян. Сборник статей. Л., 1980.
3. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.

Т.А. Шолохова

СЛОВО О ДРУГЕ-ПИСАТЕЛЕ А.П. БИБИКЕ

(по материалам семейного архива

Г.Ф. Шолохова-Синявского, переписки двух писателей)

Писатель Алексей Павлович Бирик написал очерк о Г.Ф. Шолохове-Синявском под названием «Слово о друге-писателе» [3]. Это название зеркально относится к А.П. Бирику, поскольку дружба двух замечательных авторов, начавшаяся в конце 1920-х годов, сохранилась до конца их жизни. В нашей семье имя А.П. Бирика произносилось благоговейно. Первые упоминания о нем, отложившиеся в памяти, я услышала от бабушки Е.А. Шолоховой. Детским чутьем я понимала, что речь идет о ком-то важном, значительном. Я бережно храню письма, фотографии, открытки Алексея Павловича. Из писем я узнала о судьбоносных моментах его жизни, о горестях, радостях, надеждах, с кем из деятелей культуры того времени встречался, как зарождались герои и сюжеты его произведений. В коротких фразах он умел сказать о многом: «Видишь – дерево наклонилось, подопр! Так надо понимать священный дух писателя» (1962) или забавная телеграмма деду: «Отзовись, ирод», и очень трогательная: «Спасибо, дорогой, за верность нашей дружбе и за добрые пожелания» (15.10.62). Или «Еще раз спасибо тебе, дорогой, за тепло твоей дружбы» (06.05.63), а как трогательно он обращался к бабушке: «Друг мой, любимый Егорушка» или «О мий друже, мий казачий», «Жорженелло», а то и «Свинявский», если дед долго не писал или «провинился». Бабушка для него всегда оставалась «Милой Лизеттой», себя же

он называл «Твой беспокойный старик». Алексей Павлович обладал величайшим чувством юмора и самоиронии. Уверена, что эти качества помогли ему преодолеть трагические события 20-летней царской и большевистской каторги.

Жизнь писателя А.П. Бибика напоминает приключенческий роман, в сюжет которого, иной раз трудно поверить. Поражаешься силе духа и мужеству этого человека.

Родились оба писателя в бескрайних степях Юга России, А.П. Бибик (5) 17 октября 1877 года – на Полтавщине, а Г.Ф. Шолохов-Синявский (29 октября) 11 ноября 1901 года – в Приазовье, с детства увлекались литературой, рано осознали, что их жизнь будет связана с писательским трудом. С 14 лет начали работать на железной дороге. В 1895 году А.П. Бибик вступил в Российскую социал-демократическую партию (РСДРП), в 1900 г. был организатором первомайской демонстрации в г. Харьков. До революции 1905 года он уже дважды побывал в ссылках – «Вятской» и «Архангельской». Здесь произошла встреча писателя с эсеркой Верой Фигнер, отбывающей ссылку после 20-летнего заключения в Шлиссельбургской крепости, ее пример жизнестойкости, непоколебимости, думаю, имели значение в становлении молодого революционера и писателя, о встрече оставлены воспоминания в книге «Сквозь бури и годы». В 1906 году А.П. Бибик был участником IV съезда РСДРП от фракции меньшевиков, проходившем в Стокгольме. Активно полемизировал с В.И. Лениным. На этом съезде наметились основные противоречия между фракциями меньшевиков и большевиков, в т.ч. по способам ведения политической борьбы, земельному вопросу. Он не поддерживал «красный террор», осуждал методы проведения коллективизации в СССР. Был открытым, принципиальным политиком, бескомпромиссным, когда сталкивался с несправедливостью.

Издаваться А.П. Бибик начал в 1901 году. Первый рассказ «На пристани» им был напечатан в газете «Пермский край». Благословление А.П. Бибику на писательский труд дал А.М. Горький знаменитой фразой: «В нашем полку прибыло!». К 1928 году в литературном багаже писателя 6-томник его произведений.

Двадцать лет в Нахичевани и Ростове-на-Дону. Следует сказать, что М.С. Шагинян и А.П. Бибики жили в одно время в Нахичевани-на-Дону: М.С. Шагинян с 1915 по 1920 гг., а А.П. Бибики с 1917 по 1920 гг. Мы не можем утверждать, что они встречались, но с уверенностью можно сказать, что их пути если не пересекались, то были устремлены в одном направлении.

В период военного коммунизма 1919-1920 гг. многие люди творческого, интеллектуального труда отошли от своего духовного предназначения и устремили силы на создание новой страны. М.С. Шагинян вспоминала: «И вот, когда я уже совсем отчаялась возможности чем-то послужить революции, меня призывают и назначают инструктором текстильного дела при только что образовавшемся Донпрофорбе (Донской отдел профессионального образования)» [1, с. 596]. А.П. Бибики в составе Донского правительства избран в Нахичеванскую городскую думу и назначен заместителем городского головы. Был он одним из руководителей райкома нахичеванских меньшевиков, в меньшевистских газетах выступал против политики большевиков, особенно по вопросу Брестского мира. В период немецкой оккупации 1918 года он руководил электростанцией, водопроводом, пожарной частью в Нахичевани-на-Дону. «Случалось сталкиваться с немецким командованием. Выручил я однажды (в первые дни захвата оккупантами Ростова) до тысячи рабочих и среди них многих большевиков, выдав им пропуска для следования в Батайск за Дон» [2, с. 395].

Однако большевики не могли забыть меньшевистского прошлого А.П. Бибики, и в 1920 году он был арестован по делу Донского комитета, отправлен на «Лубянку». Благодаря заступничеству председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского был освобожден. Но в 1924 году вновь арестован и выслан на три года в Свердловск. Там А.П. Бибики познакомился с писателем Павлом Бажовым, который помог ему устроиться заведующим литературным отделом журнала «Товарищ Терентий», в котором печатались М. Горький, А. Серафимович, Н. Погодин, П. Бажов. А.П. Бибики избрали в редколлегию «Уралкниги».

В 1927 году он возвратился в Ростов-на-Дону, поселился в доме по ул. Мало-Садовой (ныне Суворова) № 28. На нем

находится мемориальная доска в честь писателя. Тогда же Алексей Павлович становится творческим наставником молодого писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского. В своих воспоминаниях он писал: «Я старше его лет на 25 и в литературу вступил раньше, и раньше познал азы «агротехники» сочинительства. Вероятно, поэтому ко мне на просмотр попали два-три черновика первых рассказов Г.Ф. Шолохова-Синявского. По привычке я начал было поправлять не только их содержание, но и стиль изложения. И вскоре увидел, что поправлять нечего, что мой карандаш только обидит автора. Хвалю себя за такое благоразумие. «Суровая путина» искренне обрадовала, ясно показала, что автор «сам с усами», что его крепкие ноги взойдут и на высшие ступени творчества» [3, с. 378].

В 1934 году пути трех писателей М.С. Шагинян, А.П. Бибика и Г.Ф. Шолохова-Синявского сходятся на 1-м съезде Союза писателей СССР. Алексей Павлович с высокой трибуны съезда заявлял о проблемах и последствиях коллективизации, проводимой на Дону. Выступление А.П. Бибика будет припомнено в НКВД во время его ареста в 1938 г. Мариэтту Сергеевну избрали в правление Союза писателей СССР, а Георгий Филиппович возвратился в Ростов-на-Дону, наполненный творческими планами. В 1935 году он возглавил Ростовский союз писателей. Кстати, писатели не стремились занимать эту должность, т.к. считали, что административные заботы мешают творчеству и менялись ежегодно (особенно до войны).

Арест. 1937-1938 гг. – годы «чистки» в СССР. Не миновала «чаша сия» и ростовских писателей.

Из воспоминаний Леонида Шолохова, сына Г.Ф. Шолохова-Синявского: «В 1931-1932 гг. стал часто приезжать к отцу один из секретарей Куйбышевского или Крыловского райкома партии, некто Шаров... Однажды Шаров поучал: «Что же вы, писатели, не пишете о гигантской революции в деревне – о коллективизации? О величайшем в истории человечества сталинском плане преобразовании в деревне?» В ответ, ранее молчавший Алексей Павлович, вскочил и закричал:

– О ч-чем писать?! О п-пустых котлах?! О голоде?! О вымирающих деревнях?! О Соловках?!

Все присутствующие – Бусыгин, Петров-Бирюк, Никулин и другие – обомлели. Шаров, молча, вскочил и, выходя, прошипел:

– Я это запомню!

Больше мы его в нашем доме не видели. Но Шаров слова Алексея Павловича действительно не забыл. В 1938 году А.П. Бибика арестовали как врага народа. Впоследствии, уже после окончания Великой Отечественной войны, мы узнали, что на всех допросах фигурировала интерпретация слов А.П. Бибика, которые якобы обличали Советскую власть. Эти же слова инкриминировались в 1938 г. и Д.И. Петрову-Бирюку во время его ареста». Позднее были арестованы жена и дочь А.П. Бибика и отправлены в ГУЛАГи, 9 лет они не знали о судьбах друг друга. Только в 1947 году, благодаря стараниям М.А. Шолохова, Алексея Павловича Бибика, которому к тому времени было уже 72 года, удалось вызволить из ссылки.

«Был студеный и голодный декабрь 1947 года. Однажды поздним вечером в нашей квартире на 16-й линии в Нахичевани раздался стук в дверь. Мама открыла дверь и увидела маленького, согнувшегося, в засаленном ватнике и в глубоких калошах на босу ногу, которые мы тогда с усмешкой называли «прощай молодость», с котомкой за плечами, старика, который сняв цигейковую ушанку, робко спросил:

– Лиза, ты меня не узнаешь?

Это был Алексей Павлович Бибик – некогда знаменитый пролетарский писатель, только что вернувшийся после десятилетнего заключения и получивший «волчий билет» с правом селиться «не ближе тридцати километров от ближайшего города». Некоторые семьи довоенных «братьев-писателей» побоялись пустить А.П. Бибика, даже переночевать на одну ночь, мать, ни слова не говоря, распахнула перед ним дверь настежь. Узнав о возвращении А.П. Бибика, отец договорился в родной Синявке о том, чтобы этого престарелого человека, прошедшего на царской и советской каторгах более 20 лет, взяли колхозным сторожем. Приютили в колхозе имени Фабрициуса... Результатом работы сторожем в Синявке стал

большой рассказ «В займище Дона», помеченный в книгах. 1948, Синявская» [4, с. 30-32].

Впоследствии А.П. Бирик оставил воспоминания о дружеской поддержке писателей, оказанной ему в трудные времена. Когда возвращался из ссылки в 1947 году и отстал от поезда в Свердловске, П. Бажов предоставил ему ночлег и деньги [5, с. 361]. А. Серафимович предложил А.П. Бирику пожить у него на даче в Переделкино [6, с. 372]. Но Алексей Павлович стремился в Ростов-на-Дону, в надежде найти жену и дочь. До устройства в Синявке, Алексея Павловича Бирика на время поселили на окраине Ростова-на-Дону, в пустовавшем маленьком домике старейшего писателя П.Х. Максимова. В то время за подобные поступки друзья-писатели могли поплатиться жизнью.

На издание произведений А.П. Бирика был наложен десятилетний «литературный карантин». В письме от 05.04.1957 г. он обращался к Г.Ф. Шолохову-Синявскому с просьбой помочь с переиздание романа «К широкой дороге» в Ростиздате: «В Москве мне подтвердили, что запрет с моих произведений снят. Однако найти их можно только в крупнейших библиотеках». 22.03.1958 г. А.П. Бирик сообщил радостную весть: «О реабилитации ты, разумеется, знаешь. Было желание отметить дату «1938-1958» бутылкой вина...»

Драматургия. В 1930-е годы пьесы А.П. Бирика с успехом ставились на сценических подмостках. «Пьеса «Праздник мастера» была рекомендована Ростовским обкомом театру Завадского», – вспоминал он в письме от 06.05.1954. В это время столичный режиссер Ю.А. Завадский жил и работал в Ростове-на-Дону в театре им. М. Горького, в постановках были задействованы В.П. Марецкая и Н.Д. Мордвинов. По навету одного ростовского «горе-драматурга», пьесу которого Ю.А. Завадский не захотел ставить, был написан донос, что в театре им. М. Горького обосновалась меньшевистская ячейка во главе с Завадским и Бириком. Последствиями доноса стал арест А.П. Бирика, а Завадскому со столичной труппой актеров пришлось спешно бежать из Ростова [см.: 7].

Позднее А.П. Бирик писал в связи с изданием романа «К широкой дороге»: «Если даже пройдет половина сданного

материала, то и то хватит на лестницу, чтобы вылезти из волчьей ямы, вырытой мне «писателем» И.С.» (01.04.1954 г.)

После возвращения из лагерей Алексей Павлович начал собирать свое творчество по крупицам, многие пьесы были утеряны при обыске. «Радость! Нашлась в архиве пьеса «Праздник мастера» и ...раз десять принимался плакать... Конечно, было бы лучше, чтобы плакали зрители, но что поделаешь, когда искренне, по совести, написанное произведение пролежало под сукном 17 лет и бог весть, сколько еще будет лежать! Не захочешь, так заплачешь!» (06.05.1954). «В журнале «Театральная жизнь» № 19 напечатан III акт из пьесы «Архиповы», если достанешь, стоит прочесть хотя бы потому, что это написано было 42 года тому назад» (12.11.1964). «Пьеса («Золотое зерно»), мне кажется, заслуживает внимания советской общественности, поскольку тычет носом в зловонную язву, ...следует ориентироваться на впечатлительность 200 млн. советских людей, изнемогающих под гнетом подлого бюрократизма...» (05.06.1957). Из писем А.П. Библика я узнаю, что в 1960-м году он встречался в Москве с Ю.А. Завадским. Режиссер собирался поставить «Архиповы» во МХАТе, а в 1964 году Г.Ф. Шолохов-Синявский ходатайствовал и получил положительный ответ от режиссера Таганрогского театра им. Чехова о намерении постановки пьесы «Неведомые страны» (новое название «Архиповы»), поспешил телеграммой порадовать больного автора. Но, увы, пьесы не были поставлены в театрах, думаю по понятным причинам «прошлых грехов» А.П. Библика.

Закончим драматургический период писателя на оптимистической ноте. В г. Минеральные Воды, где жил писатель последние 20 лет, в клубе «Стекольного завода» пьесы были поставлены, имели большой успех у зрителей, их приезжали смотреть из соседних городов – Ставрополя, Невинномысска. Пьесы получили высокую оценку критики. С конца 1950-х годов популярность писателя возросла, его произведения читают люди разных поколений, проходят литературные встречи, особенно А.П. Библик любил встречаться со школьниками и юношеством.

Роман «К широкой дороге». В 1957 году издано самое крупное, могучее произведение А.П. Бибика – роман «К широкой дороге». «Я уверен, что ты, а тем паче – Елизавета Алексеевна – прочтете копию рецензии на мою работу с должным почтением к моим сединам, – которые не идут к молодости моей души!» (05.06.1957). Автор статьи, Шамагонова, рекомендуя роман к изданию, писала: «...все мы ждали, все мы надеялись, что когда-нибудь выйдет из под пера Алексея Максимовича Горького роман более глубокий, более объемлющий, более широкого полотна о русском рабочем революционере. Максим Горький ушел, не оставил нам такого романа, он положил на стол книгу о Климе Самгине. ...Роман «К широкой дороге» написан в том же ключе, что и «Мать» Горького. Мне кажется, что появилось новое выдающееся произведение, которое займет в литературе место на той же полке, что и «Мать» Горького, рядом, корешок к корешку. Роман Бибика написан не в спехе, поэтому его художественные достоинства не вызывают никакого протеста. Вывод: немедленно заключить с автором авансовый договор, книгу издать возможно большим тиражом к сорокалетию Советской власти».

В характере главного героя Игната Ракитного, угадываются черты писателя, а описанные события автобиографичны.

«Старик с глазами Прометей». Поэт Ян Бернад посвятил Алексею Павловичу стихотворение под названием «Старик с глазами Прометей». На мой взгляд, божественным проведением посылаются такие люди на землю для сохранения баланса добра и зла. Честный, бескомпромиссный писатель А.П. Бибик живо откликнулся на происходившие события: «Очень переживаю Суэцкий канал, а еще «оченнее» – Венгрию. Эх... и сколько же на свете головотяпства!!! И грустно, что назидательные уроки плохо, а то и вовсе не учитываются... и сколько же надо еще Познáней и Будапештов?!» (05.06.1957).

В 1960-е годы А.П. Бибик упрекал писателей, что слабо отразили в своем творчестве «язвы» коллективизации. В письме к Г.Ф. Шолохову-Синявскому он вспоминал о встрече в 1930-е годы с политотдельцем Миллеровского района: «Он, этот политотделец, расписывал причины разгрома многих станиц в

тридцатые годы и установил отсутствие оправдательных причин для такого разгрома. А когда возбудил вопрос о возвращении 95% невинно покаранных – возвращать было некого. Где же упоминание, хотя бы вскользь, об этом вопиющем правонарушении? Ладно, замнем, а то я начинаю волноваться, а мне предстоит еще дожить 5 месяцев до моего юбилея» (16.05.1962). Допускаю мысль, что Г.Ф. Шолохов-Синявский прислушался к словам друга-наставника и в 1963 году написал рассказ «Хлеб насущный», основанный на воспоминаниях, о голоде в станицах Дона и Украины зимой 1932-1933 гг., о «перегибах» слишком «ретивых» партийных работников в тяжелый период становления первых колхозов на Дону. Увы, литературной критикой в 1963 году рассказ был «забракован», об издании и речи не велось, и только в 1995 году, в период «гласности», рассказ был впервые напечатан в журнале «Дон».

Из письма А.П. Библика: «Ну, как тут не вспомнить, что Николай Палкан разрешил «Ревизора?! Ре-ви-зо-ра!!» (05.06.1957). А в 1930 годы такая правда грозила репрессиями и расстрелом, не все писатели были готовы идти на «голхофу».

А.П. Библик осуждал культ личности Сталина, но и в писательской среде считал, что культ некоторым писателям претит честному творчеству и является «не то что преступлением, а – «перехлестом». Тем более высока оценка А.П. Библика творческого пути Г.Ф. Шолохова-Синявского: «Дорогой друг, Георгий Филиппович! Сердечно поздравляю тебя с шестидесятилетием твоего бытия. Рад, что в литературу ты пришел не с черного хода, не подхалимничал и не кадил пресловутому Культуре личности. Жжением поднялся ты, честным и упорным трудом... А еще хвалю тебя, друже, за то, что в тяжкие дни «ежовщины» ты не запачкал совести предательством и спекуляцией на политической бдительности, подобно другим, и поныне благоденствующим в лоне Союза советских писателей. А еще хвалю тебя, друже, за то, что из написанного твоим пером ничего не приходится вырубать топором (после недавней ассенизации). Да будет и впредь твое перо неутомимо! Штаны твои – непросидимы! Бумага – терпелива! А милосердие спутника твоего – Неиссякаемо! Аминь! Твой, находящийся на ремонте, А. БИБИК 13/11 – 61 г.

Алексей Павлович уважал, симпатизировал и испытывал чувство благодарности к моей бабушке, Елизавете Алексеевне Шолоховой, некогда проявившей к нему заботу в трудные годы. Но главное ценил ее за преданность мужу, она была любящей женой, боевой подругой, сподвижницей, с 1950 года секретарем-референтом, перепечатывала рукописи деда, готовя к изданию, во многом благодаря ей состоялся писатель Г.Ф. Шолохов-Синявский. Понимал это и Алексей Павлович: «...Ой, как это много значит! И квартира, и базар, и число ухабов на дороге, и подруга! Та подруга-попутчик, которая не мешает, а понимает свою роль в твоём творчестве и не превратится потом в навязчивое видение. Эх, друже, Георгиопуло!.. Возблагодари же Лизаветту и тех добрых духов, что уберегли тебя... Помнишь ли, нет ли, – те дни, когда М. Горький поучал писателей работать над словом! Еще тогда я «имел дерзость» заострить вопрос о квартире и прочих удобствах для углубленной работы писателей? Да и сам Горький, в беседе, придавал огромное значение «преодолению препятствий». А присмотришь, попробуй, к условиям жизни любого из «великих». К примеру сказать – того же Тургенева, Толстого, Федина, Шолохова Михаила... Для меня, друже, «ухабы» еще не кончились. Тем охотнее жму руку Лизаветте за то, что «не подводила» тебя, не ошпыливала твои крылья...» А. БИБИК 2/12 – 66 г. МинВоды. «Не всякому писаке вменяется иметь воображение, и я бьюсь об заклад, что этих выражений не было написано лишь потому, что за спиной святой мученицы (каждая жена писателя – мученица!) – стоял ты, подобный коршуну с растопыренными когтями» (05.04.1957).

До конца жизни А.П. Бибик сожалел о потерянном времени, в связи с тем, что не реализовал, как ему казалось, весь свой потенциал писателя. О годах, проведенных в Гулаге, вспоминал и напутствовал, обращаясь к дедушке: «Ты уже не весьма молод, но тебя мало трепали, ты в общем-то, сохранился. И «выписался». Память (и Лизаветта) тебя не подводят. Но нельзя тебе «апочевать». То время, что еще имеется у тебя, ты должен рационально использовать, – работать без сверхнажима, но и не щадя штанов. И то, что ты дашь – будет куда ценнее суда

хитрецов и подхалимов. Твой потенциал еще не исчерпан!!! А не используешь – будешь потом каяться, как каюсь я.

«Да друзья, невесело думать о том, что ты дошагиваешь последние километры... дошагиваешь – не давший всего, что мог дать. Дрянная биография!! Ну а вы – шагайте!» 12.11.1964.

Увлечение живописью. По воспоминаниям Леонида Георгиевича Шолохова: «Алексей Павлович был не только писателем, но и коллекционером произведений искусства. В его квартире на Мало-Садовой (ныне ул. Суворова) была большая коллекция картин русских художников, особенно – передвижников. Удивительное дело, когда в 1938 году арестовали А.П. Бибика, его картина – подарок отцу – упала со стены, разбила графин с водой, стоявший на столе, и была насквозь проткнута пробкой от графина». Это была картина И.А. Космакова – любимого ученика И.И. Шишкина. Мой папа Анатолий Георгиевич Шолохов как смог подреставрировал картину, у него был художественный дар, но картина ожила только в 2014 году, спустя 76 лет после реставрации, проведенной чудесным ростовским мастером-реставратором, художником Игорем Благодотиним.

В 1960-е годы А.П. Бибик подарил дедушке два этюда ставропольского пейзажиста, заслуженного художника РСФСР П.М. Гречишкина. Во время моего посещения картинной галереи художника в Ставрополе в 2015 году, я разговорилась с директором галереи, биографом художника и стала выяснять – были ли знакомы художник и писатель, вопрос остался без ответа. В 2022 году вернулись к этому вопросу уже с директором музея А.П. Бибика в г. Минеральные Воды, но и также об этом мы не могли утверждать с достоверностью. И вот удача! В интернете, на сайте букиниста я нахожу и приобретаю книгу А.П. Бибика роман «К широкой дороге» с дарственной надписью автора: «Дорогому Павлу Моисеевичу Гречишкину – на добрую память с пожеланием самого высокого потолка в его благородном Искусстве. А.П. Бибик. Январь 1960 г.»

Поиск пристанища. После окончания ссылки в 1947 году начались тяжелые годы скитаний. Алексею Павловичу запрещено было проживать в крупных городах СССР, также после северных холодов и в связи с пошатнувшимся здоровьем

Алексею Павловичу требовался свежий горный или морской воздух. Некоторое время он жил в Одессе, пожил немного в поселке Лоо у знакомых на побережье Черного моря. Потом устремил взгляд на горы, ему понравился Майкоп. Мой дедушка стал хлопотать за друга. Попросил адыгейского писателя и просветителя Тембота Керашева обустроить пожилого А.П. Бибика в прекрасной Адыгее. Тембот Магомедович сердечно откликнулся и начал хлопотать за коллегу по перу, подыскал ему жилье. Но дочь А.П. Бибика не захотела поселиться в Майкопе. Она была врачом-курортологом и боялась, что не найдет работу. В итоге Алексей Павлович поселился в городе Минеральные воды.

Литературные чтения. А.П. Бибик придавал большое значение литературным чтениям в писательском кругу, сопровождавшимся обменом мнениями о новых произведениях. «Неугомонный старик» с душой творца, в письмах к бабушке инициировал такие встречи. Особо он ценил мнение В.А. Закруткина, который также пострадал от «сталинских репрессий» и один из немногих откликнулся на горести А.П. Бибика. Принимал его у себя после возвращения из ссылки и оставил воспоминания об этой встрече в книге «Цвет лазоревый».

Пьеса «Белый халат». Из письма А.П. Бибика: «...вчера имел любопытную беседу с одним из редакционного совета МХАТ. Прежде всего, вместо 3-х дней по обещанию, он прочел рукопись через 3 часа после моего ухода от него. «Начал – и не мог оторваться». И тотчас вызвал меня по телефону. По его мнению, это – лучшая из всех пьес, предложенных вниманию МХАТа за последнее время... воскликнул: «Будь я директором, я взял бы эту пьесу вместо ста пьес, лежащих в нашем портфеле». Но – он не директор, во-первых, во-вторых – вся труппа и администрация, и совет – в разъездах, аж до самого сентября. В-третьих – театр может ставить новых пьес не больше 2-х за сезон, а от запасов их ломаются шкафы. Когда же я намекнул, что он мог бы, дескать, рекомендовать пьесу другому театру, сей муж (в общем – симпатяга) ответил: «Более слабую пьесу я, пожалуй, рекомендовал бы. Но если эта прозвучит в другом театре, мне в МХАТЕ не будет житья, почему упустил».

И еще: «Актриса, которая сумеет сыграть Ольгу, закрепит свое положение». От всего этого у автора (не первой молодости) закружилась даже голова. Если охота – можешь вводить поправочный коэффициент в слова т. М., но не в мои: за что куплено, за то продано». Заканчивалось письмо с юмором «А в общем – я горячо рекомендую писать пьесы всякому, чей вес превышает 70 килограмм. Учти!» Это намек на полноту моего деда. В письмо был вложен небольшой пожелтевший листочек – отрывок из пьесы – страница 72:

«Остановилась перед халатом.

– Запачканный халат. Я, Ольга Платоновна, запачкала свой белый халат?! – ложь! Тебя не пачкали гнойники! На огненном фронте, бывало, ты весь залит кровью, но не было на тебе черного пятнышка. Белый халат – моя честь! Моя гордость! И вот – тебя пачкают, – уже запачкали! Ведь горная молва о суде и враче-взяточнике пошла уже кругами, как вода от брошенного камня.

– И кто же, кто бросил этот камень? Кто дегтем облил мой халат? Ядовитейшее из реликтовых, – Кармен! Не Кармен Испании, просто – блатнячка. Но эта блатнячка сильнее тебя, Ольга. Да и умнее (саркастический смех). – Учись у нее списывать коров, торговать пенициллином!»

Подпись: «С чувством большой симпатии – Елизавете Алексеевне Шолоховой-Синявской, на добрую память о первой читке пьесы. А.Б.» 1960 г.

Смерть его не брала. Случилось с Алексеем Павловичем в возрасте 84 года, как он сам сказал, «приключение». Возвращаясь из Пятигорска, заскочил он на ходу в отходящую электричку и зацепился за скобу, торчащую из сложенных плит на платформе, одна нога застряла в проеме между платформой и набирающем скорость вагоном. «Вместо законной паники было любопытно: сколько же, мол, можно провисеть на руке и чем это может кончиться. Озабочен был тем, чтобы не стянуло вниз к рельсам. На мое счастье, кто-то сообразил дернуть «стоп-кран» и поезд, проволочив меня метров 30, остановился. И тут, выбравшись в тамбур вагона, подвергся яростному нападению кондукторши. Но я был доволен исходом неожиданного приключения (очередного!?), что весело извинился за

причиненное беспокойство». С юмором вспоминал А.П. Бибики: «пользуясь случаем», припоминаю, сколько же раз посещала меня «липучая смерть»? Насчитал – 8 раз... Когда-нибудь, за стаканом вина, расскажу-поведаю об этих непрошенных визитах. В общем же – я начинаю верить в свое бессмертие – и оттого проникаюсь безграничным нахальством».

Хранил его Бог, впереди были 15 лет плодотворной жизни, выход его главного романа жизни «К широкой дороге», книги воспоминаний «Сквозь бури и годы». Многочисленные встречи с читателями: «Позавчера отзвонил «встречу», – вышло по-хорошему. Сегодня – встреча вторая. 19-го большая встреча в Ставрополе, затем еще предстоит три или четыре (в клубах и библиотеках). Чувствую искренность людей, оттого и иду им на встречу». 15.10.1962 г.

Алексей Павлович поддерживал себя в физической форме. В письмах к бабушке он призывал его к ежедневной гимнастике, проведению массажа сердца и обязательным дневным прогулкам, как неукоснительно поступал сам.

Занимался физическим трудом, любил столярничать, мебель для своего кабинета сделал сам. Трудился в саду. Очень радовался, когда бабушка привез саженцы винограда, переданные писателем А.В. Калининским из хутора Пухляковского.

В 1967 году, спустя два месяца после смерти моего бабушки Г.Ф. Шолохова-Синяевского, его вдова, моя бабушка Елизавета Алексеевна писала А.П. Бибику: «Вы всё тот же, неунывающий, веселый, дорогой Алексей Павлович, которого так нежно любил Егор! А доказательством служит то, что, лежа на койке, в Московской больнице, в свой смертный день, он не забыл о Вас. Только Вам одному нацарапал Первомайский привет и поздравление». Бабушка своей тонкой душой понимал, как много значил этот праздник для 88-летнего друга. Ведь первые шаги в революцию были сделаны им в Харькове, когда он выступил в числе организаторов демонстрации трудящихся 1 мая 1900 года».

Послесловие. Жена писателя Зинаида Ивановна Бибики умерла в 1953 году после 10-летних скитаний, в 1956 году поселился Алексей Павлович с вернувшимися из лагерей дочерью Ольгой

Алексеевной Бауэр (Бибик) и ее мужем в Минеральных водах. Выстроили дом, купили автомобиль «Москвич», осуществили мечту поехать к морю, как герои его рассказа «К морю». Подобно освобожденному после мучений Прометею, Алексей Павлович воспрял духом, много трудился, смог насладиться изданием своих книг, последнее прижизненное издание датировано 1975 годом, когда писателю было 98 лет. Несколько месяцев он не дожид до своего 100-летнего юбилея: столетничал, но однажды упустил молоток на ногу, началась гангрена. В результате чего «Всевышний» и призвал его к себе 18 ноября 1976 года. За заслуги в развитии советской литературы А.П. Бибик в 1967 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Он является почетным гражданином города, посмертно его именем названа улица в городе Минеральные воды. Дочь писателя Ольга не имела детей, после своей смерти завещала дом городу, сейчас в нем музей писателя. Работники музея и горожане хранят добрую память об Алексее Павловиче Бибике. Соседи по улице до сих пор рассказывают, как любили детьми гулять под окнами кабинета писателя и получали от него конфетки и угощения. Вы спросите: «Отступил ли он от своих принципов?» Ответ в письме: «И вот еще: В редакции «Нового Мира» произошли какие-то перемены, и я не могу решить – посылать ли туда мои рукописи; тем более, что в них содержится если не полное, но всё же ясное признание правоты Ленинских схем, т.е. то, чего добивались от меня в 1924 г.» (1967 г.).

Литература

1. *Шагинян М.С.* Как я была инструктором ткацкого дела // М.С. Шагинян. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3., М., 1987.
2. *Бибик А.П.* Непрошенные // А.П. Бибик. Сквозь бури и годы. Ставрополь, 1975.
3. *Бибик А.П.* Слово о друге-писателе // А.П. Бибик. Сквозь бури и годы. Ставрополь, 1975.
4. *Шолохов Л.Г.* Воспоминание об отце – Георгии Филипповиче Шолохове-Синявском // Мне грезилась донская гроза... Ростов-на-Дону, 2017.

5. *Бибик А.П.* Узорщик слова Павел Бажов // А.П. Бибик. Сквозь бури и годы. Ставрополь, 1975.

6. *Бибик А.П.* Дружеская рука // А.П. Бибик. Сквозь бури и годы. Ставрополь, 1975.

7. *Котовсков В.Я.* Судьба писателя А. Библика // Пять имен, или «проходим прежнюю дорогу». Ростов-на-Дону, 2001.

С.С. Козлов

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОСТОВОМ И НАХИЧЕВАНЬЮ В 1860-1917 гг.

Начиная с середины XIX века, город Нахичевань-на-Дону постепенно стал терять свои привилегии. Это объяснялось объективными причинами развития Российской империи. Как известно, середина XIX века – это время «осуществления административных, военных, судебных, городских реформ, последовавших вслед за крестьянской реформой 1861 года. Эти реформы исходили из требований капиталистического развития страны и являясь мероприятиями, шедшими им навстречу, и, следовательно, вытекали из интересов общего прогресса общества» [1, с. 332]. В ходе этих реформ город Нахичевань-на-Дону лишился всех своих привилегий в управлении. Этому в немалой степени способствовал ростовский городской голова А.М. Байков, во главе с которым «местный земский собор принял решение и выступил с ходатайством перед правительством о ликвидации привилегий Новой Нахичевани. Губернский земский собор не без вмешательства ростовского городского головы вполне согласился с этим решением. Приняв решение губернского земского собора за основу, А.М. Байков в 1866 году обратился к министру внутренних дел П. Валуеву» [1, с. 333].

Нахичеванцы не смирились с этим положением дел, они всячески пытались противостоять этой политике, отстаивая свои интересы. Так, «в 1862 году Нахичеванское городское общество

ходатайствует об учреждении в городе Нахичевани ярмарки раз в год. ...Ростов доказывает вред нахичеванской ярмарки для всего края. Нахичевань без того имеет привилегии, новая ярмарка в Нахичевани может убить Ростовскую ярмарку, несправедливо притеснить город, развивающийся без всякой правительственной поддержки. Ходатайство нахичеванского общества оставлено без последствий» [19, с. 202-203]. А.М. Байков так же предлагал проложить шоссе между двумя городами. В своем обращении к нахичеванскому городскому голове он просил: «содействовать ему в исходатайствовании приведения в исполнение этого полезного в высшей степени для обоих городов проекта» [19, с. 172]. На это обращение нахичеванский городской голова ответил уклончиво. Шоссе, соединяющие Ростов и Нахичевань, было построено лишь спустя пять лет – 12 ноября 1867 года.

В октябре 1872 года ростовский городской голова П. Максимов предложил провести сбор налога на использование шоссе между Ростовом и Нахичеванью, о чем свидетельствует его письмо, направленное нахичеванскому городскому голове, в котором он писал, что «расход этот было бы несправедливо отнести на счет города, а было бы удобнее устанавливать сбор с проезжающих, для составления капитала и ремонт шоссе пролегающего по землям, принадлежащим Ростову и Нахичевану» [3, л. 7].

Начало общей системе административного управления Нахичевани и Ростова-на-Дону было положено в эпоху «Великих реформ» Александра II в 1860-1870 гг. [14, с. 281]. Оба эти города входили в состав Ростовского уезда сначала Екатеринославской губернии, а с 1889 года в составе области Войска Донского (уже в качестве округа, а не уезда). Причем, находясь в составе Ростовского земства, город Нахичевань испытывал крайние неудобства.

Вот что писал в городскую Управу Нахичевани-на-Дону городской голова Салтыков в письме от 15 апреля 1874 г.: «Участие г. Нахичевана-на-Дону с пятью селениями в Ростовском земстве тяжело отражается на благосостоянии нашем: мы несем налоги гораздо в больших размерах, чем получаем выгоду от земства. Между тем, земство не дает г.

Нахичевану ни на содержание училищ, ни на больницы. Дает только нам одного мирового судью. Тогда как мы несем налоги не только на содержание ростовских и таганрогских мировых судей, но и на содержание мирового съезда. На улучшение реальной гимназии в г. Ростове ростовское земство сделало последствие, которое ложится налогом на г. Нахичевань, который и без того несет налог на все свои учебные заведения, не получая от земства ни одной копейки на свои учебные заведения. В последнюю сессию Ростовский съезд со всех земель и, следовательно, налог сообразно этому изменению на земли, ...на недвижимые городские имущества. Трудно перечислить все невыгоды участия г. Нахичевана и армянских селений в Ростовском земстве. Но г. Одесса и Таганрог уже сознали эти невыгоды и Одесса уже отделилась от Херсонского земства и в Таганроге уже ходатайствовали бывшего Новороссийского генерал-губернатора и распоряжением М. Видтерниха был назначен комитет для определения отклонения Таганрога к Ростовскому земству, пришли к убеждению об совершенном отношении Таганрога от Ростовского земства.

Потому покорнейше просим предложить это земским депутатам на обсуждение ходатайства перед правительством об отпущении г. Нахичевани от ростовского земства» [4, л. 1]. В том же году в думе был создан особый комитет по разработке вопроса о выходе г. Нахичевани из состава Ростовского земства во главе с гласным И. Аладжаловым. Но из-за постоянной занятости в делах думы тот не мог заниматься и этими вопросами [4, л. 2].

Но, видимо, не только И. Аладжалов не мог принимать участие в комитете. Х.М. Бахчисарайцев так же приглашенный в комитет Управы по выходу из Ростовского земства дважды прибывал на заседания комитета, 2 и 4 сентября 1874 года, но оба раза необходимого для голосования числа членов комитета отсутствовало, и, ссылаясь на свою собственную занятость, Х.М. Бахчисарайцев сам просит его уволить из комитета [4, л. 3]. Из чего следует вывод, что несмотря на старания Салтыкова нахичеванское городское общественное управление не спешило выходить из Ростовского земства. Позже представитель г. Нахичевани-на-Дону Д.Т. Каракаш заявил, что «нахичеванскому

городскому обществу было бы полезнее принадлежать не к ростовскому уезду, а к Таганрогскому градоначальству» [20, с. 170].

Совсем иной была точка зрения у ростовского градоначальника, так, «когда Екатеринославский губернатор Д.Н. Батюшков сделал запрос А.М. Байкову относительно сведений проектируемого Ростовского градоначальства» [20, с. 172], А.М. Байков выделил пункты, которые свидетельствовали о готовности Ростова к созданию градоначальства, среди которых был следующий: «Нахичевань же соединена в полицейском отношении с Ростовом, составляя четвертую полицейскую часть; образование одного градоначальства из обоих городов дает новое предположение, что настало время объединения и их хозяйств» [20, с. 173].

Кроме того, А.М. Байков посетил столицу с целью устройств дел города и 22 апреля 1886 года он выступил с сообщением на заседании думы «относительно успеха в высших правительственных учреждениях, порученных ему думой ходатайств о нуждах города» [8]. В число этих ходатайств как один из главных вопросов вошел вопрос о присоединении Нахичевани к Ростову. И, как свидетельствует газета со слов А.М. Байкова, он «не может нахвалиться вниманием, оказанным интересам города Ростова» [8]. Можно видеть, что ростовский городской голова рассматривал объединение двух городов, через призму интересов Ростова.

В связи с этим он не мог допустить, чтобы Нахичевань становился сильным независимым городом. Приведем следующий факт: в январе 1886 года на заседании Ростовской городской думы А.М. Байков выступил с сообщением о том, что «его Превосходительство г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, поручил его Превосходительству ...М.К. Катакази, заняться рассмотрением на месте вопроса об устройстве наплавного моста через реку Дон против Нахичевана» [2]. Вопрос этот поднимался Нахичеванью еще в 1851 году, но не нашли поддержки у Ростова, они говорили, что это строительство «им доставит несметные выгоды и для торговли, промышленности и домашнего быта жителей Ростова, произведет самые убийственные последствия, ...почему

приказали покорнейше просить господина начальника губернии сделать распоряжение о недозволении армянам к постройке моста.

Ходатайство ростовцев уважено и постройка моста воспрещена нахичеванцам» [19, с. 157]. Таким образом, в 1850-е годы мост так и не был построен.

Нахичевань всеми силами старалась не допустить объединение с Ростовом, о чем свидетельствует, например, такой факт: 11 сентября 1886 года ростовское полицмейстерство послало запрос нахичеванскому городскому голове об устройстве телефонной связи между городами: «С устройством в г. Ростове телефонного сообщения признана громадная польза, ...полицейская часть в Нахичевани до сих пор остается в изолированном отношении от Ростова...» [5, л. 5].

На этот запрос нахичеванский городской голова ответил 2 октября: «... Милостивый государь, возбуждаемый нами вопрос о проведении телефона... имеет быть рассмотрен при создаваемой смете доходов и расходов г. Нахичевана на 1887 г.» [5, л. 5]. Из этого дела мы видим, что нахичеванцы всячески затягивали рассмотрение этого вопроса, в то время как руководители Ростова пытались ускорить этот процесс. Несмотря на нежелание Нахичевана проводить телефонную связь с Ростовом, она уже на следующий год была установлена.

В начале XX века отношения между двумя городами становятся всё более натянутыми. Об этом, в частности, свидетельствуют крупные разногласия между ростовцами и нахичеванцами перед выборами в Нахичеванскую городскую Думу. В предвыборной компании участвовало несколько блоков. Спор разгорелся блоком «прогрессистов»-армян и блоком «ротондистов»-русских, которые ратовали за присоединение Нахичевани к Ростову. Ярким представителем «прогрессистов» был Г.Х. Чалхушьян, который выступил 3 апреля 1913 года на заседании Нахичеванской городской Думы и «указал, что городское управление не должно безучастно относиться к выпадам, какие производятся на него, так называемым организационным комитетом русских избирателей» [10]. Далее в статье сообщается, что «городская Дума уже выразила свое негодование и принципиальный взгляд

на деятельность комитета, задавшегося целью сеять смуту и поселять вражду между русским и армянским населением... Городской голова, как это решено гласными, должен представить г. градоначальнику докладную записку о деятельности комитета, беззастенчиво дискредитирующего городское управление» [10].

Спустя несколько дней в этой же газете выходит статья Г.Х. Халхушьяна, который обличал «клеветников»: «позволю себе привести несколько перлов из тех речей, которые приводятся на собраниях «русских» домовладельцев Нахичевани.

– В.С. Иваницкий: «Если против нас выступят с револьвером, а вы будете отбиваться кнутиком, то, конечно, ничего не сделаете»...

– В.Н. Костричин: «В настоящее время вносимые нами налоги тратятся во вред вам и на пользу не в меру зарвавшимся насильникам. Им легко творить беззаконие и неправду».

– К.Н. Сорин: «Армяне-вожаки сеют к нам «русским» национальную вражду... Надо положить конец армянской вакханалии... Мой совет господам армянам – не натягивать струн, уже туго натянутых, а то они лопнут и ударят того, кто их «натягивает».

– М.Ф. Сухоцкий: «Граждане, поступите так, как поступали наши братья – славяне, терпевшие десятки лет угнетения и обиды от турок... Объединяйтесь, граждане, и сбросьте иго нахичеванское... Выступайте с ружьем против револьвера – и вы всегда выйдете победителями...» [17].

Некоторого результата группа Сорина, Костричина, Змиева всё же добилась, о чем свидетельствует ряд статей в «Приазовском крае». В одной из них говорится: «Выясняется, что массовый захват земель на нахичеванской площади около дачи Пустовойтова явился следствием нелепых слухов, циркулирующих среди захватчиков-окраинцев. Говорили, во-первых, о том, что нахичеванская городская дума теперешнего состава, доживая свои последние дни и намереваясь сделать что-нибудь доброе населению, будет смотреть сквозь пальцы на захват земли, во-вторых, что Нахичевань и Ростов в скором времени сольются в один город» [12]. Также статья в газете

«Утро Юга»: «8 сентября под председательством В.Н. Костричина, состоялось общее собрание русских избирателей. Председатель заявил собравшимся, что комитет избирателей командировал в Санкт-Петербург С.И. Кунакова и Змиева на ходатайство об оставлении в силе распоряжения особого городским головой присутствия о внесении в списки 213 русских домовладельцев. От Змиева получена телеграмма, что ходатайство русских уважено.

Затем собрание постановило командировать в Киев Кошкина и Сухоцкого для ходатайства перед министрами и членами Государственной думы и совета об оказании поддержки для улучшения русского дела в Нахичевани. Затем собранию был доложен список кандидатов в гласных. Список единогласно одобрен. В него внесено 72 человека русских и ни одного армянина...» [15].

Вскоре после публикации этих статей Г.Х. Чалхушьян опубликовал «Открытое письмо нахичеванским русским избирателям». Начинается оно так: «Во имя интересов города Нахичевани, его роста, процветания, благосостояния, я обращаюсь от имени группы избирателей к русским избирателям не из «ротонды»; ...я обращаюсь ко всем нахичеванским честным русским людям и прошу их, прежде чем опустить свой шар в урны, отбросить все личности и подумать лишь об одном – о благе города.

Самостоятельное существование нашего города необходимо. Иначе он станет окраиной. Ведь окраины так всегда жалуются, что о их нуждах не пекутся, неужели же избиратели пожелают обратить весь наш город в окраину Ростова?» [13]. Это же обращение выходит и в другой газете – «Утро Юга» [16].

Представители Думы пытались бороться за самостоятельность своего города, с тем, чтобы он не стал окраиной Ростова. Но с каждым днем это становилось делать всё сложнее.

Об этом говорит и ряд работ А.М. Грекова. Он писал: «Сосед Ростова, Нахичевань, недурно устроившийся на территориальной тесноте своего соседа, сам, как видно, отлично знает цену земли. У самого носа Ростова выставлен столб с надписью: «Граница земель Ростова и Нахичевани». Сделано

это впрочем, было как раз в пору, ибо «русский Нью-Йорк»... совсем было уже подобрался к соседу». Долго ль скушать?

Ростовцы в последние годы не на шутку разлакомились и вот-вот проглотят Нахичевань! И они правы.

Дело в том, что Нахичевань рос и растет не на счет армянского, а русского населения. В данную минуту в нем состоит до 35 тысяч русского населения и только 6 тысяч армян» [6, с. 118-119].

Ранее А.М. Греков в своем труде «Среди донских обывателей» указывал на «сильные сепаративные наклонности Нахичевана» [7, с. 64], а также говорил, что «армяне и представить себе не могут, чтобы когда-нибудь возможно было бы слиться двум городам, с образованием из них одного, под общим названием (как острят ростовцы) «Ростова-Нахичевана-на-Донах» [7, с. 64]. Говоря о нежелании Нахичевани объединиться с Ростовом, А.М. Греков указывал на то, что в экономическом и социальном плане эти города уже давно слились.

И тем не менее, были люди, которые считали, что Ростов и Нахичевань, несмотря на свою территориальную близость, не являются одним целым. К ним относился наказной атаман войска Донского генерал от кавалерии В.И. Покотило, который прибыл в Ростов 19 апреля 1913 года и выступил с речью в городской думе. Он говорил, что «...Ростов и Нахичевань являются обособленными единицами, управляемые отдельным начальником, многоуважаемым И.Н. Зворыкиным...» [11].

В заключении можно сделать вывод, что, несмотря на все разногласия, города продолжали развиваться, и историческая действительность всё больше и больше вела их к объединению. Ростов оказался сильнее и, что не сумело сделать царское правительство, сделали большевики в 1928 году. На заседании президиума ВЦИК комиссия, утвердив решение Северо-Кавказского крайисполкома, постановила: «город Ростов и Нахичевань-на-Дону объединить в один город, присвоив ему наименование Ростов-на-Дону.

Таким образом, Нахичевань-на-Дону, до этого в течение долгих лет существовавшая как самостоятельный город, слился с Ростовом» [9, с. 233].

Литература

1. *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917). Ереван, 1996.
2. Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Думы, 1886, № 8.
3. Государственный архив Ростовской области (далее- ГАРО)..Ф. 91, оп. 1, д. 23.
4. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. д. 92.
5. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. д. 412.
6. *Греков А.М.* Приазовье и Дон. СПб, 1912.
7. *Греков А.М.* Среди донских обывателей. Ростов-на-Дону, 1894.
8. Донская пчела, 1886, № 31.
9. *Захарьянц Г.Н., Иноземцев Г.А., Семернин П.В.* Ростов-на-Дону. 1749-1949. Ростов-на-Дону, 1949.
10. Приазовский край, 1913, № 89.
11. Приазовский край, 1913, № 101.
12. Приазовский край, 1913, № 112.
13. Приазовский край, 1913, № 244.
14. *Самарина Н.В.* Формирование общей системы административного управления Ростовом и Нахичеванью-на-Дону во второй половине XIX – начале XX вв. // Нахичевань-на-Дону: история и современность (к 240-летию переселения армян на Дон): Материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18-19 октября 2019 г.). Ростов-на-Дону, 2019.
15. Утро Юга, 1913, № 225.
16. Утро Юга, 1913, № 231.
17. *Чалхушьян Г.Х.* Об армянском «засилии» в Нахичевани-на-Дону // Приазовский край, 1913, № 94.
18. *Чалхушьян Г.Х.* История города Ростова-на-Дону. Глава 1 // Донской Временник. Год 1999-й. Ростов-на-Дону, 1998. Вып. 7. URL:http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=67 (дата обращения 30.03.2019).
19. *Чалхушьян Г.Х.* История города Ростова-на-Дону. Глава 16 // Донской Временник. Год 2001-й. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 9. http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=805(дата обращения 30.03.2019)
20. *Чалхушьян Г.Х.* История города Ростова-на-Дону. Глава 37, ч. 1 // Донской Временник. Год 2002. Ростов-на-Дону, 2001. Вып. 10. http://www.donvrem.dspl.ru//Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=832(датао бращения 30.03.2019)

ТЕМАТИКА РАННЕЙ ПОЭЗИИ М.С. ШАГИНЯН

Начинала свою творческую деятельность М.С. Шагинян, как и многие другие, в начале XX века, с увлечения модернистскими течениями литературы. В ее ранней поэзии наблюдается влияние символизма, что подтверждает близкое общение с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус (старшими символистами).

Восемнадцатилетней девушкой М. Шагинян впервые встретила с уже известной на то время З.Н. Гиппиус. До этого она написала ей письмо, где выражала поэтический восторг автору и ее творчеству. Сдержанная на выражение чувств, прямолинейная З.Н. Гиппиус просила не культивировать их отношения. Пройдет много лет, и лишь тогда М. Шагинян признает свое увлечение глупым, а мистический образ З.Н. Гиппиус – надменным: «Какая же я была дура, что не понимала эту старую зазнавшуюся декадентку, выдающую себя за «самую простоту!» [1].

Как бы ни складывались отношения двух женщин-поэтесс XX века, влияние символизма можно проследить в раннем поэтическом творчестве М. Шагинян. Ее стихотворения наполнены чувственными образами, философскими мотивами и тонким лиризмом. Ее первый сборник 1909 года назывался «Первые встречи», но он не стал популярным. Второй – «Orientalia» (1913) – проложил дорогу ее поэтическому творчеству. Он посвящен композитору С.В. Рахманинову, а в эпиграфе дано стихотворение Ф.И. Тютчева, что образует его песенную стилизацию и медитативный лад. В.В. Розанов написал статью данному сборнику, где точно передал литературный дебют юной Мариэтты: «В русскую литературу влилась и вливается пока еще тоненькая струйка армянского ума и сердца, которую нельзя не приветствовать особенно потому, что она умиряет и сглаживает рознь, какую вводит политика» [3].

Среди известных стихотворений в этом сборнике выделяют «Воскресенье», «К Армении», «Молитва», «Полнолуние»,

«Разлюбившему», «Отдающему», «Memento mori». Номинация произведений определяет жанровое многообразие: послание, элегия, молитва – отсюда вывод о пейзажной, медитативной и чувственно-интимной тематике стихотворений М. Шагинян.

Разберем восьмистишие «Отдающему», где первые четыре строки образуют антитезу с последующими. В основе произведения сравнение человеческого сердца с цветками семян, которые не боятся раскрыться в солнечный день, доверившись природе: «Спят, как детеныши, в нежном цветке семена, / Тьмою зачаты; для света взлелеяны ею» [4, с. 20]. По-иному воспринимает человеческая душа, она боится отдаться свету, хотя сила его намного превосходит чудо цветения: «Сердцу от века дано невозбранно цвести. / Что ж, зацветая, боится священной утраты?» [4, с. 20]. Образ цветка – символ, с помощью которого раскрывается мир чувств, не поддающийся рационализации. Завершается стихотворение призывом (посланием) отдаться, ведь «отдавший – блаженен двукратно» [4, с. 20]. Так, ведущей в стихотворении является любовно-философская тематика.

Еще одно стихотворение на тему любви «Разлюбившему». В нем описывается ситуация расставания, где вновь, наряду с переживанием, героиня размышляет, приходит к неким заключениям: «Тень пройдет, а светлый мир останется, / И глазам в миру виднее станет» [4, с. 25]. В стихотворении функциональную значимость несет библейская аллюзия сотворения мира – «Сладок холод сердца разлюбившему! / Он глядит, как в первый день творенья» [4, с. 25]. При этом разлюбивший находится в сильной позиции, поскольку готов к новому свету, а «ненавидящему» осталось только отпустить всё плохое и примириться (как истинному христианину).

Стихотворение «Молитва» не отходит от основной темы ранней лирики поэтессы – переживание любви. Вновь религиозное (всеобщее действие – молитва) и интимное (любовная встреча) гармонично пересеклись в произведении. Первая строфа посвящена описанию ночного пейзажа, время для тихих раздумий и откровений. Символисты одухотворяли ночь как тайну, в отличие от ясного дня. В ночное время человек пересекает черту реальности, погружаясь в свой

внутренний мир. Во второй строфе фокус перемещается в исповедальню, где девушка просит монаха помолиться о предстоящей встрече с возлюбленным: «За нашу встречу, друг мой дальний, / Слова молитвы я шепчу» [4, с. 50]. Ее внутреннее переживание сосредоточилось на любви, но законна ли эта встреча, или, возможно, это столь трепетные и невинные чувства перед днем свадьбы.

Восточные мотивы сквозной линией проходят через всё творчество писательницы. Она никогда не забывала о своей родине – Армении, чьи мелодичные мотивы кружевом украшают стихотворения. В послании «К Армении» выражена чистая любовь к родному краю, который тихо ждет, словно родитель дитя. Здесь вновь представлена молитва, но уже в связи с воспоминанием о милом доме: «Молясь, припоминаю я / Твоих церквей напев гортанный, Отчизна дальняя моя!» [4, с. 53]. Всё послание – признание в любви к Родине, которую когда-то покинул: «Мой слух донине не отвык / Любить твой грустно-простодушный, / Всегда торжественный язык» [4, с. 53]. Примечательно противопоставление Севера и Востока, которое в эпоху начала XX века было дискурсивным. Холодная сторона одарила скиталицу болью (возможно, речь о тоске-хандре), и только теплый цветущий край сможет залечить душевную рану. Это стихотворение по общей тональности схоже с тихим плачем по утерянному прошлому. Так, восточный пейзаж, напевы родины и мелодичного женского голоса придают особый лиризм посланию.

Стихотворение «Memento mori», заключающее в номинации латинское крылатое выражение, посвящено теме смерти. Примечательно, что оно написано от мужского лица: «В юности я вождедел и вина и женщин» [4, с. 47], – подобно манере повествования З.Н. Гиппиус. Каждая строка охватывает этап жизни человека, приближая к концу. Бренность бытия противопоставляется вечному – синему сну и дорожке, что приводит к столкновению двух миров (мотив символистов). Человек будто бы молит вечное запечатлеть его, сохранить в памяти всё ушедшее, но в конце приходит к выводу, что «синий сон и дорожка» – вечный покой.

Помимо увлечения поэзией З.Н. Гиппиус в ранней поэзии М.С. Шагинян отмечают влияние творчества А.А. Ахматовой, что подтверждает сочетание религиозного и интимно-чувственного, полусвятого и откровенного. Лирическая героиня поэтессы такая же юная девушка, переживающая откровения любви и тайну встречи. Она ждет, надеется, предвкушает, беспрестанно рефлексировать и молится. Отсюда и ведущая тема – любовь.

Так, раннее творчество М.С. Шагинян жанрово разнообразно, что обуславливает раскрытие в разных формах трех вечных тем: любовь, смерть, Родина.

Литература

1. *Гиппиус З.Н.* Письма к М.С. Шагинян // http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1910_pisma_k_shaginyan.shtml [Электронный ресурс]; (дата посещения: 25.04.2022);
2. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста: структура стиха. Пособие для студентов. Л., 1972.
3. *Розанов В.В.* "Orientalia" Мариэтты Шагинян // http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1913_orientalia_shaginyan.shtml [Электронный ресурс]; (дата посещения: 25.04.2022).
4. *Шагинян М.С.* Orientalia. Стихи // Мариэтта Шагинян. 4-е изд., доп. Ростов-на-Дону, 1918.
5. *Шагинян М.С.* О блаженстве имущего: Поэзия З.Н. Гиппиус. М., 1912.

А.А. Савостина

УКРАИНСКИЕ ПОЭТЫ, СОВРЕМЕННОКИ М.С. ШАГИНЯН

XX столетие для украинской культуры было плодотворным. В это время украинская литература расцвела, открыла себя миру и вошла в историю под эгидой талантливых поэтов, прозаиков, литературоведов.

Народ как будто таил и копил в себе творческую силу и она «зафонтировала» прекрасными литературными произведениями. Невозможно раскрыть и даже штрихом коснуться творчества всех поэтов, писателей – ярких представителей народа Украины. Большинство из них были современниками такой же талантливой и яркой писательницы, исследователя, философа Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Одним из них был **Остап Вишня** (13.11.1889–28.09.1956) – украинский советский писатель, юморист и сатирик. Он родился в многодетной крестьянской семье, в которой было семнадцать детей. Настоящее имя – Павел Михайлович Губенко – получил медицинское образование и был начальником медико-санитарного управления Министерства железных дорог УНР.

Его сатирические произведения не раз заставляли читателей смеяться. К сожалению, этот улыбчивый человек в жизни имел мало поводов для радости. Узник сталинских лагерей (1933-1943) Павел Губенко отсидел положенные 10 лет в исправительно-трудовом лагере. Но и там он не забросил творчество, и, когда суровое начальство поручило ему написать цикл историй из жизни заключенных, даже и там не удержался от иронии!

Произведения мастера художественного слова, сатирика и юмориста, который «започаткував у літературі новий жанр – усмішку», и поныне поднимают настроение тем читателям, кто ценит «завзятий український гумор і веселі життєві історії», которые вошли в «Мисливські усмішки», а также «нариси і фейлетони з циклу «Зенітка» і «Весна-красна».

Краткие диалоги на охоте или рыбалке позволяют создать целостный образ, характер и действие героев... Посудите сами:

«– Та це ж курка, а не качка!

– Це – качка. Тепер усі такі качки пішли. Яровизовані...

– А чому в неї горло перерізане?

– Чому? Чому? Все вам так ото цікаво знати. Летіла, побачила, що націляюсь, виходу не було, взяла й... зарізалась. Що ж тут дивного?!»

На радио эти «усмешки», фельетоны звучали ежедневно, и зачастую люди использовали фрагменты в своих разговорах, многие фразы и выражения стали крылатыми...

Удивительно, как удавалось Остапу Вишне сохранять жизненный оптимизм, учитывая те тяготы судьбы, которые выпали на его долю, ведь он чудом остался жив, хотя ему был вынесен смертный приговор. Долгие годы, проведенные в исправительных лагерях, оставили отпечаток на состоянии здоровья Павла Губенко. Скорее всего бесконечные внутренние переживания человека, который всегда улыбался, привели к тому, что он трагически скончался от сердечного приступа в 66-летнем возрасте, оставив нам в наследство свое творчество.

Яркий и крупнейший представитель поэтов Украины **Павло Григорович Тычина** (11(23).01.1891–16.09.1967) был одним из тринадцати детей сельского псаломщика Григория Тимофеевича Тычинина, учителя «школы грамоты». С детства Павел проявил способности к музыке, рисованию и стихам.

С началом Великой Отечественной войны вместе с Академией наук Украинской ССР был в эвакуации в городе Уфа. В 1943-1948 гг. – народный комиссар просвещения Украинской ССР. Академик Академии наук УССР (с 1929), директор Института литературы Академии наук УССР, член-корреспондент Болгарской Академии наук (с 1947).

В советское время он достиг высот и в политической деятельности. В 1938-1967 годах – депутат Верховного Совета УССР, в 1953-1959 годах – Председатель Верховного Совета УССР. С 1944 года депутат Верховного Совета СССР II-V созывов (1946-1962). Вполне возможно, что с Мариэттой Шагинян они были не только знакомы, но и сотрудничали в Союзе писателей СССР.

Поэтическая деятельность украинского поэта Павло Тычины шла по линии преодоления символистской поэтики. Уже в 1917-1919 гг. Павло Тычина выступил с революционно-реалистическими стихами («Там тополі у полі на волі», «Дума про трьох вітрів», «На майдані коло церкви», «Як упав же він з коня»), которые заняли видное место в украинской советской поэзии.

Помимо того, что П. Тычина был хорошим поэтом, он еще был отличным музыкантом. В его творчестве тесно переплелись эти два таланта, ведь в своих стихах он попробовал создать музыку из слов. Его принято считать единственным истинным

последователем эстетики символизма в Украине, однако литературный критик Сергей Ефремов подметил, что П. Тычина не укладывается ни в одно литературное направление, ведь он из тех поэтов, кто их сами создают.

Когда Украина официально присоединяется к Советскому Союзу, П. Тычина становится истинным советским писателем, «певцом нового дня» («Трактор в полі дир-дир-дир. Ми за мир. Ми за мир»). В наследие вошли и первые три сборника: «Сонячні кларнети», «Замість сонетів и октав», «В космічному оркестрі». Но даже если бы после первого из них он не написал ни строчки, П. Тычина всё равно был бы зачислен в ряды лучших украинских поэтов.

У него есть и произведения для детей. Поэзия П.Тычины весьма легкая, мелодичная и образная, наполнена лирикой.

Иволги

Только вышел я из дома,
Вдруг – не близок, не далек –
Голос иволги знакомый,
Как у флейты голосок.

И птенец ей вторит тоже,
Заливается, чудак.
Получается похоже,
Только все-таки не так.

Солнце и дым

На рассвете встали мы.
Сколько всюду солнца!
Позолочены оконца...
Нет, еще такой зимы
Не встречали мы.

Пронизало солнце дым,
Зимний дым, лохматый.
Проплывает дым над хатой.
А над садом молодым
Тает, тает дым...

Ой, какие чудеса!
Как поблескивает иней!
Сад на солнце синий-синий.
Ветки, смех и голоса...
Дым уходит в небеса.

Ви знаєте, як липа шелестить

Ви знаєте, як липа шелестить
У місячні весняні ночі?
Кохана спить, кохана спить,
Піди збуди, цілуй їй очі.
Кохана спить...
Ви чули ж бо: так липа шелестить.
Ви знаєте, як сплять старі гаї?
Вони все бачать крізь тумани.
Ось місяць, зорі, солов'ї...
Я твій – десь чують дідугани.
А солов'ї!...
Та ви вже знаєте, як сплять гаї!

Максим Гадзевич Рьльський – известный украинский поэт, переводчик, публицист, общественный деятель, лингвист, литературовед – родился в древней польской дворянской семье 19 марта 1895 года в Киеве.

В роковом 1937 году он сменил аполитичный курс неокласиков на воспевание доблести советских рабочих и крестьян и, став пропагандистом, он не перестал быть поэтом. Он продолжал писать лирические произведения, посвященные обыденной, повседневной жизни.

Настоящее творческое возрождение поэта приходится на 1950-е годы, когда началась «хрущевская оттепель». Поэтические сборники этого последнего периода жизни поэта трояди Далекі небосхили Голосівська осінь В затінку жайворонка – достойно завершают его биографию. В них синтезировано всё лучшее из предыдущих книг. М. Рьльского запомнили, в основном, именно таким поэтом, каким он стал на склоне своих дней – сторонником мудрой простоты и меланхоличным мечтателем, влюбленным в осень.

В глибокому затоні

В глибокому затоні
Далеко од людей
Цвітуть лілеї сонні,
І тихо круг лілей.
В глибокому затоні
Води зелений тон,
І відблиски червоні
Спадають на затон.
Тут – кайдани, закони
І суєта страшна...
А там, в яснім затоні –
Прозорість, тишина.

За стінами холодна віє ніч

За стінами холодна віє ніч;
Огонь то згасне, то засяє знову...
Ах, так давно я чув людську річ,
Що вже й забув земну, звичайну мову.
А знаєш що? І там, поміж людьми,
Та сама тайна світиться незримо,
Але вони не бачать у пільмі
Її своїми бідними очима.

Это стихи из ранней поэзии, но они нам открывают в поэте тонкость души и восприятия мира.

Николай Платонович Бажан (09.10.1904–23.11.1983), украинский советский поэт, переводчик, публицист, культуролог и общественный деятель. Широкий спектр деятельности Н. Бажана отличает его творческую деятельность. Он удостоен многих наград: Герой Социалистического Труда, народный поэт Узбекской ССР, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, заслуженный деятель науки Украинской ССР.

Выдающийся мастер стиха, он начал свою поэтическую деятельность с романтического воспевания героики революции (сборник «17-й патруль», 1926); его ранние стихи отличались подчеркнутой напряженностью ситуации психологических

состояний, причем в стилистических средствах явно ощущалось влияние поэтики раннего Маяковского.

Особый период в жизни и творчестве Н. Бажана – годы войны с немецко-фашистскими захватчиками. Произведения этих лет остро отражают беду народа, опасность, нависшую над ним, патриотический подъем, общесоветские формы которого вмещают и чисто национальные переживания: «Клятва» (1941), «Даниил Галицкий» (1942), «Сталинградская тетрадь» (1943).

Н. Бажан в своем творчестве патриотичен и этот мотив прослеживается во многих его произведениях. В двух небольших поэмах Н. Бажана – «Отцы и сыновья» (1938) и «Мать» (1938) – лейтмотивом звучат заключительные строки первой из них: «Так пусть посмеет враг грозить моей отчизне, / Где есть такой народ – отцы и сыновья!»

У Н. Бажана прослеживается чувство органической включенности в многонациональную литературу страны, в мировой литературный и культурно-исторический процесс. Н. Бажан писал о И. Франко и Лесе Украинке, Довженко и Яновском, Пушкине и Толстом, Маяковском и Антокольском, Руставели и Чаренце, Райниси, Шолом-Алейхеме и Петрарке. Приходилось ему выступать на международных встречах и симпозиумах, читать научные доклады. В московских и киевских журналах появлялись статьи о новых книгах современников – писателей Запада: Ж.-П. Сартре, Г. Пьовене, Г. Бёлле – он живо интересовался всем, что появлялось не только в отечественной, но и зарубежной литературе. Изданы 15 поэтических сборников, 14 поэм, киносценарии: «Алим» – Микола Джеря Приключения полтинника – Студентка (совместно с А.Я. Каплером, которым по этому сценарию в том же году был поставлен фильм «Право на женщину») и др.

Его поэзия очень актуальна и в настоящее время. Читая стихи из «Сталинградской тетради», можно было бы сказать, что его боль проявлена по поводу нынешних событий на Украине.

Зов

Сквозь рев огня, сквозь свист и скрежет стали,
Сквозь взрывы битв, сквозь грохоты боев,

Сквозь дрожь земли, сквозь дым и пламя далей
Мы слышим зов – то Украины зов...

Битва

Над городом свободным, над домами
Разрушенными грохот битв затих.
И красное запылало знамя
Над миром, на пожарищах святых.
Солдаты, черный пот с лица стирая,
На запад уж глядели. Там, вдали,
Вставал Донбасс и без конца, без края
Поля родимой, ждущей их земли.
Их призывал простор днепровский синий,
Играло море серебром волны.
Сиял им Киев – древняя святыня
Для всех народов, всех людей страны.
Им чудились Днестра живые воды,
Заоблачный в Карпатах перевал...
Над Сталинградом гордо засиял
Для Украины светлый день свободы!

1942

Имя Н. Бажана стоит в ряду имен виднейших поэтов Украины и всей страны, многие из которых были его близкими товарищами и друзьями, – назовем среди них П. Тычину и М. Рыльского, Н. Тихонова и П. Антокольского, Н. Заболоцкого и Л. Мартынова, М. Танка и А. Кулешова, С. Чиковани и И. Абашидзе, С. Вургуна и Э. Межелайтиса...

Время советского этапа развития творчества украинских писателей прозаиков и драматургов, современников М.С. Шагинян, требует особого внимания и раскрытия. Среди них талантливый Александр Корнейчук, Олесь Гончар, В. Суходольский, Ю. Яновский, С. Жадан, С. Олейник и многие другие... Наследие богатое и глубокое. Не утратить бы!?!..

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

Г.А. Кибалова

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ XX ВЕКА В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ДОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ А.В. КАЛИНИНА

Завораживающий талант писателя Анатолия Вениаминовича Калинина и сегодня наполняет нашу жизнь содержательной глубиной. Мастер слова, он своими пронзительными мыслями дарует читателям вдохновение, его строки теребят душу. Особое состояние внутреннего мира писателя и поэта передается нам и сейчас через мудрые слова, которые дарят нам тепло и покой.

Анатолий Вениаминович прожил сложную, наполненную многими событиями жизнь. Он занимался литературной деятельностью, оставив грядущим поколениям большое творческое наследие, был свидетелем многих исторических событий XX века в мире и в нашей стране, отображая их в своих произведениях, являлся частью культурного движения того времени, был современником М.А. Шолохова, В.А. Закруткина, М.С. Шагинян.

Анатолий Вениаминович Калинин родился 22 августа 1916 года в станице Каменской (сейчас город Каменск-Шахтинский Ростовской области), не стало советского писателя, поэта и драматурга, публициста 12 июня 2008 года.

Тревожные 1920-е годы оставили глубокий след в душе Анатолия Вениаминовича, родители писателя учительствовали в разных станицах и хуторах Дона, вместе с ними был и маленький Анатолий.

В начале 1930-х годов, во времена коллективизации в нашей стране, Анатолий Вениаминович ездил по Ростовской области вместе с рабочей колонной, проводившей коллективизацию, участвовал в ликвидации безграмотности. В 1931 году он вступил в комсомол.

В 1935 году А.В. Калинина, как способного журналиста, пригласили на работу в «Комсомольскую правду». Он был собственным корреспондентом в Армении, Кабардино-

Балкарии, на Украине, на Дону. В 1938-1939 гг. работал над первым романом «Курганы». А. Серафимович, прочитав его, сказал А.В. Калинину: «Ну, здравствуй, молодой Шолохов!» Ориентация на знаменитого земляка была очевидна. Отдельной книгой роман был напечатан в Ростове-на-Дону в 1941 году [3, с. 5].

В 1939 году Анатолий Вениаминович – военкор на финском фронте. По заданию редакции он брал интервью у М.А. Шолохова, но тот неохотно раскрывал финальный замысел «Тихого Дона». В свою очередь, М.А. Шолохов озабоченно расспрашивал о фронтовых делах. Знакомству суждено было продлиться на долгие годы.

В 1941 году А.В. Калинин вступил в ВКП(б), в сентябре был командирован на Южный фронт как специальный военный корреспондент «Комсомольской правды». Работал плодотворно в разных жанрах: репортаж, очерк, путевые заметки, портрет. Впервые характерный калининский стиль проявился в очерке «Искры над Грозным» (октябрь, 1942), повествующем о кровопролитных боях под стратегически важным для немцев нефтяным редутом, лишь после взятия которого они должны были развернуть генеральное наступление на Сталинград.

Большую часть своего фронтового пути А.В. Калинин прошел вместе с Донским 5-м гвардейским кавалерийским корпусом. Многие герои А.В. Калинина впоследствии окажутся так или иначе причастными к этому фронтовому братству. В 1944 он написал роман «На юге». В основу романа легли боевые действия, в которых принимал участие казачий корпус. Воинской дружбе посвящен роман «Товарищи» (1945) [1, с. 153-155].

После войны Анатолий Калинин поселился на хуторе Пухляковском на Дону. Очерки А.В. Калинина о людях донских станиц («Неумирающие корни», «В тылу отстающего колхоза», «Лунные ночи») начинали галерею героев, которые прошли потом через большинство произведений писателя.

В 1953 году в «Правде» увидел свет очерк «На среднем уровне». Это был смелый, злободневный разговор писателя-коммуниста о развитии нашей деревни, о стиле партийного руководства. Сам писатель говорил об этом так: «С очерка «На

среднем уровне» и последовавшего за ним очерка «Лунные ночи» и начинаюсь я, в чем совершенно твердо уверен, как писатель... Эти очерки укрепили меня в сознании важности и необходимости того, о чем пишу. Был огромный поток читательских писем, обязывающих, но и окрыляющих...» [4]

В 1962 году вышел в свет роман А.В. Калинина «Запретная зона. Книга первая», посвященный строительству Волго-Донского канала. В этом произведении поставлены проблемы формирования нового человека, вскрыты и осуждены явления, которые нельзя примирить с коммунистической совестью. Главный герой романа Греков – один из тех партийных работников, которые характеризуют и выражают нашу эпоху.

В романах «Суровое поле» (1958), «Цыган» (1960-1974), в повестях «Эхо войны» (1963), «Возврата нет» (1971) писатель, возвращаясь к событиям минувшей войны, раскрыл связь, которая существует между прошлым и сегодняшними делами современников. Идеино-философская концепция творчества А.В. Калинина выражена в системе образов его героев: с одной стороны, герои, рожденные советской действительностью, с другой – люди, души которых искалечены накопительством, властью собственности.

Роман «Гремите, колокола!», вышедший в 1967 году, посвящен проблемам нравственного и эстетического воспитания молодежи в семье и, как другие произведения А.В. Калинина, привлекает анализом духовного мира героев.

Анатолий Калинин – один из последователей шолоховских традиций в советской литературе. В 1964 году была издана книга очерков писателя о М.А. Шолохове – «Вешенское лето», которая много раз переиздавалась. В 1975 году вышла в свет работа А.В. Калинина «Время «Тихого Дона», опубликованная сначала в «Известиях». В 1982-1983 годах в издательстве «Советская Россия» вышло собрание сочинений Анатолия Калинина в четырех томах. В это издание, помимо прозаических произведений писателя, включены его стихи и поэма.

Ряд произведений А.В. Калинина были переведены на языки народов СССР, а также на английский, арабский, болгарский, вьетнамский, французский, хинди и другие.

По роману «Цыган» создан многосерийный телефильм,

поставлена опера. На радио в 1983, 1985 годах режиссером Э. Верником была осуществлена радиопостановка по мотивам романа «Цыган» с участием артистов: К. Лучко, Л. Маркова, А. Джигарханяна, Т. Пельтцер, А. Покровской, Л. Дурова, Р. Суховерко и других артистов московских театров.

В коллекции радиофонда есть также запись радиокомпозиции спектакля «Суровое поле» А.В. Калинина в исполнении артистов Театра-студии киноактера. В 1983 году корреспондентом радио была записана беседа с писателем – это был серьезный разговор о его творчестве, о замысле романа «Цыган», о войне. О донских песнях, оказавших сильное влияние на творчество писателя. А.В. Калинин читал свои стихотворения: «В стужу лютую...», «Твое ли это детство было...», «На тризне памяти военной».

А.В. Калинин более 20 лет был депутатом Верховного Совета Российской Федерации. Награжден орденами Ленина (дважды), Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

В 1973 году он удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР за повести «Эхо войны» и «Возврата нет». А.В. Калинин – лауреат областной литературной премии имени М.А. Шолохова (2000). Его имя присвоено поисковому отряду «Донской» (г. Константиновск) и одной из ростовских библиотек. Ежегодно проводятся Калининские чтения и областной фестиваль «Калининское лето» (хутор Пухляковский).

В произведениях Анатолия Вениаминовича Калинина на первый план всегда выходит нравственный мир человека; писатель подчеркивал: «...помимо внешней стороны жизни людей существует таинственно-прекрасная сторона их жизни, скрытая от беглого взгляда. Она-то и есть их главная жизнь» [5].

Литература

1. *Воронов В.* По кругу совести и долга. О творчестве А. Калинина // Дон. 1984. № 2.

2. *Долгополов С.А.* Калинин А.В. – писатель совести и чести https://cbs-novoch.ru/list_item/znamenitye-zemliaki/kalinin-a-v-pisatel-

sovesti-i-chesti

3. *Дмитренко С.* Желание быть цыганом // Литературная газета. 1994. № 3.

4. Калинин Анатолий Вениаминович. Донские страницы. <http://prodon.dspl.ru/personnelinfo/kalinin-anatoliy-veniaminovich-biografiya-knigi>

5. *Карпова В.А.* Анатолий Калинин. М., 1976.

6. *Шишкина Н.А.* От имени сердца: Размышления над страницами книг А. Калинина. Ростов-на-Дону, 1981.

С.А. Щеколдина

ЯВЛЕНИЕ И ВЗЛЕТ ТАЛАНТА СКУЛЬПТОРА- МОНУМЕНТАЛИСТА Н.В. МОЖАЕВА, СОВРЕМЕННОКА М.С. ШАГИНЯН

Мариэтта Сергеевна Шагинян – выдающийся советский писатель, публицист и ученый. Она является олицетворением целеустремленности, удивительной работоспособности, неумной энергии и завидного мастерства. Как журналистка, она обладала потрясающим умением автора через реальность бытовых деталей раскрывать личность человека и его связь с Временем. Мариэтта Сергеевна на протяжении многих лет создавала литературные портреты тех людей, с которыми была близко знакома, описывала жизнь и творчество дорогих ей людей.

Яркий писательский темперамент, неиссякаемая жажда познания, творческое долголетие, победившие старость – были одними из отличительных черт Мариэтты Сергеевны. Ее произведения – это тщательное исследование экономических, социальных, политических и духовных проблем современности, глубинное изучение тайн человеческой психологии, блестящее знание литературы и искусства [4].

Среди современников Мариэтты Сергеевны было множество талантливых художников-творцов XX века, в том числе и выдающийся скульптор Николай Васильевич Можаяев.

Николай Васильевич не был лично знаком с Мариэттой Сергеевной, однако, он был знаком с М.А. Шолоховым и многими другими талантливыми современниками М.С. Шагинян. Творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян имеет много общего с работами нашего земляка, донского скульптора Н.В. Можаяева. Жизнь этих замечательных людей была заполнена малыми и большими знаковыми историческими событиями.

Мариэтта Сергеевна на протяжении всей своей жизни знала и была близко знакома с большим количеством выдающихся людей современности: писателями, поэтами, учеными и политиками, такими как: М.А. Шолохов, А.В. Калинин, В.А. Закруткин и др.

Многогранный талант, неутомимый интерес к жизни, активная гражданская позиция – эти качества можно в равной степени отнести к личности Мариэтты Сергеевны Шагинян и Николая Васильевича Можаяева. Так же, как и М.С. Шагинян, романист, очеркист, драматург, историк и литературовед, поэт, скульптор Н.В. Можаяев был необычайно многогранен и разнообразен в своем творчестве.

Гуманистическая направленность в произведениях М.С. Шагинян нашла отражение и в творчестве скульптора Н.В. Можаяева, прослеживалось постоянное утверждение о высокой роли человека на земле, о его предназначении. Героями произведений Мариэтты Сергеевны и Николая Васильевича становились люди разных национальностей и времен, прослеживается высокая масштабность повествования, поиск художественной формы.

Николай Васильевич Можаяев родился 22 мая 1928 года в хуторе Можаяевка Ростовской области в крестьянской семье. Н.В. Можаяев унаследовал свою фамилию от названия родного казачьего хутора Можаяевка, что стоит на берегу небольшой стремительной речки Деркул.

В 1945 году после окончания восьмилетки Коля Можаяев уходил по мостку через Деркул в большую жизнь. Выпускникам из Тарасовского района гораздо ближе и удобнее было учиться в учебных заведениях Луганска. В Луганске Николай собирался поступать в железнодорожный техникум, как советовал ему это

сделать отец. Но по дороге из техникума он случайно (а может, не случайно!) заглянул в художественное училище... и понял, что путь железнодорожника – не его стезя. И стал прокладывать собственную колею жизни, порой не лишенную ухабов [1].

Поступив в училище, Николай оказался учеником знаменитого Виктора Ивановича Мухина, родоначальника школы луганских скульпторов.

Учился он, как впоследствии и работал, много и увлеченно, без остатка отдаваясь делу. Уже на третьем курсе учитель доверил ему скульптурное оформление областного драмтеатра. Это были послевоенные годы интенсивного строительства новых объектов, городов, населенных пунктов.

В это время были построены дорогие сердцу луганчан Дом техники (ныне Институт культуры и искусств), гостиница «Октябрь», клубы городов и шахт области. Вся лепная работа на этих объектах, капители, колонны – дело рук Николая Можаяева и его сокурсника Николая Бунина. За работу на ДOME техники обоих молодых специалистов представили к званию лауреатов Сталинской премии.

В начале 1950-х гг. Николай Можаяев стал одним из авторов проекта знаменитого монумента героям-молодогвардейцам «Непокоренные» в Краснодоне. Первая его самостоятельная монументальная работа – памятники герою гражданской войны А.Я. Пархоменко на его могиле в сквере Борцам революции в Луганске и на родине – в селе Пархоменко Краснодонского района. [1]

Почти все районы и города Луганщины величают памятники и скульптуры Н.В. Можаяева: защитникам-освободителям, погибшим воинам и шахтерам, авиаторам, первооткрывателю угля в Донбассе, Родине-матери, родоначальникам орловских рысаков, героям гражданской и Великой Отечественной войн, деятелям науки, литературы, искусства, исторические, конные композиции, памятные знаки и бюсты.

Большой психологической остроты требует от художника скульптурный портрет: поиск сильного характера, яркой индивидуальности, возвышение до символа простого образа, движение мысли, выразительность и точное воспроизведение. В

галерее портретов Н.В. Можаява ни один из них не дублируется при наличии единого образа.

Почти во всех художественных музеях Восточной Украины экспонируются станковые работы четы Можаявых. Выставлялись они в Киеве и в Москве. На родине скульптора в хуторской школе в 1969 году был создан художественный музей.

Николай Васильевич Можаяв возглавлял бригаду скульпторов, которая восстанавливала разрушенные войной клубы, дворцы культуры, а также оформляли новые памятники.

В 1952 году впервые он принял участие в художественной выставке «Художники Донбасса».

В 1954-1956 годах Николай Васильевич выполнил первые монументальные работы: памятник герою гражданской войны А.Я. Пархоменко в г. Луганске, памятник «Родина-Мать» на могиле молодогвардейцев в Краснодоне.

В 1956-1958 годах он принимал участие на областных, республиканских, всесоюзных, всемирных и международных художественных выставках.

С 1958 года Николай Васильевич Можаяв – кандидат в члены Союза художников СССР, с 1960 года – член Союза художников СССР и Украины.

В 1983 году за мемориал «Непокоренные» в Краснодоне Николаю Васильевичу присвоено звание «Заслуженный художник Украинской ССР». Он был выдвинут на государственную премию им. Т.Г. Шевченко.

В 1993 году он стал лауреатом Российской премии им. М.А. Шолохова. Он был участником многих областных, республиканских, всесоюзных конкурсов на лучшее произведение монументального станкового искусства, лауреатом Всесоюзного конкурса за проект памятника Н. Островскому в г. Сочи [3].

За созданные монументальные и станковые произведения, скульптуры Николай Васильевич награжден многими медалями «За доблестный труд», дипломами, почетными грамотами, благодарностями, орденами и медалями за возрождение казачества.

За монумент «Слово о полку Игореве» награжден

православным орденом «Преподобного Нестора летописца». За значительный вклад в развитие культуры Ростовской области в 2013 году отмечен благодарностью губернатора Ростовской области В.Ю. Голубева. Указом Президента России Николай Васильевич награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», в 2016 году медалью ордена «За заслуги перед Ростовской областью».

Николай Васильевич Можаяев говорил, что вся его творческая и общественная деятельность связана дружбой Ростовской и Луганской областей, встречами с М.А. Шолоховым [3].

С распадом Советского Союза, с 1993 года Николай Васильевич стал гражданином России, но продолжал работать в Луганских мастерских.

За это время скульптором были созданы лучшие монументы для России и Донбасса: «Защитникам Отечества» (Волгоградская область), «Казакам Тихого Дона» (музей заповедник М.А. Шолохова), «Джангар – золотой всадник» (г. Элиста, Калмыкия), памятник «В.И. Даль – казак Луганский» (г. Луганск), памятник-бюст В.И. Далю (г. Евпатория, Крым), монумент «Творцам Стахановского движения» (к 75-й годовщине) (г. Стаханов), памятник погибшим луганчанам от карателей-бандеровцев УПА (г. Луганск), памятник-бюст маршалу Еременко (г. Луганск), монумент «Слово о полку Игореве» (ст. Луганская), памятник «Кондрат Булавин» (станция Трехизбянская), «Нет уз святейя братства» (г. Славяносербск), мемориал «Скорбящая мать» (поселок Тарасовский Ростовской области), памятник литейщику (г. Луганск). Николай Васильевич является автором проекта памятника «Жертвам голодомора 1932-1933 гг. на Луганщине» (2008 г.).

В 2015-2016 годах он принимал участие вместе с художниками ЛНР в выставках в городах – Санкт-Петербург, Москва, Грозный.

Последние годы он жил и работал в хуторе Можаяевка Тарасовского района Ростовской области над портретами земляков, над проектом памятника «Еланский плацдарм – начало Сталинградской битвы» (для станции Вешенской), закончил работы над проектом «Защитникам ЛНР».

Правительством ЛНР утверждена рабочая модель памятника «Основательнице г. Луганска Императрице Екатерины II».

В 2017 году болезнь подорвала силы Николая Васильевича, с которой он мужественно боролся. 26 марта 2018 года Н.В. Можаяв ушел из жизни. Похоронен Н.В. Можаяв на кладбище хутора Можаявка рядом с могилами родителей.

В своих работах Николаю Васильевичу Можаяву прекрасно удавалось подмечать различные черты не только внешнего облика, но и внутреннего мира человека. Одной из центральных тем работ скульптора была тема Донского казачества. Так же, как и Мариэтта Сергеевна Шагинян, Николай Васильевич Можаяв трудился до самого последнего мгновения своей жизни. Его творчество вместило в себя скрупулезность и глубину художественной и поэтической мысли. Николаю Васильевичу Можаяву была свойственна яркая выразительность подлинного художника.

Будучи необычайно энергичным и творческим человеком, Николай Васильевич в своей жизни, так же как и Мариэтта Сергеевна, многочисленные творческие встречи пропускал через свое сердце. Произведения Н.В. Можаява – это истории о жизни и осмысление Времени.

Литература

1. *Валуйская В.Е.* От Лугани до Тихого Дона. Сайт Межрегионального союза писателей. <https://mspu.org.ua/pulicistika/594-ot-lugani-do-tixogo-dona.html>
2. Мариэтта Шагинян: Мысль и образ. <http://rostovgorod.pф/14-rajony-goroda/5433-marietta-shaginyan-mysl-i-obraz>
3. Памяти выдающегося скульптора Николая Васильевича Можаява <https://er-tarasovskiy.ru/pamyati-vydayushhegosya-skulptora-nikolaya-vasilevicha-mozhaeva.html>
4. Феномен, именуемый Мариэттой Шагинян. <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st075.shtml>
5. Энциклопедия «Казачество». М., 2003.

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, СОВРЕМЕННОКОВ М.С. ШАГИНЯН

Тема Родины является основной для многих писателей, поэтов, композиторов, художников. Любовь к своей земле, народу, историческим корням, языку, истории и традициям выступает вечным источником вдохновения, рождает неповторимые образы и сюжеты, поражает глубиной и драматизмом. Родной край, малая Родина, Отечество – вызывают в душе каждого человека стремление послужить ей, сделать ее еще прекраснее, встать в решающий момент на ее защиту. Так думала и писала замечательная писательница, ученый, публицист, искусствовед Мариэтта Сергеевна Шагинян в своих произведениях, многие строки которых шли от души, от самого сердца.

Но о Родине и о Донском крае думал, писал также и Виталий Александрович Закруткин, творчество которого наполнено искренностью и трепетом, любовью к родной природе, а тема Родины проходит через все его произведения, она занимает важнейшее место в его творчестве. Многие тяготы и лишения Виталий Александрович переживал вместе со своей страной. Его творчеству характерно бережное отношение к памяти отцов, дедов и прадедов. Произведения В.А. Закруткина пронизаны любовью к земле и людям. Виталий Александрович писал: «Мы любим Родину. Родина для нас не отвлеченное понятие, не просто слово. Любовь к Родине начинается с любви к родному краю, к тому уголку Отчизны, где ты родился, вырос или посвятил ему лучшие годы своей жизни» [2]. Его произведения – это воплощение мужества и стойкости, его герои – простые солдаты Отчизны, которым свойственны незыблемые моральные установки. Для В.А. Закруткина близка и понятна жизнь простого народа, его горести и радости.

Произведения Виталия Александровича повествуют нам о нелегкой судьбе страны, которую сотрясает война. Патриотизм

писателя заключается в его беззаветной любви к Родине и к отчему дому. Образ Родины вдохновлял Виталия Закруткина на всё новые и новые произведения.

Проник в душу рассказ "Подсолнух", на тему «человек на земле».

Красоте земли и ее проблемам, защите природы посвящены документальные новеллы "Слово о бессловесном".

Особым смыслом наполнена книга "Мать – сыра земля".

Крушению старого и становлению нового посвящен роман-эпопея "Сотворение мира" Виталия Александровича.

"Матерь человеческая" – повесть полная драматизма, горя, переживаний за свой народ, будущее Родины. Это повесть о нелегкой судьбе женщины, которая сразу завоевала сердца читателей. Позднее по произведениям Виталия Закруткина были сняты фильмы: "Без вести пропавший", "Подсолнух" и "Матерь человеческая".

Безусловно, всё творчество Виталия Александровича проникнуто высоким гуманизмом. В.А. Закруткин – писатель большого таланта, его творчество очень самобытно.

Итак, тема ценности Родины, Донской земли – неиссякаемый источник творчества для Мариэтты Сергеевны Шагинян и Виталия Александровича Закруткина. Если М.С. Шагинян вдохновлялась прекрасными судьбами соотечественников, осознавала огромное значение литературы для своей страны, то и В.А. Закруткин в своих произведениях влюблен в свой народ, сочувствует и соперничает ему ("Кавказские записки"), верит вместе со своими героями в Победу. Время, которое он описывал в своих произведениях, было временем, когда решались судьбы Отечества и всего мира.

Литература

1. *Алексеев М.* Виталий Закруткин // В.А. Закруткин. Плавающая станция. Ростов-на-Дону, 1972.

2. *Жевагина Е.* Материалы фестиваля народного творчества «Закруткинская весна»: <http://semikarakorsk-adm.rn.donland.ru/Default.aspx?pageid=133560>

3. *Первенцев А.* О книге и авторе // Закруткин В. Кавказские записки. Ростов-на-Дону, 1975.

4. Писатели Дона. Библиографический указатель. Ростов-на-Дону, 1986.

5. *Тищенко А.* Сотворение мира Виталия Закруткина // Научно-популярный вестник "Ориентир", 2008.

Беликова Александра

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.А. ЗАКРУТКИНА

В 2022 году исполнилось 77 лет со дня Великой Победы над фашистскими захватчиками. Все эти годы память о бессмертном подвиге нашего народа, отстоявшего независимость Родины, гордостью и болью отдается в сердце каждого из россиян. Это была страшная, кровопролитная война, унесшая миллионы жизней советских солдат, миллионы жизней простых людей: стариков, женщин, детей, одно из самых трагических потрясений XX века. Память о великом подвиге наших прадедов навсегда останется в наших сердцах.

Тема Великой Отечественной войны занимает одно из основных мест в творчестве донских писателей, современников М.С. Шагинян. Писатели: Михаил Александрович Шолохов, Петроний Гай Амадуни, Борис Васильевич Изюмский, Анатолий Вениаминович Калинин, Петр Васильевич Лебеденко и еще около 50 наших земляков-писателей были участниками Великой Отечественной войны.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – писатель, ученый, публицист, искусствовед. Более 70 лет занималась литературной деятельностью, ряд лет жила и творила на донской земле. В годы Великой Отечественной войны М.С. Шагинян вела публицистическую деятельность в качестве корреспондента центральных газет, работала на Урале, в Сибири. «В победу верю!» – писала в тот период М.С. Шагинян. Действительность

военной поры запечатлена в ее книге очерков «Урал в обороне» (1944) [4].

Виталий Александрович Закруткин – современник М.С. Шагинян – полвека прожил на донской земле: десять лет – в городе Ростове-на-Дону и почти сорок – в станице Кочетовской.

Родился Виталий Александрович 27.03.1908 г. в г. Феодосия в семье учителя, жил в Крыму, Бессарабии, Молдавии, на Украине. В 1931 г. семья Закруткиных переехала на Дальний Восток. Он учился в Благовещенске, в 1932 г. поступил в аспирантуру Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. В 1936 г. защитил диссертацию, посвященную творчеству А.С. Пушкина, и в этом же году возглавил кафедру литературы Ростовского педагогического института. Донская земля стала для него второй Родиной [5].

С первых дней войны доцент Ростовского педагогического института В.А. Закруткин ушел на фронт в качестве военного корреспондента.

В ноябре 1941 г. и в феврале 1943 г. В.А. Закруткин участвовал в штурме г. Ростова-на-Дону (с 5-м Донским казачьим корпусом). В декабре 1942 года участвовал в рейде по тылам врага, устанавливал связь с партизанскими отрядами.

В 1942 году были изданы два сборника его фронтовых рассказов – «На переднем крае» и «Сила». В следующем году в Ростове вышла повесть о разведчиках – «Человек со шрамом».

В 1943 г. В.А. Закруткин награжден медалью «За оборону Кавказа» и орденом Красной Звезды

Прямо с фронта в 1944 году В.А. Закруткин отправил в Ростовское издательство две рукописи: сборник рассказов «О живом и мертвом» и «Повесть о слободе Крепкой». Обе книги были изданы в том же году.

В 1945 году В.А. Закруткин заочно был принят в Союз советских писателей, так как находился на фронте. Участвовал в освобождении Праги, в штурме Берлина, проявив при этом личную храбрость, за что был награжден орденом боевого Красного Знамени. Также он награжден медалью «За взятие Берлина» и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

В 1947 году В.А. Закруткин оставил научно-педагогическую деятельность в Ростовском педагогическом институте и навсегда поселился среди казаков станицы Кочетовской Семикаракорского района Ростовской области. В том же году вышла его книга «Кавказские записки», художественно-документальная летопись битвы за Кавказ.

Самой значительной работой в творчестве писателя стала повесть «Матерь человеческая», за которую В.А. Закруткин в 1970 году был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького.

Героический подвиг простой русской женщины Марии, сумевшей всё преодолеть во имя любви к людям, во имя любви к жизни, запечатлел В.А. Закруткин в этой повести.

«Эту женщину я не мог, не имел право забыть. Нелегкая ее жизнь, чистая душа, характер глубокий и добрый, наконец, то, как в полном одиночестве пережила она те страшные месяцы, которые стали для нее великим испытанием – всё это было мне известно...» – так начинается повесть «Матерь человеческая» [2].

Образ земной женщины Марии вырастает до символа Матери человеческой, которая не только рождает жизнь, но и борется за жизнь, преодолевая такие преграды, какие, казалось, не в силах преодолеть человек.

Фашисты сожгли хутор, где жила Мария, расстреляли жителей, а часть угнали в рабство, повесили ее мужа и маленького сына, и она осталась одна на пепелище. У нее должен родиться ребенок, и лишь сознание того, что у нее под сердцем бьется еще одна маленькая жизнь, связывающая ее с прошлым, заставляют выкарабкиваться из рук смерти и отчаяния.

Мария находит в себе силы, которые помогают не только выжить, но и выстоять, не потерять ни милосердие, ни душевное тепло, ни достоинство, ни надежду, ни веру.

Поселившись в погребке на родном пепелище, Мария с большим трудом организовала свой скудный быт.

Глубину характера Марии раскрывает сцена, когда она, охваченная ненавистью и жадой мести, поднимает острые вилы, чтобы казнить вражеского солдата, спрятавшегося в

погребу. Но он, оказывается, ранен и безоружен, он юн; его пронзительный крик: «Мама!» останавливает женщину. Наверное, она могла бы убить фашиста в бою, но она не может мстить невооруженному врагу. Доброта, милосердие, сострадание победили зло, заглушили чувство мести, и она борется за жизнь смертельно раненного немецкого солдата, почти мальчика, который назвал ее «мамой».

Нельзя читать без слез о том, как Мария нашла в копне сена семерых детей-сирот, уцелевших после бомбежки поезда. «Мария выходила несчастных детей, заботясь, жалея и лаская их поминутно. На ее глазах изможденные дети стали поправляться, посвежели, на их худых, обветренных лицах появился румянец... И дети ответили любовью на любовь» [2].

У Марии рождается сын, и великая любовь к нему переполняет ее сердце: «она почувствовала, что в этом тихом младенческом дыхании рожденного ею человека заключается вся ее жизнь, все помыслы и надежды, всё, что есть у нее на испепеленной, искромсанной, изуродованной войной земле» [2].

Цельность натуры Марии видна и в ее решении взяться за работу, потому что сердце разрывалось от жалости при виде гибнущего необранного урожая! И весь свой изнурительный труд она проделывала с надеждой, что все это, может быть, понадобится людям.

Воины-освободители воздают должное героическому подвигу Марии, и командир полка, узнав ее историю, опускается перед ней на колени и прижимается щекой к ее жесткой, натруженной руке.

В.А. Закруткин показал войну как античеловеческое, антигуманное, противоестественное всему начало. Перед читателем широкая река горя людского и горя материнского. С другой стороны, писатель раскрыл необыкновенный характер русской женщины, ее силу духа, способность выстоять, выжить в тяжелейших условиях военного времени. Образ Марии является олицетворением образа женщины-матери, героини и труженицы, с которой связаны вера, надежда и вечная любовь человечества.

В повести В.А. Закруткина «Подсолнух» заложен философский смысл о вечной жизни в памяти народной, тех, кто

погиб, защищая родную землю. Это повесть о старом чабане, сын которого погиб на войне, а он свою нерастраченную любовь к сыну отдает молодежи, поэтому его и зовут самым родным именем для людей – отцом. В гимнастерке сына отец обнаружил семечко подсолнуха, которое посадил в степную землю, обдуваемую ветрами и палимую солнцем. Все табунщики следят за ростом подсолнуха – от белого ростка до созревания. Для отца подсолнух – это родная весточка от сына, и не случайно в грозу и бурю, обращаясь к подсолнуху, отец призывает: «Держись, сынок, держись!» [3]. Упорно боролись за жизнь подсолнуха все табунщики, а когда он начал вянуть, по совету агронома удобрили землю. Подсолнух выжил. Созрела корзинка подсолнуха, полная семечек. Случайный прохожий срезал ее. Табунщики были возмущены и готовы учинить расправу над прохожим, но отец остановил их. Он разломил корзинку и разделил ее, а часть оставил для посева будущей весной.

Виталий Александрович скончался 10 октября 1984 г. на 76-ом году жизни. Похоронен в станице Кочетовской во дворе дома, где он постоянно жил. В настоящее время в его доме расположен мемориальный Дом-музей. Среди наград, которыми В.А. Закругин был отмечен за свое творчество – орден Ленина и три ордена Трудового Красного Знамени, медали.

В.А. Закругин принадлежит к тем писателям, которые не понаслышке знают цену возделанной земледельческой ниве, которые в огне сражений постигали душу советского солдата. Вот почему писатель имел право сказать о себе: «Я, оглядываясь на пройденный путь, всё чаще думаю о том, что на всю жизнь меня привязали две темы: земля и война, вернее, человек на земле и человек на войне» [1].

Уходит поколение ветеранов, но память о Великой Отечественной войне никуда не уйдет, она живет в произведениях писателей и поэтов, она останется с нами в наших сердцах навсегда.

Обращаясь к читателям, Виталий Александрович говорил: «Новое поколение людей должно знать, как нелегко, какой дорогой ценой досталась нам победа над сильным, жестоким

врагом. Им, юношам и девушкам, надо знать имена и подвиги героев, надо любить и беречь всё, что отстояли их отцы» [6].

Писатели и поэты-фронтовики, военные корреспонденты – очевидцы событий того времени на фронте и в тылу, раскрывают современному поколению страницы истории, человеческие судьбы, израненные войной.

Для молодого поколения Великая Отечественная война – далекая история. Но долг перед погибшими и пережившими войну не должен позволить нам забыть эту героически-трагическую страницу летописи нашей страны.

Литература

1. Виталий Закруткин в книгах и жизни: слово о писателе. Ростов-на-Дону, 1978.
2. *Закруткин В.А.* Матерь Человеческая. Ростов-на-Дону, 1973.
3. *Закруткин В.А.* Подсолнух: Рассказы. Ростов-на-Дону, 2012.
4. *Шагинян М.С.* Урал в обороне: дневник писателя. Очерки. М., 1944.
5. <http://soyuz-pisatelei.ru/forum/51-542-1>
6. <http://s-library.ru/writers/zakrutkin/60-vitaliy-aleksandrovich-zakrutkin-biografiya.html>

Атамас Виктория

М.С. ШАГИНЯН ОБ УЧИТЕЛЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Книга М.С. Шагинян «Очерки разных лет. 1941-1976» – это сборник публицистики, включающий в себя циклы статей: «Оборона Москвы», «Четыре портрета», «По дорогам пятилетки», «Карело-финский дневник», «От Мурманска до Керчи», «От Черного до Балтийского». Очерки, входящие в эти циклы, – это и картины жизни нашей страны, и живое свидетельство тех грандиозных изменений во всех сферах советского строительства, непосредственным участником которых была Мариэтта Сергеевна, и «глубокие исследования

социальных и психологических законов формирования человека и нового общества».

О чем только не писала Мариэтта Сергеевна! Круг интересов публициста огромен: первые бомбежки Москвы; трудовые будни и подвиги уральцев, работавших на Победу: домохозяек, подростков – вчерашних учеников училищ, энергетиков, колхозников, интеллигенции и т.д. В центре внимания автора – люди, самые разные. Всех их объединяла высокая цель, вера в Победу, трудовой энтузиазм, устремленность дел и помыслов в светлое, лучшее будущее своей страны.

Удивляет география очерков: Башкирия, Южно-Сибирская магистраль, Алтай, Карелия, Финляндия... Название последнего цикла «От Черного до Балтийского» говорит само за себя: Грузия, Азербайджан, Армения, Эстония, Латвия... Поездки писательницы по закавказским республикам, встречи с людьми как самого высокого ранга, так и самого простого, «рабочего» – всё это поражает: широта интересов М.С. Шагинян, ее энергичность, желание видеть жизнь страны изнутри, лично участвовать во всех ее проявлениях. Я думаю, что каждый очерк этой книги заслуживает внимательного изучения и анализа.

Но советская эпоха, к сожалению, закончилась. Уже более 30 лет мы живем в новом мире. Стали историей такие понятия, как *советский человек, социалистическое строительство, трудовой энтузиазм, стахановец, пятилетка, коммунистический труд* и т.д. Но парадокс нашего времени в том, что чем больше лет отделяет нас от 1950-1980-х годов, тем сильнее у людей, родившихся в эти годы, ностальгия по тем временам. И это не только потому, что наши родители и бабушки с дедушками были тогда моложе и, как говорится, «и небо было синее, и трава зеленее». Нет! Это ностальгия, скорее всего, по тому, чего так не хватает нынешнему веку информационных технологий: по добрым человеческим отношениям, по той здоровой атмосфере общего дела – строительства новой жизни, по товариществу и братству между республиками СССР, по величайшей гордости за великую страну, по тем основам бытия, которые воспитывались в детях: трудолюбию, высокой морали, честности, справедливости,

истинному, а не показному патриотизму, уважению к людям труда, уважению к старшим, *уважению к учителю*.

Из всех статей данной книги особый отклик в моей душе нашли статьи «Об учителе» 1963 года и «Мысли к съезду» 1968 года, в которых публицист не обделила своим вниманием и педагогические проблемы современности, понимая, что педагогика – наука, всецело устремленная в будущее.

Я ученица школы, выпускница, через пару месяцев мне предстоит навсегда расстаться с этим храмом знаний, ставшим почти родным, и поэтому меня часто посещают мысли о том, что останется в памяти, какой я буду вспоминать свою школу, что расскажу своим будущим детям о ней? Ведь 11 лет школьной жизни – это немалый отрезок нашего жизненного пути, и мы уже достаточно зрелые личности, чтобы думать, анализировать, понимать.

Невозможно не согласиться со словами Мариэтты Сергеевны о том, что, когда взрослые вспоминают свою школу, они вспоминают не здание, не уроки, а «образы учителей, любимых и нелюбимых, хороших и плохих». Конечно, это так! Сколько бы в наше время не писали о личности ученика, ее индивидуальности и неповторимости, я считаю, что ключевой фигурой в образовании был, есть и будет Учитель. И никакие цифровые технологии, никакие роботы, гаджеты, интерактивные доски и 3D принтеры, никакие компьютерные программы никогда не заменят живого общения ученика с учителем! Поэтому так интересно было прочитать о том, что же пишет об учителе М.С. Шагинян.

В «Мыслях к съезду» М.С. Шагинян-публицист размышляла: «Учитель на всю жизнь запоминается людям, как личность, как характер, как индивидуальность... Мне кажется, сила действия урока, его запоминаемость, а главное – органическая сплетаемость чего-то узнанного умом с чем-то вошедшим в волю и совесть, то есть *идеал сцепки обучения с воспитанием, целиком зависит ...именно от личности самого учителя, от его персонального обаяния, от оригинальности его характера, от выразительности и интересности его поведения в классе*. ...Только человек несет в самом себе связь мышления с деланием, сознания с нравственностью, разума с поведением, –

и только сам человек ...может в школе «образовывать», то есть давать цельный образ ребенку...» [1, с. 477-478]. Таким образом, М.С. Шагинян подчеркивала как необходимую черту характера хорошего учителя – наличие индивидуальности и неповторимости. И это 1968 год, время коллективизма, время «мы», а не «я».

Подтверждая великую роль учителя в судьбе человека, М.С. Шагинян привела в пример строки А.С. Пушкина о своем учителе словесности Царскосельского лицея Куницыне: «Он воспитал наш пламень». Она говорила об американском писателе Брете Гарте, который «среди игроков, рудокопов, миллионеров, ...всякого людского сброда, бросившегося добывать золото, – поставил одну-единственную авторитетную фигуру, уважаемую всеми без исключения, – школьного учителя». М.С. Шагинян задавалась вопросом: «*Что за свойства держат образ именно учителей в памяти поколенья?*» [1, с. 455-456].

Отвлекусь от статьи М.С. Шагинян и задам этот вопрос себе. А кого я буду вспоминать и за что? Конечно же, и я не исключение. Я тоже буду вспоминать своих любимых педагогов! Ежедневно, видя перед собой самых разных учителей своей школы, видя их подчас усталые или, наоборот, горящие глаза, слыша громкий, а иногда хрипловатый, сорванный голос, видя легкую или усталую походку, слушая интересные рассказы, учась понимать те основы наук, которые они преподают, мы ведь не задумываемся о них самих, об их проблемах, о сложности их труда, о том, что их держит на плаву в наше непростое время.

У нас за годы учебы складывается некий стереотип: учитель ДОЛЖЕН учить, учитель ДОЛЖЕН ДАТЬ знания. И всё! А М.С. Шагинян, отвечая на этот вопрос, говорила о главной отличительной черте учителя – вдохновении. Писательница вспоминала сочинение юного Ильи Ульянова о вдохновении, основная мысль которого была – «*вдохновенье есть момент отдачи*». Когда И.Н. Ульянов стал большим педагогом, всю свою жизнь посвятил «созданию» народных учителей, главным качеством которых считал, что «*все они люди отдачи*». «Вдохновение, с каким И.Н. Ульянов готовил своих учителей,

стало и для них вдохновением отдачи», – писала Мариэтта Сергеевна [1, с.456]. Не случайно, наверное, в словах «педагог, преподаватель» есть корень «да», тот самый, что и в словах «дать, отдать, передать, преподать»...

«Итак, люди отдачи ... Это есть свойство людей, профессия которых покоится на непрерывном даре окружающим, непрерывной отдаче другим того, что у этих других пока отсутствует, но до зарезу необходимо им для жизни. В среде берущих, подобно галчатам, разевающим клювики для получения духовной пищи, в среде получающих, которым без этих получек нет возможности вырасти, стоит дающий – тот, кто отдает эту пищу, отдает с наслаждением, поскольку в отдаче находит самого себя и дело своей жизни» [Там же]. Какие замечательные слова! Как образно и точно определена суть учительской миссии. А образ галчонка с раскрытым клювом невольно ассоциируется с современным символом педагогической деятельности – пеликаном, вскармливающим своей пищей птенцов! Так, *что такое Учитель*, по мнению М.С. Шагинян? *Это человек вдохновения, человек отдачи.* Наверное, точнее не скажешь. Можем ли мы так сказать о большей части современных учителей?

Мысль автора идет дальше: а где же взять этих «людей отдачи»? Как воспитать самих педагогов, чтобы горели их души? Где взять «топливо» для горения? Ведь чтобы отдавать, надо иметь то, чем ты можешь поделиться. М.С. Шагинян рассуждала так: «Чтоб зажечься и зажечь, нужно испытать огромный интерес к системе наук... А эта система, эта совокупность знаний в каждую эпоху – своя. И решающим фактором образования педагога, который будет потом делиться своими знаниями с детьми, является то обстоятельство, *соответствует ли эта система и эта совокупность знаний-общей потребности данной эпохи и данного общества или не соответствует*». Публицист далее поясняла свою мысль: «Когда она соответствует, всё вокруг помогает работе и вдохновению учителя, – совершающиеся открытия, газетные новости, чудеса науки и техники, премьеры в театре, – и весь комплекс событий и интересов окружающего мира как бы льет воду на его мельницу, снабжая его примерами, ассоциациями,

выводами. Когда она не соответствует, всё вокруг как бы мешает ему, и отвлеченный мир его знаний высушивается, выветривается, становится пустою формой» [1, с.457]. На мой взгляд, абсолютно верно определено *основное условие «горения» педагога*, т.е. учитель должен иметь *твердое убеждение в полезности своего труда*, у него должна быть *святая вера в то, что знания, которые он несет, нужны детям* и что *он как личность созвучен эпохе*. Говоря короче, является ли учитель рупором, транслятором, частью своей эпохи?

Конечно, М.С. Шагинян размышляла в духе своего времени, замечательного времени подъема духовных сил народа, времени энтузиазма, открытий, настоящих прорывов в науке и технике. В 1961 году наш русский человек, Юрий Гагарин, стал первым космонавтом в истории человеческой цивилизации. Это ли не была гордость! Можно представить себе, с каким вдохновением обсуждалось тогда это великое событие! Наверное, учителя на уроках рассказывали детям о простом парне, который достиг таких высот, как о примере трудолюбия, целеустремленности, мужества. И с каким, наверное, трепетом в душах слушали дети эти рассказы и мечтали стать космонавтами. И понимали, что для этого надо было хорошо учиться, упорно заниматься физической подготовкой, стать лучшим из лучших. Да и сейчас это, наверное, так... Но сейчас есть и другой способ побывать в космосе: заплатить энную сумму миллионов и совершить экскурсию. Почему-то не вызвало особой радости и энтузиазма сообщение о полете в космос нашей актрисы Юлии Пересильд и режиссера Клим Шипенко. Мои одноклассники как-то совершенно спокойно приняли это событие... Наше поколение трудно чем-либо удивить. Да и вообще, чтобы стать известной личностью, совершенно не обязательно покорять космос, можно «покорить» TikTok глупыми роликами сомнительного содержания, низкопробной музыкой, нецензурной лексикой... Способствует ли всё это повышению авторитета учительской деятельности, который сеет «разумное, доброе, вечное»? Является ли это источником вдохновения и условием горения педагога? Ответ, по-моему, ясен.

В последнее десятилетие активно обсуждаются проблемы нашей системы образования, с разных трибун звучат слова о

кризисе в образовании, о его причинах, разрабатываются и принимаются всё новые и новые документы. Всё чаще и чаще на различных Интернет-площадках ведутся споры о роли учителя, о том, что учитель в современных условиях уже не так необходим детям, что его можно будет вскоре заменить гаджетом, роботом... А мне кажется, что ответ на вопрос о причинах некоего упадка в образовании заключен в словах М.С. Шагинян: *наша эпоха мало способствует зарождению огня в душах наших педагогов как ключевой фигуре системы образования.*

Есть в этом вина учителя? Нет! В этом его беда. Последний закон об образовании не только не повысил статус учителя в обществе, а, наоборот, опустил учителя до уровня обслуживающего персонала, определив образование как «образовательную услугу». А ученика и родителя поставил на роль «заказчика» услуг. Такой перекося явно не послужил ни укреплению культа знания в обществе, ни повышению авторитета учителя как главного носителя и источника знания, культуры, воспитанности, интеллигентности. Получилось так, что образ учителя «снизился, поблек», потерял свою былую значимость. Это очень сильно ощущается в школе. Почитайте комментарии в социальных сетях: никого так много и грубо не обсуждают, как учителей! Сколько различного негатива звучит в адрес учителей! Не ту оценку поставила... Не так учит, не так посмотрела... Не так объясняет... Не имеет права... Главное, – все знают, как надо и как должно быть!

В своей статье «Об учителе» М.С. Шагинян сетовала (это тогда-то, 1960-е годы!) на низкий уровень интеллигентности учителей, что нет у ее современников «того общего образовательного фона, который делает человека грамотным членом своего общества и своего времени...

Думалось, – писала она, – да откуда же у них может родиться вдохновение отдачи! Что им отдать?» [1, с.457]. И это в эпоху грандиозных строек, открытий, покорений... В эпоху подъема духовных сил всего народа... А что же тогда говорить нашим современным учителям?.. Откуда могут черпать свое вдохновение, свой огонь души современные учителя, если молодое поколение сейчас интересуют только сменяющие друг

друга марки айфонов, смартфонов, причем не с их образовательными, учебными возможностями, а с играми, социальными сетями Интернета, в которых детей привлекает то, что больше наносит вред их психике и моральному облику, чем приносит пользы. Учитель со своими знаниями становится неконкурентен и неинтересен, он не в «тренде», потому что в обществе больше того, что «против» него, чем того и тех, кто «за». Вот поэтому и «перегорают» наши педагоги. Огонь души учителя можно поддержать только его собственной высокой верой в свою миссию, подтверждаемой государством, обществом, родителями, учениками.

Вернемся к статье М.С. Шагинян. Показателями истинной интеллигентности учителя Мариэтта Сергеевна совершенно справедливо считала умение *«мыслить самостоятельно»!* Какая высокая планка требований к Учителю! Значит, уже тогда понималась мысль о том, что учитель – это не просто ретранслятор знаний. Способность мыслить самостоятельно – удел людей интеллигентных, творческих, неординарных. М.С. Шагинян писала: «Школа должна выпустить из своих стен юного гражданина или гражданку, которые не станут в тупик ни перед какой наукой... Каким же образованным должен стать для этого советский учитель!» [1, с.458]. Причем главную ставку в деле повышения образовательного уровня педагогов автор сделала на *процесс самообразования учителя и школьника и влияющий на него уровень культурной среды*. Читаю эти строки и не перестаю поражаться: в этих словах видна эпоха, видно понимание высокой роли Учителя и потому планка требований к нему тоже высока.

«Именно культурой среды питаются корни самообразования, и чем культурней воздействие среды, тем легче и как бы самопроизвольней становится *«самообразовывающая»* способность Учителя, да и школьника... мыслить и судить самостоятельно. Но оба эти фактора – среда и самообразование – требуют своего особого разговора...» – закончила статью «Об учителе» М.С. Шагинян [1, с.459].

Культура современной среды... Какова она? На мой взгляд, ее общий уровень опустился по сравнению со временем, о котором писала Мариэтта Сергеевна. Из самой *читающей*

страны мы как-то незаметно превращаемся в самую *играющую*. Дети на переменах поголовно «сидят» в телефонах, играют. Походы в театры, музеи, на выставки становятся очень редким событием и то, в основном, по принуждению. Новых детских песен практически не слышно, хороших фильмов для детей я вообще не могу припомнить. Одного лишь «Гарри Поттера» крутят бесконечно на всех развлекательных каналах уже лет 15 подряд... Какая-то грустная картина у меня вырисовывается... Грустная с точки зрения Учителя, которому среда должна способствовать, помогать нести *добро* и *свет*. Поэтому нашим учителям и стало вдвойне сложнее работать в школе. Можно сказать, что учитель сейчас держится не благодаря среде, а вопреки, оставшись в гордом одиночестве. Ведь большинство педагогов, по крайней мере в нашей школе, – люди советской эпохи. Люди вдохновения и отдачи! И они пока еще горят и отдают! Поэтому низкий им поклон!

Литература

1. Шагинян М.С. Статьи разных лет. 1941-1976. М., 1977

Рыбченко Екатерина

ЛЕНИНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ М.С. ШАГИНЯН (по страницам произведения «Семья Ульяновых»)

Мариэтта Сергеевна Шагинян – яркая личность в кругу советских писателей XX века. Поэтесса, прозаик, публицист, очеркист, переводчик, а также писательница. Её перу принадлежат свыше 70-и книг, романов, повестей, рассказов, очерков, стихов и почти 300 печатных статей.

Большую часть жизни Мариэтты Сергеевны Шагинян посвятила творчеству. Каждое ее произведение заслуживает отдельного внимания. Мариэтта Сергеевна творила в новую эпоху и в жизни общества, и в литературе, ее высказывания,

мнения и критика и в наши дни вызывают живой интерес.

С конца 1930-х годов М.С. Шагинян начала работу над историей семьи Ульяновых. Первый раз Мариэтта Сергеевна отправляется в Ульяновск в июле 1936 года по командировке Союза писателей СССР, в ноябре того же года вновь возвращается для работы над книгой "Билет по истории". В Ульяновске М.С. Шагинян прожила до 1939 года, изучала архивы, общалась с местными жителями, которые помнили Ульяновых, работала в доме-музее В.И. Ленина, Ульяновской областной библиотеке, печаталась в местной прессе, в газете «Пролетарский путь». Она изучила «всё то, что стоит на полках кабинета Ильи Николаевича, то есть в основном педагогическую литературу двух десятилетий» и прочитала комплекты газет «Симбирские губернские ведомости».

Жизнь семьи Ульяновых вбирала в себя все токи того времени. Один из первичных вариантов романа-хроники «Билет по истории» был представлен в журнале «Красная Новь». Роман вызвал отрицательную критику в высших политических кругах и инстанциях. 5-го августа 1936 г. появилось постановление Политбюро ЦК ВКП(б), принятое по инициативе И.В. Сталина, «О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории» часть 1. «Семья Ульяновых». Роман попал в список запрещенных книг. Также постановление осудило Н.К. Крупскую, которая не воспрепятствовала появлению романа в свет, а наоборот, помогала Мариэтте Сергеевне Шагинян вникнуть в различные стороны жизни Ульяновых [1].

К началу 1960-х годов М.С. Шагинян снова возвратилась к истории семьи Ульяновых. Она написала тетралогия «Семья Ульяновых»: «Рождение сына», «Первая Всероссийская», «Билет по истории», «Четыре урока у Ленина». Цикл «Четыре урока у Ленина» состоит из очерков: «Воспитание коммуниста», «По следам Ильича», «В библиотеке Британского музея» и «Рождество в Сорренто». В данных трудах Мариэтта Сергеевна поставила задачу – раскрыть истоки личности В.И. Ленина: социальные, нравственные, исторические, философские. Особенно это видно в четвертой части книги «Четыре урока у Ленина». Также М.С. Шагинян детально показала историю России 1870-х годов.

В 1972 году она получила Ленинскую премию за тетralогию «Семья Ульяновых».

М.С. Шагинян писала: «На семидесятом году моей жизни мне пришлось пережить большую радость: моя книга «Семья Ульяновых», над которой я работала еще в тридцатых годах, снова увидела свет. С наслаждением, как в дни молодости, я окунулась в работу по расширению и дополнению романа. Первая его часть написана. Продолжению его, собираюсь посвятить весь остаток моей жизни, если позволят силы. Одновременно публикую понемножку еще не бывшие в печати письма ко мне Надежды Константиновны Крупской, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых, с которыми пришлось неоднократно встречаться и по работе, и во время работы над «Семьей Ульяновых», как с консультантами и рецензентами книги, оказавшими мне громадную помощь» [2].

М.С. Шагинян вспоминала: «Первое и главное, что меня захватило – это умение В.И. Ленина подходить к каждому явлению, как к движущемуся, живому, меняющемуся, а не то, что наклеил ярлык – и стоит на веки вечные».

В замыслах писательницы появился и такой подход к ленинской теме – стремление исследовать движение мысли, познать круг проблем, над которыми он размышлял. Первые замыслы и наброски двадцатых годов, первые очерки – всё это было подготовкой к теме [3].

В ранние годы М.С. Шагинян соприкоснулась с движением символистов, вместе с этим, она так же смогла проникнуться идеями В.И. Ленина и революции, действительности, построенной в Советское время.

Мариэтта Шагинян была яркой натурой. В своих произведениях она ставила задачу рассказать не только о действительности, но и описывала происходящие события, исходя из своей точки зрения. К М.С. Шагинян прислушивались и уважали ее при жизни. Ее творчество навсегда останется в истории нашей страны и нашего края.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959.
2. *Шагинян М.С.* Автобиография. 1954 г. // Скорино Л. Мариэтта Шагинян – художник. М., 1981. С. 3-92.
3. Лениниана Мариэтты Шагинян. Армянский музей Москвы и культуры наций.
4. Интернет ресурс – "Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина" – Литературная карта.

Халунина Ксения

ВЕЛИЧИЕ И ТРАГЕДИЯ XX ВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИЭТТЫ СЕРГЕЕВНЫ ШАГИНЯН

*«Желаю новому веку, чтоб пришел к нам в облики
человеческом и научил, как правильно жить!»*

М.С. Шагинян

XX век был прекрасным, удивительным, стремительно меняющимся и в тоже время часто жестоким и полным потрясений. Это была эпоха масштабных преобразований и многообразных поисков – ломка старого и зарождение нового мира. Революция, коллективизация, две мировые войны, период застоя, «оттепель», перестройка. Мироустройство неумолимо менялось, менялись вместе с ним и люди. Все это нашло свое отражение в творчестве писателей и поэтов того времени, ибо жизнь и творчество писателя неразрывно связаны с жизнью страны, в которой он живет.

Происходящие события, возникшие социальные и нравственные проблемы, требовали осмысления. В это время появились выдающиеся, имеющие общемировое значение, произведения признанных мастеров пера, без знакомства с которыми нельзя понять всю сложность исторического пути нашей страны.

Эти произведения до сих пор не оставляют читателя равнодушным: «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького, «Тихий Дон» и «Они сражались за Родину» М.А. Шолохова, «Петр Первый» А.Н. Толстого. В тоже время появились множество молодых авторов, которые стремились отразить свое видение мира. Все они, по-разному чувствуя это время, стремились показать его противоречивое движение в различных по стилю и жанрам произведениях.

Бурные события XX века также послужили важным фактором в формировании личности и творческой реализации Мариэтты Сергеевны Шагинян. Она – свидетель и участник всех исторических событий XX века – Первой мировой войны, Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны, эпохи строительства социализма, Великой Отечественной войны, восстановления и развития страны в сложные послевоенные годы.

Как сказал Гайто Газданов: «...конечно, всегда будут такие авторы, как Мариэтта Шагинян, которая начала с того, что писала стихи: «В эту ночь от Каспия до Нила Девы нет, меня благоуханней», а кончила ... тем, что всю ночь читала Ленина» [1].

Еще маленькой девочкой, за праздничным столом 31 декабря 1900 года, когда на маленькой железнодорожной станции встречала новый XX век, она «жадно, в оба уха» слушая, о чем говорят взрослые, начала вести дневник, тетрадку в клеенчатом переплете, на первой странице которой стояло: «Для записи впечатлений». Эта жажда впечатлений и огромный интерес ко всему новому, помноженная на ее кипучую энергию, не позволили Мариэтте Шагинян бездействовать и наблюдать события со стороны. На протяжении всей жизни она была активным участником социокультурной жизни России. В ее творчестве нашли отражение все значимые события XX века. Из-под ее пера вышли самые разнообразные произведения – художественные, документально-публицистические, мемуарные. Но все их объединяет глубокое понимание и правдивое отражение действительности [2].

Свою творческую деятельность она начала как поэтесса-декадентка. Всерьез прониклась творчеством Гете и даже

посетила ради него Германию. Но затем поменяла свои интересы и увлеклась политикой! Мариэтта Сергеевна знакомится с идеями революционных демократов. В то время за чтение Чернышевского, Писарева и других могли отчислить из гимназии [3].

В 1916 году она закончила свой первый серьезный роман – «Своя судьба», насыщенный философскими изысканиями. Название точно выражает суть романа – «своя» ли судьба у человека, может ли и должен ли он повлиять на судьбу или всё в жизни предрешено? Это ее последнее дореволюционное произведение, которое показывает ее отношение к грядущей революции.

Октябрьскую революцию она встретила с энтузиазмом и безоговорочно приняла. В письмах Надежде Газдановой Мариэтта Шагинян писала: «...О событиях. Они поглотили меня совершенно, с первых дней. ... Я вижу в таких явлениях, как большевизм, – исконно русское. Оно глубже политики и имеет корни в далеком прошлом. Большевизм – явление скорей этико-психологическое, чем принципиально-политическое. Он – от склада русской души, тяготеющей к абсолюту. Лев Толстой ведь тоже своего рода большевик.

Потому-то, иной раз, ненавидя большевиков и сознавая, что они губят Россию, я все же всегда вижу неизбежность их появления на Руси. Это – русский дух, это Русью пахнет и не может наша родина отрешиться от всех особенностей своего национального характера, да и не должна: и плохое и хорошее одинаково ведут живой организм ко благу, лишь бы было сил переварить. А сил хватит» [4].

Мариэтта Сергеевна всегда стремилась разобраться в прошлом, а современные события пропускала через призму критического мышления. Она была привержена реализму и гуманизму в творчестве, стремилась поддержать и сохранить культурные ценности, при этом во всем искала пути к жизненно необходимым переменам. Она, считая своим долгом способствовать появлению и росту молодых писательских дарований, чувствовала ответственность за нравственное воспитание народа, утверждение идеалов правды, справедливости, совести и красоты. Запись в ее дневнике

свидетельствует об этом: *«Кто не живет жизнью своего народа, теряет себя как творца»* [5].

Революция дала писательнице благоприятную почву для размышлений и написания новых произведений, содействовала окончательному формированию ее как творческой личности и обращению к новым, самым разнообразным темам литературного творчества. С 1922 года она за 2 года опубликовала 2 произведения – «Перемена» и «Приключения дамы из общества». В этих трудах очень четко показан перелом в сознании русской интеллигенции под влиянием революции.

И уже в 1924-1925 гг. в свет выходит агитационная трилогия «Месс Менд» под псевдонимом Джим Доллар. Сказочно-приключенческий роман с пропагандистским уклоном, основной темой в котором была тайная война рабочих всего мира с капиталистами. На первый взгляд – это книга для легкого чтения, без сильных переживаний и глубокого погружения. Но, понимая в какое время писался этот роман, становится очевидна непоколебимая вера М.С. Шагинян в свою страну и в свое государство. В этом была она вся, во время голода и разрухи она пишет этот оптимистичный роман, в котором видит свою страну прекрасной и процветающей. И это, безусловно, заставляет задуматься о том, как важно, чтобы были такие люди, которые несмотря ни на что, не опускают рук. Становится понятен посыл Мариэтты Сергеевны, актуальность которого не меняется с течением времени и изменениями, происходящими в мире: как бы не было тяжело и сложно, мы можем сделать наш мир лучше.

Стремление активно вмешаться в ход событий, находиться в самой их гуще наглядно представлено в творчестве Мариэтты Шагинян второй половины 1920-х годов. Как позже сама она заметила «Почти каждая из моих книг, написанных после революции, возникла в результате очень большой практической работы на том или другом участке социалистического строительства» [6].

Ее творчество представляет собой интереснейшее литературное явление, так как отражает настроения современников и направления творческих поисков советских писателей в период, когда начинался новый этап отечественной

истории – индустриализация страны. В 1925-1926 годах выходят в свет «Текстильные рассказы», куда вошли главным образом очерки, материалом для которых послужила ленинградская промышленность. Работая над циклом очерков, писательница целую зиму провела на ленинградских текстильных фабриках «Торнтон» и «Невская нитка». Затем – с 1926 по 1927 гг. – поездки по Закавказью, изучение горнорудной промышленности и создание нескольких больших циклов очерков – «Нагорный Карабах», «Зангезурская медь», «Восхождение на Алагез» и «Ткварчельский уголь» [7].

В 1927 году М.С. Шагинян отправилась в Армению на строительство гидроэлектростанции. Она не противилась даже «черной» работе: укладывала шпалы, изучала документацию и чертежи, выступала в качестве журналиста и агитатора. И в результате этой работы появилось произведение «Как я работала над «Гидроцентральнойю». Ее роман «Гидроцентраль» иллюстрирует в тончайших подробностях и деталях колоссальную картину строительства, бурное движение жизни, коренную ломку, происходившую в экономике, в быту страны, героизм труда [8].

Говоря о литературном пути Мариэтты Шагинян, невозможно не упомянуть о ленинской теме в ее творчестве. Она одна из первых начала изучать биографию В.И. Ленина. С конца 1930-х годов начала работу над биографией этого великого революционного деятеля. Раздумывая в 1926 году над сложностью подобной задачи, М.С. Шагинян признавалась: «Мне очень хочется показать его как самого человеческого человека и как титана революционной мысли, воли, дела. Я понимаю, что предстоит громадная и очень кропотливая работа, но я с радостью берусь за эту работу... И сколько ни потребовала бы времени и сил эта сложная, ответственная работа, я буду отдавать их, считая это своим долгом перед партией, советским народом, перед историей» [7].

Над ленинской темой писательница работала много десятилетий вплоть до 1970-х годов, когда появились ее исторические романы: «Семья Ульяновых», «Первая Всероссийская», «Билет по истории» и лирико-философские очерки «Четыре урока у Ленина». Она указывала, что в процессе

создания своей «Ленинианы» часто спрашивала себя: «Что сделал бы Ленин?» И отвечала себе же – он сказал бы: «Истина конкретна». В этом масштабном историко-мемуарном произведении был раскрыт процесс революционного подъема народных масс, охвативший разнообразные социальные слои и то, как под руководством В. И. Ленина осуществилась Октябрьская революция. За свою жизнь Мариэтта Шагинян провела огромную работу по изучению биографии Владимира Ленина, его трудов и его личности. В.И. Ленин стал частью жизни писательницы [3].

В годы Великой Отечественной войны Мариэтта Шагинян ведет публицистическую деятельность, направленную на агитацию и пропаганду. В очерках 1942-1943 годов она писала о советском тыле, работающим на Победу. В качестве корреспондента центральных газет Мариэтта Сергеевна уехала на Урал, в Сибирь, изучала героический тыл, результатом чего в 1942-1943 годах становится книга очерков «Урал в обороне».

М.С. Шагинян продолжала свои дальние поездки и после войны. Отправившись с вагоном газеты «Гудок» по новым строящимся дорогам: Южно-Сибирской магистрали, Кант-Рыбачье, Чу-Моинты и др., она в 1947 году выпустила книгу «По дорогам пятилетки». Это самые настоящие путевые очерки, в которых описано грандиозное строительство на Урале, в Сибири, Казахстане и Армении. В 1950 году вышел очерк «Путешествие по Советской Армении».

Много лет она вдохновенно творила, создавая произведения о выдающихся деятелях русской, армянской и мировой культуры. Не теряют своей актуальности и художественной ценности ее монографии, посвященные интеллектуальным личностям с богатыми духовными ценностями: Т.Г. Шевченко, И.В. Гёте, И.А. Крылову и статьи-этюды о русских и армянских классиках, современных писателях. Ценны литературные портреты У. Блейка, С.В. Рахманинова, В.Ф. Ходасевича и др.

Многим произведениям, отражающим неоднозначность XX века – великого, героического и одновременно полного трагедий, суждена долгая жизнь. К таким произведениям относятся последняя книга воспоминаний Мариэтты Сергеевны Шагинян «Человек и Время: История человеческого

становления». Это размышления о времени и о себе, о ближайшем своем окружении, о встречах, о тех условиях, в которых происходило ее становление как человека и как писателя.

«Я пишу о себе, о своем самочувствии. Так встает передо мной прожитое прошлое. Оно никогда не мешало мне мыслить, писать и говорить то, что я думаю, в чем убеждена. И могу сказать в лицо моим детям и читателям: я не знала за эти творческие, рабочие мои годы ни лжи, ни фальши, ни соскальзывания с простой и прямой дороги чести. Не могу не сказать этой правды в конце жизненного пути, потому что в этой правде о себе я берегу как дорогую для меня драгоценность историческую правду эпохи» [10].

«Свидетель *Времени*» – так можно уверенно назвать Мариэтту Сергеевну. Ее долгая яркая жизнь была наполнена большими и малыми историческими событиями, о которых она всегда писала горячо и заинтересованно. Она пережила падение царизма и становление советской эпохи, тяготы войны, некоторые ее произведения были под запретом, но это не уничтожило ее желание жить и творить.

«Она была универсальным, многообразным и многогранным человеком. Ее отличали чистота, искренность, доброта и порядочность. Мариэтта обладала хорошим чувством юмора», – вспоминала сотрудница Союза писателей Армении Гоар Ачмян [11].

За свою долгую творческую жизнь Мариэтта Шагинян создала произведения самые разнообразные – и художественные, и документально-публицистические, и мемуарные. Каждое из них заслуживает отдельного внимания. Она очаровывалась и разочаровывалась в различных общественных и литературных течениях, восхищалась и критиковала, и ее мнения, высказывания и критика никогда не оставались без внимания.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – неутомимый исследователь жизни, она никогда не искала «легких путей» и стремилась рассказать о происходящих событиях во всем многообразии красок, о всём своеобразии открывающегося перед ней нового дня истории.

Литература

1. Электронный журнал «Угасшие звезды». Глухая писательница. <https://ygashae-zvezdu.livejournal.com/113863.html?ysclid=12bokdsobr>
2. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013.
3. *Егоров О.* Мариэтта Шагинян в кругу советских писателей. Дипломная работа.
4. Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Дарьял». Письма Мариэтты и Лины Шагинян – Надежде Газдановой http://www.darial-online.ru/material/1999_1-shagin/.
5. *Осипова Т.О.* Феномен, именуемый Мариэттой Шагинян // Люди земли Донской. Ростов-на-Дону, 1983.
6. *Шагинян М.* Собр. соч.: в 9 т..Т. 1. М., 1986.
7. Уроки публицистического мастерства Мариэтты Шагинян. Дипломная работа.
8. *Скорино Л.* О романе «Гидроцентраль» и его авторе. Послесловие. // Шагинян М. Гидроцентраль. Изд. 2-е, доп. М., 1949.
9. *Стопченко Н.И.* Путеводная звезда Мариэтты Шагинян // Культура и цивилизация. 2015. № 3. С. 24-36.
10. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
11. *Саркисян Лаура.* Шагинян, ты моя Шагинян: с взрывным характером, но любовью в душе. Sputnik Армения. <https://ru.armeniasputnik.am/20170320/shaginyan-ty-moya-shaginyan-s-vzryvny-m-harakterom-no-lyubovyu-v-dushe-6748792.html>.

**ЦЕННОСТИ ДРУЖБЫ, СОТРУДНИЧЕСТВА
И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ НАРОДОВ В ТВОРЧЕСТВЕ
ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
В.А. ЗАКРУТКИНА И А.В. КАЛИНИНА**

Дружба, сотрудничество и взаимопонимание всегда признавались высшими нравственными ценностями, проявлением любви к человеку. Именно они делают нас лучше, добрее и сильнее. Этим ценностям посвящены работы Виталия Александровича Закруткина, Анатолия Вениаминовича Калинина, Мариэтты Сергеевны Шагинян и многих других писателей. Они писали о чести и достоинстве человека, о благородных поступках, об истине и вере.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – выдающаяся советская писательница, поэтесса, литературовед, публицист, литературный критик и ученый, историограф и искусствовед, журналист и первая советская писательница-фантаст. Мариэтта Сергеевна была человеком многогранного таланта, она оставила богатое литературное наследие. Мариэтта Сергеевна писала стихи и романы, автобиографии, повести и очерки. Она свидетель и участник исторических событий XX века – Первой мировой войны, Октябрьской социалистической революции, Гражданской войны, эпохи строительства социализма, Великой Отечественной войны, восстановления и развития страны в последующие десятилетия. Эти важнейшие этапы развития нашего государства Мариэтта Шагинян отразила правдиво и глубоко в своем творчестве.

Мариэтта Сергеевна искренне любила г Нахичевань и Донской край, который был родиной ее матери. Всегда тепло и сердечно она рассказывала о своих родителях и многочисленных родственниках. Своей матери П.Я. Хлытчевой она посвятила повесть «Перемена», в основе которой – воспоминания о жизни в Нахичевани-на-Дону и Ростове [1].

Донская земля породила множество замечательных творческих личностей, подаривших миру прекрасные

художественные произведения, ставшие новыми направлениями культурного поиска и достоянием российского искусства. В своих произведениях В.А. Закруткин и А.В. Калинин показали, как хороша наша донская земля, ее степи и поля, реки и озера, села и города, ее умный и достойный народ. Виталий Александрович и Анатолий Вениаминович навсегда останутся верными сынами своей малой Родины.

Любовь к Родине В.А. Закруткин и А.В. Калинин пронесли через весь свой жизненный путь. Именно на Дону они создали свои удивительные и знаменательные произведения. «Лесные клады», «Творцы земной красоты», «Мать человеческая», «Подсолнух» и другие произведения В.А. Закруткина – гордость отечественной культуры. Глубину замысла этих и многих других произведений будут постигать многие последующие поколения. Стиль автора легко узнаваем и неповторим.

В рассказе «Подсолнух» писатель показал историю старого чабана, Отца, потерявшего в войну сына, нашедшего в кармане старой сыновней фуфайки зернышко подсолнуха. Отец посадил зернышко на черных землях, где никогда ничего не росло... А зернышко взошло! Наперекор стихии, ветрам и зною, непогоде вырос прекрасный подсолнух, как символ бессмертия погибшего сына и победы человека над стихией [3].

В замечательной повести «Мать человеческая» Виталий Закруткин рассказал судьбу русской женщины, случайно уцелевшей в сожженном фашистами хуторе, на глазах которой были убиты муж и сын, все ее хуторяне... Героиня повести Мария – это незабываемый, талантливо воплощенный образ женщины-Матери, Труженицы, Воительницы и Победительницы [3].

Виталий Александрович писал о человеке на земле и человеке на войне, писал о самоотверженном военном труде, о ростовчанах, о сложном периоде восстановления города, о тяжелой послевоенной жизни.

В станице Кочетовской, куда В.А. Закруткин переехал после войны, он написал очерки о жителях станицы, ставших нескончаемой повестью о суровой правде войны. Основой этих очерков стали фронтовые письма и рассказы.

В замечательном творчестве В.А. Закруткина всегда чувствуется особое отношение к человеку-труженику, который любит землю, уважает труд людей. Виталий Александрович в своих произведениях очень высоко ценил качества настоящего человека, такие как дружба, сотрудничество и взаимопомощь. Эти взгляды были воспитаны в нем с детства и стали его жизненными принципами и установками.

Виталий Александрович был офицером-фронтовиком, он прошел путь от Кавказа до Берлина. Всё, что было увидено и услышано им на войне, нашло отражение в его произведениях. Виталий Александрович на своем личном опыте узнал цену дружбы, взаимовыручки и сотрудничества. В горячих боях, в моменты затишья, во время войны и в мирной жизни он постигал различные грани души человека.

Достоинством Донского края и всей нашей страны является и литературное творчество писателя Анатолия Калинина. Воспоминания о многочисленных переездах в детстве вместе с родителями, его наблюдения и заметки о простой жизни, очаровательной донской природе, неповторимой казачьей культуре – всё это нашло отражение в его произведениях.

Писать о жизни и культуре русского народа Анатолий Вениаминович Калинин начал еще в пионерском детстве с юношеских заметок в газетах «Ленинские внучата» и «Пионерская правда». Уже тогда были опубликованы его первые стихи в детском журнале «Костер», в краевой газете «Молот».

Свое видение ценностей культуры различных народов, их языка, быта, важности уважения к истории каждого народа он много раз излагал в своих рассказах и очерках.

Анатолий Вениаминович трудился в районных и областных газетах на Дону, на Кубани, в Кабардино-Балкарии, так же являлся собственным корреспондентом в Армении, на Украине, в Кабардино-Балкарии и на Дону.

Его стихи, рассказы и очерки, посвященные людям казачьего края, привлекают особый интерес читателей.

В 1940 году вышел первый роман А.В. Калинина «Курганы», посвященный колхозной жизни. Произведения военных лет

Анатолия Вениаминовича посвящены размышлению о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

Работы военного лихолетья – это произведения о солдатах, вчерашних колхозниках, казаках, их взаимоотношениях, представлениях о мире, жизни и войне.

После войны Анатолий Вениаминович продолжает писать о войне: «Неумирающие корни», «В тылу отстающего колхоза». Его герои – это люди с непростым характером и сложной судьбой. Многие образы Анатолием Вениаминовичем списаны из жизни. А.В. Калинин вместе со своими героями размышляет о совести и чести человека на земле, например, книга «Запретная зона», в которой автор продолжает исследовать ценности души человека, размышляет над пороками природы человека. Об этом же и произведения «Эхо войны», «На юге».

Роман «Цыган» принес А.В. Калинину всенародную известность. В основу этого произведения легли впечатления военных лет: услышанный А.В. Калининым рассказ об украинской женщине, спасшей оставшегося в живых младенца. Прообраз Будулая создавался на основе знакомства с солдатом цыганской национальности, встреченного Анатолием Вениаминовичем в госпитале.

Действующие лица романа ищут и находят родную кровь, встречаются и расстаются, сомневаются и убеждаются в правильном и вечном, в надежной опоре и верности, в дружбе и поддержке, в вечном и сиюминутном. Все эти люди-представители разных национальностей, разных профессий и поколений. Но всех их объединяет любовь к своей Родине и дому.

В.А. Закруткин и А.В. Калинин – последователи шолоховских традиций в литературе, они являются всенародно любимыми писателями. Их герои обрели вторую жизнь в кинематографе.

Творческое наследие В.А. Закруткина и А.В. Калинина остается актуальным до сих пор.

Тема дружбы, сотрудничества и взаимопонимания народов являлась одной из центральных в произведениях Мариэтты Сергеевны Шагинян, Виталия Александровича Закруткина и Анатолия Вениаминовича Калинина. Столь разноплановое

творчество Мариэтты Сергеевны и ее современников было основано на принципах взаимоуважения народов нашей страны, высокой культуры межнационального общения, изучения исторических и культурных традиций своего и других народов.

Стихи и проза, очерки и повести, романы и рассказы Мариэтты Сергеевны, Виталия Александровича и Анатолия Вениаминовича читателю повествуют о ценностях гуманизма, доверия и понимания, о важности сохранения уникальной духовной культуры. Целью произведений является укрепление и развитие доверия и дружбы между людьми, в том числе между людьми разных национальностей и культур.

Литература

1. Великая Отечественная война в жизни и творчестве М. С. Шагинян и ее современников. Материалы VII-х Шагиняновских чтений. Ростов-на-Дону, Чалтырь, 2020.

2. *Гегузин И.М.* Путь писателя. О жизни и книгах В.А. Закруткина. Ростов-на-Дону, 1968.

3. *Медведева Т.А.* Жизнь, отданная Донской земле. https://rodbv.ru/literary-ethnography/modern_writers/vitaliy-aleksandrovich-zakrutkin/index.php

4. *Петелин В.В.* «Неувядаемое». Заметки о творчестве В.А. Закруткина. М., 1979.

5. *Серебрянский М.* Романы о деревне: литературные заметки // Литературный Ростов, 1941.

6. *Скорино Л.И.* Мариэтта Шагинян – художник: жизнь и творчество. М., 1975.

7. *Шишкина Н.* Возвращение цыгана Будулая: заметки о творчестве А.В. Калинина. М., 1978.

**ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
И РЕАЛИЙ ДОНСКОГО КРАЯ В XX ВЕКЕ
В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ А.В. КАЛИНИНА**

*Иду я со всеми в ногу.
На равных живу, не ниже.
Хоть сделал не очень много,
Но лишним себя не вижу.
Шагаю по жизни смело,
Порой хоть не так умело,
Но знаю, куда шагаю.
Знаю, чего достигаю!*

Главное достояние Донского края – люди, проживающие на берегах великого Тихого Дона и Азовского моря. Именно донская земля породила лауреата Нобелевской премии в области литературы, выдающегося писателя М.А. Шолохова. Пожалуй, после М.А. Шолохова особым уважением и симпатией среди земляков пользуется творчество донского писателя А.В. Калинина.

Анатолий Вениаминович Калинин родился 22 августа 1916 года в станице Каменской (в настоящее время г. Каменск-Шахтинский) незадолго до того времени, когда каждый, живущий на Дону, должен был осуществить свой нелегкий выбор: пойти ли за новой красной властью или встать на защиту незыблемых ценностей тихого Дона: веры, царя-батюшки, живой еще вольницы и всего донского казачества в целом.

Станица Каменская в эти годы оказалась в эпицентре революционного раздора на Дону – в 1918 году здесь состоялся съезд казаков-фронтовиков, на котором появился на исторический свет Военно-революционный комитет. Вскоре после этого ревкомовцы объявили о создании на территории Войска Донского советской республики в составе федеративной советской России.

Происходящие события не могли не захватить станичных интеллигентов – супругов Калининых. Были они учителя и

казаки: родовые корни Вениамина Александровича шли из Новочеркасска, а Евгения Ивановна была казачкой станицы Каменской. Революцию Калинины приняли благосклонно, ожидая от нее социальных и культурных перемен. На революционные дела вдохновили подоспевшие знакомства с «самым красным» казаком Федором Подтелковым и семьей Автономовых, один из членов которой – Александр Автономов – стал вскоре командующим советской Кавказской армией.

В таком бурлящем котле гражданских противоречий и началась жизненная стезя будущего писателя. Переезды и пламя войны – это самые яркие впечатления раннего детства. Однажды мальчик увидел, как белогвардейцы подожгли бараки с больными и ранеными, – эта ужасная картина врезалась в память на всю жизнь. Еще один незабываемый страх писатель пережил, когда бандиты ворвались в жилище, но мать, выстрелившая из нагана в грабителей, погнала нападавших вон из дома в тьму бездонной степи.

После Гражданской войны Калинины жили в Тарасовской слободе и в Миллерово. Там отец и мать продолжали образовывать школьников, попутно занимаясь различной просветительской деятельностью в хуторах. Где было возможно, устраивали драмкружки. Оба хорошо знали народные сказания и фольклор, а новая история добавила в сельские театры еще и новых героев – революционеров. Так постепенно к семейному творчеству приковывалось внимание маленького Анатолия.

Места проживания семьи всегда были связаны с простой жизнью, дивной донской природой и неумирающей, но затаившейся казачьей культурой. «Где искать гармонию музыки жизни и музыки слова, как не в казачьей песне», – писал впоследствии Анатолий Калинин. Дон навсегда останется одним из главных действующих лиц его произведений.

Еще пионером А.В. Калинин начал писать заметки о сельской жизни, о первых колхозах на Дону в газеты «Ленинские внучата» и «Пионерская правда», стихи – в детский журнал «Костер». И удивлял взрослых каким-то своим недетским взглядом на окружающий мир... Первые стихи и рассказы были опубликованы в краевой газете «Молот», но очень требовательный к себе писатель впоследствии назвал их

«плохими и поверхностными».

С 1932 года Анатолий Вениаминович работал в районных и областных газетах на Дону, Кубани, в Кабардино-Балкарии. В 1935 году А.В. Калинина, как способного журналиста, пригласили на работу в «Комсомольскую правду». Он был собственным корреспондентом в Армении, Кабардино-Балкарии, на Украине, на Дону. Донщина – казачий край с его бытом, традициями, народным языком – больше всего волновал А.В. Калинина. Об этом крае он писал очерки, рассказы и стихи.

«Я помню время, когда слово «казак» не произносилось», – вспоминал А.В. Калинин. Он считал, что возрождение казачества, его традиций, его уклада жизни началось еще на полях Великой Отечественной войны. Уже в 1943 году А.В. Калинин опубликовал статью «Донские казаки». Именно с подписания указа И.В. Сталина о создании Донского казачьего корпуса, по словам писателя, были забыты все распри и казаки пошли на защиту Отчизны.

Первая книга А.В. Калинина вышла в 1940 году. Это был роман «Курганы», посвященный колхозной нови в казачьем крае. Он пришел в литературу, хорошо зная то, о чем пишет: крестьянский труд, казачий быт, народный язык. Крестьяне, колхозники-казаки, надевшие по призыву Родины солдатские шинели, стали главными героями произведений А.В. Калинина в годы Отечественной войны. Он писал и посылал в газеты очерки из-под Ростова, Моздока, Сталинграда. В 1943 году в Ростове вышла очерковая книжка А.В. Калинина «Казаки идут на Запад».

Его произведения военного лихолетья – это проза, написанная по горячим следам. 5-й Донской казачий корпус, с которым он прошел путь от Терека до Австрийских Альп, солдаты, офицеры стали неизменными героями очерков и художественных произведений.

После войны А.В. Калинин поселился на Дону, в хуторе Пухляковском, где жил и творил до самого последнего мгновения. Он не скрывал, что пример бесконечно близкого по духу человека – Михаила Александровича Шолохова, обосновавшегося в станице Вешенской, сыграл для него в жизни большую роль.

Художественный мир А.В. Калинина постепенно заселяется его земляками, порой с реальными фамилиями, их судьбы вплетаются в военную тему. Очерки А.В. Калинина о людях донских станиц («Неумирающие корни», «В тылу отстающего колхоза») начинали галерею героев, которые прошли потом через большинство произведений писателя.

В 1962 году вышел в свет роман А.В. Калинина «Запретная зона», посвященный строительству Волго-Донского канала. Книга жжет своей «голой» правдой. Не случайно писатель вместе с семьей просто переехал в станицу Цимлянскую, чтобы оставаться в гуще событий. Это было Слово о совести и чести человека крупного масштаба, руководителя. Герой романа Греков не был придуман, а взят из жизни, как впрочем, и очень многие персонажи его романов и повестей.

В 1963 увидела свет повесть «Эхо войны». А.В. Калинин исследует феномен предательства и, главной причиной этого зла называет своекорыстие, желание приумножить свое богатство любым способом, даже ценой предательства. Варвара Табунщикова выдает немцам раненого солдата. Спустя годы после войны настигает Варвару возмездие – она не выдерживает взгляда матери солдата, погибшего по ее вине, и падает, сраженная параличом. Этот эпизод мог бы стать эффектным концом повести, но А.В. Калинин продолжает повествование о том, как тяжело пришлось дочери Варвары – ухаживать за парализованной матерью, выполняя дочерний долг, и сносить при этом попреки окружающих за то, что обихаживает «волчицу». Такая разомкнутость сюжета, размытость окончания оказывается сродни мифу.

Но не роман «На юге» и другие произведения на казачью тему принесли Анатолию Калинину всенародную известность. Она пришла к нему с публикацией романа «Цыган». «Образ Будулая появился у меня в тот момент, когда командир казачьего корпуса Селиванов привел меня в госпиталь, где вручали орден Красной Звезды цыгану-разведчику Ищенко. Тогда я еще не знал, что буду писать роман «Цыган»... А до этого, когда мы отступали под Малой Белозеркой, я видел цыганскую раздавленную кибитку. Мне рассказали, что какая-то украинская женщина взяла оставшегося в живых младенца...

Потом, когда я переехал в Пухляковку, через некоторое время здесь поселился кузнец-цыган. Звали его Иваном Васильевичем, жену Галей, а младшего брата – Будулаем», – вспоминал об истории написания романа сам автор. На имени, правда, сходство с книжным героем и ограничивалось. Внешность, поступки и судьбу Будулая А.В. Калинин списал со многих персонажей, в том числе и цыгана-героя Ищенко.

Анатолий Калинин – один из последователей шолоховских традиций в литературе. В 1964 году была издана книга очерков писателя о М.А. Шолохове – «Вешенское лето», которая много раз переиздавалась. В 1975 году вышла в свет книга А.В. Калинина «Время «Тихого Дона».

В последние годы Анатолий Калинин все так же активно и плодотворно работал, как и в прежние времена. Несколько произведений он посвятил Михаилу Шолохову – своему кумиру, литературному наставнику и другу, опубликовал поэмы и стихи, в замыслах был стихотворный роман о донских казаках. И, конечно, – никогда не смолкал в его «зеленом кабинете» гул войны, переносившийся снова и снова на страницы его рассказов и повестей.

В 2008 году после продолжительной болезни всенародно любимый писатель скончался в хуторе Пухляковском. На похоронах кто-то сказал, что все читатели теперь – сироты, но вместе с тем и ответственные наследники. В их руках – огромное достояние, осуществить которое не под силу даже целой группе людей.

Литература

1. Ростовский областной дом народного творчества (электронный ресурс: folkro.ru)
2. Газета ПИК/ Каменск-Шахтинский (электронный ресурс: gazetapik.ru)

НАШИ АВТОРЫ

Айдинян Ангелина Атанесовна, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 3, с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Артеменко Виталий Валерьевич, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 13, х. Ленинаван Мясниковского района Ростовской области.

Белов Анатолий Викторович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Зулумян Буростан Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, г. Москва.

Куликова Галина Николаевна, директор ГБКУК Ростовской области «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Кучурян Жанна Александровна, студентка Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Козлов Сергей Сергеевич, старший научный сотрудник отдела «Музей русско-армянской дружбы» ГБКУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Матвеев Герман Аронович, кандидат исторических наук, председатель Оргкомитета Шагиняновских чтений, г. Ростов-на-Дону.

Осипова Татьяна Осиповна, кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Орлова Моника Викторовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела Государственного музея истории российской литературы «Музей Серебряного века», г. Москва.

Паламарчук Евгений Александрович, доктор исторических наук, доцент Ростовского Института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону.

Попова Антонина Анатольевна, член Союза писателей России, МБУК РГ ЦБС, филиал № 14 библиотеки им. А.В. Калинина, г. Ростов-на-Дону.

Савостина Александра Алексеевна, отличник образования Российской Федерации, зам. председателя региональной Ростовской украинской национально-культурной автономии (РРУНКА), г. Ростов-на-Дону.

Савчук Инна Васильевна, историк, краевед, член Российского военно-исторического общества, г. Старая Русса Новгородской области.

Самарина Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, г. Ростов-на-Дону.

Саядов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, исполнительный директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», г. Ростов-на-Дону.

Соколова Маргарита Юрьевна, заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Шолохова Татьяна Анатольевна, начальник отдела РР филиала АО «Россельхозбанк», внучка писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского, г. Ростов-на-Дону.

Шукина Елена Львовна, кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Чекрыгин Евгений Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

Амбарян Инга, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 12 (руководитель – А.Д. Хырхырян), х. Красный Крым Мясниковского района Ростовской области.

Атамас Виктория, ученица 11 класса МБОУ СОШ № 3 (руководитель – Е.Н. Адамян), с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области.

Беликова Александра, ученица 9 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Воронов Арсений, ученик 9 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Кибалова Галина Александровна, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге, г. Ростов-на-Дону.

Рыбченко Екатерина, ученица 9 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Терехова Мария, ученица 9 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Халунина Ксения, ученица 9 класса МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге (руководитель – Г.А. Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Щеколдина Светлана Александровна, педагог дополнительного образования МБОУ ДО ДДТ, поселок Тарасовский Ростовской области.

СОДЕРЖАНИЕ ПРИВЕТСТВИЯ

<i>Куликова Г.Н.</i> , директор ГБКУК Ростовской области «Ростовский областной музей краеведения»	3
<i>Саядов С.М.</i> , исполнительный директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»	3

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Белов А.В.</i> Осмысление Времени в творчестве М.С. Шагинян	6
<i>Паламарчук Е.А.</i> М.С. Шагинян вспоминает: автопортрет на фоне эпохи	15
<i>Матвеев Г.А.</i> Автопортрет М.С. Шагинян (по материалам книги «Человек и Время»)	23
<i>Зулумян Б.С.</i> (г. Москва) Мариэтта Шагинян и Зинаида Гиппиус: история взаимоотношений	32
<i>Орлова М.В.</i> (г. Москва) Мариэтта Шагинян и Серебряный век: основные этапы и события XX века в творчестве М.С. Шагинян и ее современников на выставке в музее Серебряного века (ГМИРЛИ, г. Москва)	40
<i>Соколова М.Ю.</i> Два издания сказки М.С. Шагинян «Повесть о двух сестрах и о волшебной стране Мерце»	44
<i>Тикиджьян Р.Г., Кучурян Ж.А.</i> Проблемы социальной защиты в Советской России и СССР в 1920-1930 гг. в произведениях М.С. Шагинян ...	49

Самарина Н.В. Женское движение и женский вопрос начала XX века на страницах газеты «Приазовский край»	59
Осипова Т.О., Чекрыгин Е.Д. Михаил Шолохов в творческом сознании Анатолия Калинина	74
Артеменко В.В. Феномен Софии Парнок в контексте советской культуры 1920-1930-х гг.	80
Шолохова Т.А. Т.М. Керашев – писатель и сын адыгейского народа (по материалам семейного архива Г.Ф. Шолохова-Синявского)	90
Щукина Е.Л. Серебряный век на Дону в мемуарах и рецензиях современников	94
Попова А.А. Грустная проза поэта	102
Савчук И.В. (г. Старая Русса) XX век в литературном наследии М.С. Шагинян и ее современников	108
Шолохова Т.А. Слово о друге-писателе А.П. Бибике (по материалам семейного архива Г.Ф. Шолохова-Синявского, переписки двух писателей)	112
Козлов С.С. Отношения между Ростовом и Нахичеванью в 1860-1917 гг.	127
Айдинян А.А. Тематика ранней поэзии М.С. Шагинян	136
Савостина А.А. Украинские поэты, современники М.С. Шагинян	139

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

Кибалова Г.А. Исторические события XX века в литературном наследии донского писателя А.В. Калинина	147
Щеколдина С.А. Явление и взлет таланта скульпторамонументалиста Н.В. Можяева, современника М.С. Шагинян	151

<i>Воронов Арсений</i> Любовь к Родине в творчестве выдающихся донских писателей, современников М.С. Шагинян	157
<i>Беликова Александра</i> Человек и война. Страницы истории Великой Отечественной войны в творческом наследии В.А. Закруткина	159
<i>Атамас Виктория</i> М.С. Шагинян об учителе и педагогических проблемах своего времени	164
<i>Рыбченко Екатерина</i> Ленинская тема в творчестве М.С. Шагинян (по страницам произведения «Семья Ульяновых»)	172
<i>Халунина Ксения</i> Величие и трагедия XX века в творчестве Мариэтты Сергеевны Шагинян	175
<i>Терехова Мария</i> Ценности дружбы, сотрудничества и взаимопонимания народов в творчестве донских писателей В.А. Закруткина и А.В. Калинина	183
<i>Амбарян Инга</i> Отражение исторических событий и реалий Донского края в XX веке в литературном наследии А.В. Калинина	188
Наши авторы	193

Для заметок

Научное издание

**М.С. ШАГИНЯН И ЕЕ СОВРЕМЕННОКИ
О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ**

**Материалы
IX Шагиняновских чтений – региональной
научно-практической конференции**

13–14 мая 2022 года

Ответственные за выпуск – *Г.А. Матвеев, М.Ю. Соколова*

Литературная редакция, компьютерная верстка и
оригинал-макет – *А.В. Белов*

Сдано в набор 12.09.2022. Подписано в печать 29.09.2022.
Формат набора 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ № 400.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 111.
Тел. 8-918-570-30-30